

Майя Гёпель

**МИР
ПОСЛЕ
НАС** Как не дать
планете
погибнуть

Перевод с немецкого

Москва • 2021

Приглашение

В середине XX века люди впервые увидели свою планету из космоса. Возможно, когда-то историки придут к выводу, что это событие больше повлияло на сознание людей, чем революционное открытие, сделанное Коперником в XVI веке, которое продемонстрировало, что Земля не является центром Вселенной.

Из «Доклада Брундтланд» (Доклад Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию)

Лондон, октябрь 2019 года. Во время утреннего часа пик два человека залезают на крышу вагона метро, и теперь он не может отойти от платформы. Жители пригорода, собиравшиеся ехать на этом поезде на работу, стоят перед закрытыми дверями вагонов. Вскоре акция парализует жизнь всей станции, на перроне растет толпа, шум все сильнее. Пока люди постепенно с возмущением осознают, что опоздают на работу, двое на крыше вагона разворачивают транспарант, на котором написано: "Business as Usual = Death" — «Продолжать как обычно = смерть».

Для обитателей пригорода «продолжать как обычно» в данном случае означало ехать на работу. В офис или на фабрику. Усесться перед компьютером, поучаствовать в совещании, встать к станку, что-то произвести или дать кому-то задание. Добиться повышения оборота и прибыли, способствовать экономическому росту, заодно обеспечивая собственное существование, чтобы платить за квартиру, возвращать кредиты и иметь возможность купить что-нибудь себе и детям. Короче говоря, продолжать жить той же знакомой и привычной всем нам жизнью.

Что в этом может быть неправильного и даже грозящего смертью?

Активисты, забравшиеся тем осенним днем на крышу поезда, были членами движения Extinction Rebellion¹, что значит «Восстание против вымирания». Вымирание, против которого они восстают, касается не только стремительно исчезающих с лица земли животных — с этим мы уже примирились. Речь идет не только о китах, пчелах и белых медведях. Нет, они без всякой иронии говорят о вымирании нашего вида. Человечества. О нас с вами.

Так же как Грета Тунберг, чья школьная забастовка породила одно из самых заметных протестных движений во всей истории человечества, участники Extinction Rebellion организуют акции гражданского неповиновения в защиту климата и окружающей среды.

Они требуют от политиков, чтобы те наконец приняли серьезные меры по борьбе с глобальным изменением климата, и выдвигают конкретные предложения. При этом они не только устраивают демонстрации, но и блокируют общественные места, часто в ярких костюмах, и всегда следуя важному правилу — сохранять доброжелательность. Тем осенним лондонским днем сотни активистов и активисток перекрыли дороги, залезли на мосты, пробрались в залы вылета в аэропортах. Они хотели без применения силы, но как можно нагляднее донести до максимального количества людей, что, по их мнению, является настоящей причиной климатических изменений и неконтролируемого уничтожения жизни — наша совершенно нормальная повседневность.

Для людей, которые тем утром не могли сесть в поезд, ситуация была настолько невыносимой, что они закидывали активистов сэндвичами и обливали напитками. Когда это не помогло, один из пассажиров залез на крышу и столкнул парней на платформу, где до прихода полиции разъяренная толпа их избила.

Это столкновение произошло не из-за куска хлеба, не из-за глотка чистой воды, не из-за крыши над головой или последнего литра бензина. Люди пошли друг против друга из-за нескольких минут опоздания на работу. Одни хотели спасти мир, другие — добраться до офиса. Одни стремились избавиться от старых привычек, другие — держаться за них. Надо отметить, что для обеих сторон речь идет о собственной жизни и о будущем детей, но одни принимают то, что отвергают другие. Похоже, что одни обязательно должны проиграть, чтобы другие победили. Здесь только или «они» — или «мы».

Неужели вот так выглядит будущее во времена климатических изменений?

Что же, наша жизнь будет постоянной борьбой?

Сегодня под огромным давлением почти одновременно оказались все те системы, которые в течение многих десятилетий как будто безотказно функционировали и день за днем давали человечеству все больше энергии, продовольствия, медикаментов и безопасности. Они создали такую эпоху, в которой, грубо говоря, все получали всё больше. Благосостояние — и для бедных тоже. Прогресс во всех сферах науки и техники. Мир даже между теми странами, чьи политические системы принципиально различаются. А когда всего становится больше, вопросы распределения благ уже не кажутся такими важными. Изумление, что эта эпоха когда-то закончится, сопротивление, которое вызывает одна только эта мысль, и следующая за ним растерянность — все это показывает, как мы привыкли к такому положению дел, которое кажется нам абсолютно нормальным. То, что поколение наших родителей еще считало привилегией, сегодня для большинства стало повседневностью.

Но вместе с этим мы заметили, что «продолжать как обычно» уже не получается.

Речь ведь идет не только об изменении климата, о пластике в Мировом океане, о горящих тропических лесах или о массовом вымирании животных. Это еще и безудержный рост арендной платы в городах, обезумевшие финансовые рынки, расширяющаяся пропасть между бедными и богатыми, эмоциональное выгорание и многочисленные непредсказуемые последствия генной инженерии и цифровизации. Мы уже давно видим, что наш мир меняется. Наше настоящее оказалось очень ненадежным, а будущее неотвратно приближается к сценарию, известному нам по фильмам-катастрофам. Столь популярные сегодня утопии превращаются в дистопии. Наша вера в завтрашний день сменяется беспокойством и страхом. То, что в малых масштабах обещало хорошее решение проблем и высокий уровень комфорта, на глобальном

уровне превратилось в угрозу. Мы чувствуем, что приближаются огромные перемены: то, что когда-нибудь наступит, оказывается все сложнее понять с позиции того, что уже произошло. Само собой разумеющиеся патентованные рецепты больше не действуют. Любое решение одной проблемы одновременно усложняет другую. И тогда идут споры о том, какую проблему надо решать первой. А что, если мы найдем рычаги, с помощью которых сможем решить сразу несколько проблем? Механизмы, которые хоть и поставят под сомнение многие признанные истины, зато позволят не просто реагировать на внушающее тревогу грядущее, но активно создавать то будущее, какое нам нужно?

Я приглашаю вас изучить такие рычаги. Дело в том, что будущее не может свалиться на нас с небес. Так не бывает. Оно во многом зависит от наших решений.

Именно поэтому я хотела бы предложить вам внимательно взглянуть на мир, в котором мы живем, чтобы заново осмыслить его возможности. Человечество делало это уже много раз в истории, особенно в кризисные времена. Многие технологические прорывы были обусловлены потребностью найти альтернативу. Так сегодня обстоит дело с возобновляемыми источниками энергии. Изменения в общественной жизни порождались чьей-то уверенностью в том, что все должно быть устроено по-другому. И посмотрите-ка: женщины уже могут голосовать, а народ — править.

Сегодня перемены должны совершиться в таком масштабе, который охватит не отдельные части, а все общество в целом. Наука называет эти процессы великими трансформациями — они включают в себя экономические, политические, общественные и культурные преобразования, в том числе в искусстве и в мировоззрении. Такие изменения, происходившие в прошлом, получили название неолитической и — намного позже — промышленной революций. В первом случае маленькие группы кочевников перешли к оседлому образу жизни и постепенно разрослись до феодальных аграрных обществ. Во втором благодаря использованию ископаемых источников энергии возникли совершенно новые экономические и общественные отношения — появились буржуазия и национальные государства.

Наш сегодняшний мир принципиально отличается от того, который сложился 250 лет назад во время промышленной революции. И все же мы пытаемся решить нынешние проблемы, исходя из тогдашнего взгляда на мир. Мы забыли, что необходимо проверить наш образ мыслей на его пригодность в современной жизни. Переосмысление нашего мировоззрения высвободит именно те рычаги, с которыми мы сможем выйти из кризиса и сформировать жизнь XXI века.

Это не книга о климате. В ней речь пойдет не о том, на сколько градусов поднимется средняя температура на Земле в ближайшие годы и к каким последствиям для жизни на нашей планете это приведет. В ней нет упоминаний о таянии ледников, о повышении уровня моря или о тех

местах, где никто больше не может жить, потому что они затоплены, или превратились в пустыни, или пострадали от разрушительных ураганов. В ней не говорится о вымирании множества видов, начиная с гибели динозавров, о закислении океана, о недостатке питьевой воды, об угрозе голода и эпидемий, о потоках беженцев или об одном из бесчисленных сценариев будущего, о которых уже давно предупреждают ученые и которые нередко реализуются быстрее, чем те предсказывали, — всему этому посвящено множество исследований.

Я не климатолог. Я занимаюсь общественными науками и мои основные интересы связаны с политической экономией. Я изучаю те способы, которыми люди ведут хозяйство и организуют совместную жизнь. Какие взаимоотношения возникают у них с природой и с другими людьми. Как они обращаются с ресурсами, энергией, сырьем, рабочей силой. По каким правилам они организуют труд, торговлю и финансовые потоки. Какие технологии они развивают и как их применяют. Прежде всего мне хочется понять, почему возникают те или иные решения проблем и почему одни концепции распространяются, а другие нет. Какие идеи, ценности и интересы стоят за этим? Откуда приходят эти идеи? Каким образом они превращаются в те могущественные теории, которые определяют сегодня не только экономику, но и наше мышление, мировоззрение и самосознание? И почему идеи, которые за последние 250 лет так разрослись и укоренились, сегодня не очень помогают нам вывести глобальную экосистему и человеческое общество из кризиса и получить шанс на будущее?

Можно предположить, что наша экономическая система развивалась естественным образом, примерно так же, как когда-то флора и фауна развивались без нашего вмешательства. Но системы, которые создают люди, функционируют по-другому. Мы оцениваем ситуацию, в которой находимся, и задаем правила, в соответствии с которыми изменяем ее. Эти изменения могут быть продиктованы культурой, рынком или просто границами государства — в большинстве случаев все факторы воздействуют одновременно. В повседневной жизни мы почти не замечаем своей роли в созидании окружающей нас реальности и не обращаем внимания на идеи и инновации, уже давно ставшие общими местами, законами, институтами и обычаями, — но наш мир, каким мы его знаем, каким мы его устроили, состоит из тех самых созданных нами правил.

И если мы хотим понять, как такое могло произойти, почему человечество за время жизни двух поколений поставило планету — то есть все, что имеет в своем распоряжении, — на порог гибели, нам надо осознанно пересмотреть эти идеи, структуры и правила.

А как это — осознанно?

Это значит отдавать себе отчет в том, что делаешь, и задаваться вопросом, зачем это делается. В науке мы называем это рефлексивным методом. Он дает нам возможность чему-то научиться. Тот, кто не

задумывается над тем, почему поступил так, а не иначе, никогда не решится начать действовать по-другому. Если мы не готовы принять альтернативу, то наша реакция на новые задачи часто остается только копией давно известных ответов.

Переосмыслить фундаментальные принципы и экспериментировать с ответами — значит вернуть себе свободу и возможность созидания. Это дает нам шанс выработать действительно новые принципы, а не отвечать на современные вызовы постоянным повторением старого. Поэтому мне так нравится заниматься наукой. И поэтому я написала эту книгу. Это не сборник неких деталей, фактов, цифр и различий между отдельными моделями и прогнозами. Это попытка как можно более доходчиво изложить основные направления ощущающихся сегодня перемен и предложить некоторые идеи и взгляды, которые, может быть, смогут согласовать кажущиеся несовместимыми позиции, и таким образом сориентироваться в процессе поиска общего устойчивого будущего.

Я выросла в деревне поблизости от Билефельда, где мои родители вместе с их друзьями, у которых тоже были дети, перестроили старый фермерский дом. Он был достаточно большим, чтобы каждая семья жила в собственных комнатах, но при этом мы постоянно были вместе. Я до сих пор воспринимаю детей друзей моих родителей как своих братьев и сестер. Мы ходили в одну, незадолго до этого основанную прогрессивную школу, в которой вместо оценок были только так называемые отчеты об учебном процессе. Когда после обеда мы возвращались домой, взрослые занимались нами по очереди, чтобы другие могли работать. Мы, дети, проводили время в строительном вагончике, стоявшем в нашем саду и, конечно же, раскрашенном во все цвета радуги. Ясное дело, в деревне нас считали хиппи, но на самом деле у всех взрослых были вполне буржуазные профессии. Мои родители — медики, они занимались профилактикой заболеваний и преодолением последствий травм. Оба по-прежнему являются членами движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».

У меня было типично нетипичное для Федеративной Республики Германии 1980-х годов детство, но за пестрой чередой отчетов в нашей прогрессивной школе я всегда понимала, как нам повезло расти в нашем экосоциальном деревенском доме. Мне не очень нравились вегетарианские бургеры, которыми нас кормили, и я не отказалась бы запивать их колой, но ее у нас в меню не было. Не могу сказать, что сильно страдала без мяса, хуже было без молока, орехов и грибов. Это случилось после Чернобыля. Я очень хорошо помню мешок сухого молока в кладовке и запрет бродить по полям в первые дни после аварии. Было непонятно, насколько велик уровень радиации. Все это казалось очень странным, особенно из-за того, что излучение невидимо. Через несколько лет началась война в Персидском заливе, и в знак протеста мы с другими учениками перекрыли площадь Янплац в Билефельде. Тогда я задала себе вопрос: все люди, которых я знаю, хотят

любви, мира, победы над бедностью, красивой и безопасной окружающей среды. Почему же мы просто не можем все это сделать?

Что не дает нашему обществу этого добиться?

Желание разрешить этот парадокс до сих пор является главным стимулом моей жизни. Я училась в Германии, Испании, Швейцарии и Канаде, путешествовала с рюкзаком за плечами по Южной Америке и США, была волонтером Союза охраны окружающей среды и природы Германии и благодаря этому побывала в Гонконге, Мехико и на конференциях ООН по торговле и развитию, где мы сотрудничали с международной сетью «Наш мир не продается». Вместе с единомышленниками из общественной организации «Всемирный совет будущего» мы объединяли усилия людей со всего мира, чтобы требовать от политиков лучшей защиты интересов и прав будущих поколений, и отстаивали свои требования во время заседаний ООН в Нью-Йорке и ЕС в Брюсселе. Став матерью, я начала заниматься исследованиями в области окружающей среды, климата и энергии в Вуппертальском институте. Там я смогла применить свой практический опыт к изучению глобальных социальных трансформаций с теоретической точки зрения. Я всегда хотела посвятить себя науке, но при этом мне было скучно получать такие знания, которыми я могла бы делиться только с узким кругом других экспертов. Меня тянуло к более активной общественной жизни, прежде всего туда, где люди самоотверженно преследуют цели, не связанные с их благосостоянием или успехом. Я многому научилась у таких людей и всегда стремилась использовать увиденное в своей научной деятельности. Сегодня я работаю генеральным секретарем Научного консультативного совета по глобальным изменениям окружающей среды при федеральном правительстве. Это объединение независимых экспертов, которые регулярно собирают данные о важнейших тенденциях развития и состояния окружающей среды, чтобы дать возможность тем, кто принимает политические решения, ориентироваться на эту информацию. Большую часть своего времени я занимаюсь распространением полученных сведений, перерабатывая их так, чтобы они были понятны как можно большему количеству людей. В наше время — так называемую эпоху постправды — я остаюсь непоколебимо преданной гуманизму и верю в силу знания и совести. Я верю в возможность взаимопонимания и выхода из тупика после выяснения причин недоразумения. В марте 2019 года мы создали в то время еще малочисленную группу «Ученые за будущее» и составили открытое письмо в поддержку молодых людей, вышедших с протестом на улицы наших городов, в котором привели множество фактов в доказательство абсолютной обоснованности их действий. В то время мы не могли предположить, что через три недели это письмо уже подпишут 26 800 ученых из Германии, Австрии и Швейцарии. Или того, каким огромным успехом в социальных сетях будет пользоваться проведенная на федеральном уровне конференция по обсуждению нашей позиции.

Мы взяли на себя ответственность предложить новые варианты ответов на вызовы нового времени.

И я считаю, что готовность получать новую информацию и переосмысливать свои убеждения — это невероятный шанс. Вряд ли он разрешит парадокс, захвативший меня в юности, но точно поможет создать предпосылки для дальнейших изменений — пространство новых возможностей откроется нашему взору.

Глобальный экологический и социальный кризис — не случайность. Он отражает наше отношение друг к другу и к планете, на которой мы живем. Если мы хотим справиться с этим кризисом, нам необходимо понять правила, по которым мы построили свою экономическую систему. А когда поймем, то сможем изменить их — и вернуть себе свою свободу.

Новая реальность

Наука — это часть реальной жизни. Она охватывает вопросы «что?», «как?» и «почему?» применительно ко всем явлениям, составляющим наш опыт. Невозможно понять человека, не понимая окружающую его среду и те силы, которые определили его физическое и ментальное развитие.

Рэйчел Карсон, биолог, эколог, писательница

Утром 21 декабря 1968 года «Аполлон-8» с Фрэнком Борманом, Уильямом Андерсом и Джеймсом Ловеллом на борту стартовал с космодрома имени Кеннеди. Им предстояло совершить полет вокруг Луны и сфотографировать ее поверхность, чтобы собрать информацию для последующей высадки на спутник. Корабль должен был обойти небесное тело с обратной стороны, которую не видел еще ни один человек, и поэтому все ожидали возвращения астронавтов на Землю с совершенно новыми изображениями Луны.

И вот когда они делали четвертый виток вокруг Луны и собирались вылететь из ее тени, командир корабля скорректировал курс — в этот момент в иллюминаторе появилась Земля.

«О боже! — воскликнул Андерс, который первым заметил ее. — Вы только посмотрите. А вот и Земля. Как же она красива!»

Запись этого разговора можно найти в интернете, и на ней хорошо слышно, как Андерс, у которого в тот момент был в руках фотоаппарат, заряженный черно-белой пленкой, лихорадочно умоляет своих товарищей дать ему цветную пленку, а они спрашивают его, сумел ли он сделать снимок [1].

«Ты уверен, что получилось?»

«Билл, сними-ка еще раз!»

На фотографии, сделанной Андерсом, виден голубой шар, украшенный белыми клубящимися облаками, под которыми тут и там проступают очертания зеленовато-бежевых континентов. Это и есть наш дом — маленькая и кажущаяся такой хрупкой планета, окруженная бездонной тьмой космоса. Единственная планета Солнечной системы, на которой есть жизнь.

Три американских астронавта отправились в космос, чтобы сделать новые фотографии Луны. А вернулись они с новой фотографией Земли. Она была позже опубликована NASA под поэтическим названием «Восход Земли» и сегодня считается не только одной из самых выдающихся фотографий в истории человечества, но еще и самым важным в мире изображением окружающей среды. Причина проста: в одной этой фотографии показана вся наша окружающая среда. Кроме этой планеты у нас ничего нет.

По сути дела, на этой фотографии нет ничего такого, чего бы к этому времени человечество не знало уже в течение 500 лет. То, что Земля — не плоский диск, стало понятно после первого кругосветного путешествия. Давно было известно и то, что наша планета не является центром Вселенной — и, следовательно, человек не есть центр мира. Но никогда еще брэнность и уникальность земного шара не были настолько осязаемы. Ведь в повседневной жизни от нас ускользает общая картина.

То, как люди изображают ту или иную вещь, еще необязательно говорит о том, чем она на самом деле является. Скорее это говорит о восприятии людьми этой вещи. А это очень большая разница. Она настолько велика, что как раз и порождает все те проблемы, которые нам сегодня приходится решать.

Когда в конце 1968 года «Аполлон-8» отправился к Луне, на Земле жило около 3,6 млрд человек. В конце 2019 года планета уже стала домом для 7,7 млрд. Всего за 50 лет население Земли увеличилось более чем в два раза. Это легко написать, и подобные цифры часто приводят, когда речь идет о росте населения. Но как нам их воспринять? Переход за 50 лет от 3,6 млрд к 7,7 млрд — это быстро или медленно?

Здесь нам может помочь сравнение.

Если мы представим себе всю историю человечества — начиная с появления 300 000 лет назад в Африке первых *Homo sapiens* и до сегодняшнего дня — в виде фильма, то большую его часть займет период, в течение которого люди переходили к оседлому образу жизни и осваивали земледелие и скотоводство. К тому моменту, когда на Земле окажется столько людей, сколько их было в 1968 году, фильм уже почти кончится, но в последние секунды перед заключительными титрами вдруг появятся все остальные.

Другими словами, это безумно быстро.

Но дело не только в этом.

Сегодня на нашей планете не просто живет в два раза больше людей, чем полвека назад. Большинству из них еще и требуется больше места, чем их предшественникам, тем более в тех странах, которые с экономической точки зрения продемонстрировали особенно успешное развитие. Чтобы в этом убедиться, вспомните сами или спросите своих родителей, как жила ваша семья 50 лет назад.

Куда они летали в отпуск? За границу? А как часто? А они вообще летали на самолетах? Или же ехали на машине? А была ли у них машина? Могло ли у них в семье быть две машины? Как велика была квартира, где они жили? Была ли у каждого ребенка своя комната, свой телевизор? Были ли их шкафы забиты вещами? Как часто они покупали себе новую одежду? Как часто обзаводились новой мебелью? Сколько бытовых приборов было у них дома? А скольких приборов, которые мы сегодня воспринимаем как должное, у них не было? А были ли эти вещи созданы в далеких странах, откуда их надо было еще доставить?

Короче говоря, что казалось нормальным людям, жившим 50 лет назад, и что нам кажется нормальным сегодня? Сколько фабрик, электростанций, улиц, аэропортов, агропромышленных комплексов было нужно, чтобы обеспечить тем людям нормальное существование, и сколько всего этого нужно сегодня?

Насколько образ жизни каждого отдельного человека влияет на нашу планету, можно определить с помощью такого индикатора, как экологический след. В нем учитывают не только пашни и пастбища, нужные для пропитания человека, дороги, по которым он ездит, или землю, на которой он живет и работает, но еще, например, лес, который поглощает углекислый газ, выделяющийся при выработке потребляемой человеком энергии. Количество используемых человеком гектаров сравнивается с площадью, необходимой природе для того, чтобы компенсировать все то, что он истратил, чтобы вырастить заново все то, что он потребил, или же чтобы просто прийти в себя. Каждый садовник знает, что невозможно получить от природы больше, чем она способна породить. Концепция экологического следа применяет это правило ко всей планете, учитывая все факторы, превращающие наш мир в более сложную систему, чем садовый участок.

Когда «Аполлон-8» полетел к Луне, экологический след человечества еще не превышал способности Земли к воспроизводству ресурсов. Но с середины 1970-х годов мы перешагнули этот порог. Уничтожение природы перешло в хроническое состояние. Ежегодно все раньше наступает тот день, когда оказывается, что мы уже израсходовали все, чем должны были пользоваться целый год. В 2019 году этот день пришелся на 29 июля. После этого мы каждый день уже берем у природы в долг, который не возвращаем, а значит, на следующий год окружающая среда становится еще чуть более скудной, чем раньше. В Германии этот так называемый День экологического долга наступил в 2019 году еще раньше — 3 мая. Чемпион мира по экспорту товаров в

грандиозных масштабах импортирует природные ресурсы из других стран. Если бы наш сегодняшний немецкий образ жизни стал мировым стандартом, нам понадобились бы две Земли. Как показывает фотография, сделанная астронавтами на борту «Аполлона-8», она у нас только одна. И тем не менее каждый раз, когда высказывается эта неудобная истина, поднимается протест против возможного сокращения потребления и введения каких-либо ограничений.

Тем, кто хочет создать успешное будущее, следует исходить из того, как обстоят дела сейчас, а не из того, как было раньше. В течение тысячелетий люди воспринимали Землю как планету, предоставлявшую им неограниченные ресурсы. Если в каком-то месте вырубали лес, то не особо беспокоились, ведь рядом всегда были еще леса. Если в лесу становилось мало дичи, а в море — мало рыбы и истощались рудники, то люди просто отправлялись дальше или осваивали иные доступные на прежнем месте ресурсы. Планета казалась им огромной. Всегда можно было тем или иным способом переместиться и найти что-то новое. Чаще всего это происходило совсем не мирным путем. Сильные европейские государства во время своей мировой экспансии совершали «открытия» и захватывали еще не так густо населенные регионы и континенты, подчиняли или истребляли жившие там народы. Богатеющие индустриальные державы держали в своих руках доступ к бесчисленным новым ресурсам, создавали новую технику и открывали новые явления, которые можно было использовать, — такие как атомная энергия или гены. То, что мы называем прогрессом, в принципе является не чем иным, как захватом и эксплуатацией, экспансией и добычей. И пока эта модель функционировала, пока большой планете противостояло небольшое количество людей, то не было никаких причин для того, чтобы что-либо менять. Борьба за социальную справедливость и права человека порождала новые способы достижения прогресса, но никто не ставил под сомнение сам его принцип. Между тем отношения человека с природой принципиально изменились. Людей становится все больше, а свободного места на планете — все меньше. Мы теперь ведем дела, как сформулировал экономист Герман Дейли, не в «пустом», а в «полном мире».

Такова наша новая реальность.

Что это значит?

Это значит, что система координат, в которой возможны человеческое сосуществование и успешное хозяйствование, принципиально изменилась. Экспансия и добыча естественным путем закончатся, если мы отнимем у природы и ее экосистем способность бесконечно возрождаться. В науке для этого есть понятие критических точек, или планетарных границ. Тот, кто хочет жить в радикально изменившейся реальности, должен признать их или же остаться в иллюзорном мире. И поскольку новая реальность отношений между человеком и Землей в XXI веке охватывает весь мир, следовательно, изменилась жизнь всех

людей на планете. Притворяться, что это не так, означает жить в иллюзии глобальных размеров. Но в основном именно это и происходит в нашей дискуссии о климатическом кризисе и устойчивом развитии. Мы говорим о планетарных границах, но авторы большинства предлагаемых решений не осмеливаются по-настоящему определить, что же это такое. Обратите внимание: чаще всего речь идет о неуклонном экономическом росте и процветании — но очень редко конкретизируется, каким образом и какой ценой они будут достигнуты.

Одно из самых первых предупреждений, призывающих человечество отреагировать на новую реальность до наступления общемировой катастрофы, прозвучало уже почти 50 лет назад. Оно было высказано группой ученых Массачусетского технологического института во главе с Деннисом и Донеллой Медоуз, которые начали разрабатывать компьютерные симуляции, позволяющие прогнозировать будущее человечества. Они создали модель «Мир-3», которую сегодня можно запустить на любом домашнем компьютере, но в то время над ней трудилась огромная ЭВМ. В нее загрузили данные о пяти долгосрочных тенденциях к росту: населения Земли, производства продуктов питания, индустриализации, потребления невозобновляемых природных ресурсов — металлов или ископаемого топлива — и, наконец, загрязнения окружающей среды. Ученые хотели выяснить, какие взаимосвязи существуют между этими тенденциями.

С помощью данных о прошлом исследователи попытались вычислить будущее и разработали сценарий, который получил название «базовая модель»: что будет, если человечество продолжит вести себя так же, как и раньше.

Когда в 1972 году исследование было опубликовано, оно произвело такой эффект, как будто его авторы предсказали, что в Землю скоро врежется огромный астероид.

И о чем-то похожем они и писали.

Их подсчеты показали, что при развитии по сценарию «базовая модель» человеческая цивилизация неизбежно погибнет, причем в течение ближайших 100 лет. Если не ограничить рост населения и промышленности, невозобновляемые ресурсы скоро будут истощены, а окружающей среде — нанесен невосполнимый ущерб. Система просто не сможет дальше сохранять равновесие при тех нагрузках, которые в таком случае возникнут. Она станет нестабильной, последуют экономический спад и сокращение населения. В определенной точке кривые, описывающие все пять факторов, достигают критических значений и уходят в минус. Потому-то она и называется критической точкой.

Еще поразительнее было то, что в других сценариях, где какой-либо из этих факторов оказывался под контролем, крах все равно невозможно было предотвратить. При условии, что природные ресурсы окажутся бесконечными, население начинало увеличиваться так быстро, что в мире должны были закончиться пригодные для обработки земли,

которые могли бы прокормить столько людей. Если же исследователи ограничивали рост населения и удваивали производство продуктов питания, то рост загрязнения окружающей среды в какой-то момент приводил к повышению смертности. Что бы они ни меняли, рано или поздно все заканчивалось одним и тем же.

Единственными сценариями, не приводившими к катастрофе, были те, которые предусматривали ограничение роста по всем пяти факторам. Только в таком случае гибели можно было избежать. Поэтому результаты исследования и были представлены под таким названием — «Пределы роста».

Вообще-то, авторы не сформулировали ничего такого, что нельзя было бы себе представить, просто внимательно посмотрев на мир и сделав логические выводы. Но так как многие локальные проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, решались в богатых странах благодаря развитию технологий и размещению вредных производств в других местах, то осознать все эти зависимости в мировом масштабе стало возможно только с помощью компьютерного моделирования. Кроме того, все модели опирались на измеримые данные, представленные в легко воспринимаемых графиках. В результате исследование произвело сильнейшее впечатление. Авторитет работы велик и сегодня, ее выводы становятся все более актуальными и получают все новые подтверждения, а никаких принципиальных возражений до сих пор не прозвучало. В основном все пять факторов развиваются именно так, как ученые предсказали почти полсотни лет назад. И это неудивительно. Человечество не отошло от «базовой модели», несмотря на то, что ему было отчетливо показано, к какой ужасной катастрофе это приведет. Оно продолжает жить как и раньше. Относительное повышение эффективности и усовершенствование отдельных процессов и технологий не изменили общую картину. Экономический рост по-прежнему полностью зависит от темпа потребления природных ресурсов.

Начиная с 1970-х годов неоднократно предпринимались попытки не противостоять отдельным проявлениям этой проблемы, а рассматривать ее в целом: описать ее, осознать и, следовательно, разрешить. Выполнялись новые исследования, создавались советы и комиссии, проводились заседания и конференции, подписывались и утверждались резолюции. Но достаточно посмотреть, например, на то, как идет борьба с изменением климата, чтобы понять, многого ли добилось человечество.

Уже в конце 1930-х годов было научно доказано, что выбросы углекислого газа повышают температуру атмосферы Земли, а люди ускоряют этот процесс, используя ископаемое топливо: уголь, нефть и газ. В середине 1960-х годов американские ученые предостерегали свое правительство о том, что таким образом человечество, само того не осознавая, «проводит гигантский геофизический эксперимент» [2]. В конце 1970-х ученым было известно уже почти все, что мы сегодня знаем

о климатическом кризисе. В 1992 году была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата — международное соглашение, которое ратифицировали почти все государства на Земле и которым они обязались не допустить разрушительного антропогенного воздействия на климатическую систему планеты. В 1997 году в так называемом Киотском протоколе были сформулированы обязательные с точки зрения международного права цели по ограничению выбросов парниковых газов. В 2015 году в Париже было заключено новое соглашение, которое определило общую задачу: удерживать рост глобальной средней температуры в пределах 2 °С. Документальный фильм Дэвиса Гуггенхайма «Неудобная правда», рассказывающий о том, как бывший американский вице-президент Эл Гор борется с изменением климата, получил два «Оскара», а сам Эл Гор за свои действия — Нобелевскую премию мира. Это было в 2007 году. Казалось бы, изменение климата, вызванное деятельностью человека, стало повсеместно признанным фактом.

А знаете ли вы, что половина выбросов углекислого газа, за которые несет ответственность человечество, попала в атмосферу в течение последних 30 лет [3]? Это сделали мы, наше поколение. Тот вред, который был нанесен, когда о его существовании уже было точно известно, оказался таким же большим, как тот, который человечество нанесло природе, пока еще не знало, что творит.

Как это могло произойти?

Моя мысль заключается в том, что мы не хотим по-настоящему осознать новую реальность. Вот уже 50 лет мы живем в иллюзорном мире, где денежные факторы для нас важнее физических и биологических.

В течение долгого времени на большой планете жило небольшое количество людей, а сегодня людей все больше, а свободного места на планете — все меньше. Если человечество хочет предотвратить катастрофу, нам надо научиться хозяйствовать в «полном мире», на той единственной планете, которая у нас есть, с ограниченным количеством ресурсов. Такова новая реальность.

Природа и жизнь

Если общество не может справиться с истощением ресурсов, то возникают по-настоящему интересные вопросы, касающиеся общества, а не ресурсов. Какие структурные, политические, идеологические или экономические факторы мешают этому обществу реагировать правильно?

Джозеф Тейнтер, антрополог

В марте 2018 года Ведомство по патентам и товарным знакам США получило заявку на патент новой техники искусственного опыления

растений. В многостраничной заявке, зарегистрированной под номером US2016/0065749, изобретатели описывали крошечный летательный аппарат, похожий на мини-дрон, который может сам подниматься с базы и летать над сельскохозяйственными угодьями. С помощью миниатюрной щеточки он собирает пыльцу с одного растения, а затем с помощью таких же миниатюрных вентиляторов переносит ее на другое. Успех опыления можно проконтролировать с помощью сенсора, который отправляет сигнал в сеть, чтобы другие летательные аппараты не подлетали к одним и тем же растениям.

Человек, прочитавший эту заявку, должен был дважды испытать потрясение. С одной стороны, сразу становилось ясно, что это изобретение сконструировано по тому образцу, который существует в природе уже миллионы лет, — речь идет о пчелах.

Но в мире, в котором живут изобретатели этого аппарата, кажется, все неожиданно изменилось. Они писали в своей заявке, что уже много лет количество насекомых, опыляющих растения, снижается, а попытки рассеивать пыльцу над полями с помощью больших машин оказались неэффективными.

Поражает и то, что запатентовать эту технику хотели не сами изобретатели, а компания, по чьему заказу они разработали свой прибор, — американская торговая сеть Walmart.

Зачем продавцу нужны механические пчелы?

Ну, прежде всего, Walmart — это не просто какой-то продавец. Это самая большая сеть розничной торговли в мире и одна из самых прочных с финансовой точки зрения корпораций. Она выросла благодаря стратегии, цель которой заключается в том, чтобы в любом случае продавать все дешевле, чем у конкурентов. «Всегда низкие цены» — таков многолетний рекламный лозунг компании. При этом даже если единица товара приносит Walmart меньше денег, чем конкурентам, зато у нее покупают в таких огромных количествах, что она все равно получает свою выгоду. Это и понуждает к росту: массовые продажи прибыльны.

И поэтому у Walmart не только наибольший оборот, но еще и более 2 млн работников, занятых в более чем 11 000 филиалов, что делает ее крупнейшим работодателем мира. Вряд ли кого-то удивит, что основавшая компанию семья Уолтон уже много лет является самой богатой в США.

Но при чем тут искусственные пчелы?

Тот, кто хочет это понять и, следовательно, разобраться, как наша экономическая система стала такой, какой мы ее сегодня знаем, должен прежде всего ясно осознать наше отношение к природе. Природа лежит в основе нашей экономики, она дает энергию и сырье, используемые людьми. В течение долгого времени человек исходил из того, что природа была создана богом или богами, а значит, ее законы так же

непостижимы, как пути Господни. В некоторых культурах люди воспринимали природу или саму Землю как мать-прародительницу, а в нашей западной культуре в конце концов укрепилось представление о едином Боге, создавшем Землю и передавшем ее людям. Такие ученые, как Галилео Галилей, Рене Декарт или Исаак Ньютон, в XVIII веке пересмотрели эти представления и переосмыслили библейский наказ «да владычествуют они...», в результате чего роль человека на планете открылась с радикально новой перспективой. Эти ученые показали, что природа подчиняется вычисляемым правилам и что если наука сможет открыть и описать эти природные законы, а люди научатся систематически использовать их в своих интересах, то станут хозяевами своей судьбы. И вот уже наступила эпоха Просвещения, и новое представление Homo sapiens о самом себе было сформировано.

Человек начал разбирать природу по частям, словно ребенок, разбирающий игрушку, и принялся играть с ее составляющими. Он выяснял, для чего они существуют. Он изменял их, менял местами, соединял по-другому, будучи уверен, что благодаря этому мир будет функционировать лучше, чем прежде. Природа, частью которой человек был раньше, теперь превратилась в окружающую среду — человек был теперь оторван от нее, она просто его окружала. Живое единство, где все было связано между собой, превратилось в машину, которую можно по собственному желанию переделывать ради своих целей. То, что было стабильной динамичной сетью взаимосвязей, свелось в восприятии людей к разрозненным элементам, а из целого (ставшего невидимым) его занимали только отдельные аспекты.

А именно: можно ли извлечь из этого пользу?

Или оставить в покое?

Тот, кто таким образом существует в мире, конечно же, не замечает его невероятного разнообразия, его динамических изменений и связей между его отдельными частями. Не обращает внимания, что в этом мире даже крошечные снежинки отличаются друг от друга. Что каждый феномен возникает из какого-то другого и что свойства и развитие каждого элемента зависят от других элементов, с которыми он связан. Вместо этого человек видит мир таким:

Лес — это древесина.

Земля — это опора для растений.

Насекомые — это вредители.

А курица — это такая штука, которая дает яйца и мясо.

Все куры, которых люди когда-либо разводили, происходят от банкивской джунглевой курицы — дикого, свободно живущего вида, чьей родиной изначально, до одомашнивания человеком, была Южная и Юго-Восточная Азия. Теперь курица — это самая распространенная в мире птица. Но современные породы не имеют почти ничего общего с

тем диким видом и очень сильно отличаются от кур, которых наши предки разводили в течение многих веков. Человеку нужны были куры, которые могли бы и нести яйца, и служить источником мяса, поэтому он всегда отбирал птиц, которые могли наилучшим образом выполнять эти функции. Однако стоило улучшить одну из способностей, как другая тут же отставала. Больше яиц — значит меньше мяса, и наоборот.

Со временем усилиями селекционеров были выведены породы, приспособленные к разным задачам. И сегодняшние бройлерные цыплята уже через месяц после рождения отправляются на убой, сегодняшние несушки уже в первый год жизни откладывают до 330 яиц, а второй год для них вообще не предусмотрен. Хуже всего дела обстоят с цыплятами мужского пола. Они в этой системе оказываются дважды ненужными, так как, естественно, не могут ни откладывать яйца, ни быстро поставлять мясо — следовательно, с экономической точки зрения их разведение бессмысленно. Их уничтожают в измельчителе сразу после вылупления.

Вам не кажется, что это противоестественно?

Но так функционирует система, которая только в Германии ежегодно производит 12 млрд яиц и забивает 650 млн цыплят, а еще 45 млн «отбраковывает» [4].

А на следующий год все повторяется.

С развитием современной цивилизации обычную фермерскую курицу заменили высоко оптимизированные существа на специализированных птицефабриках. Птицеводство раздробилось на отрасли. Сегодня есть предприятия, которые занимаются только выращиванием, или только размножением, или только откормом, или только содержанием несушек. Происходят обеднение и утрата былого многообразия пород, так как эта система использует лишь несколько из них. Сокращается генофонд, птицы становятся более восприимчивыми к болезням. Такое сужение наблюдается и у производителей, объединенных в монополии, небольшое число которых контролирует рынок. Достаточно одной эпидемии птичьего гриппа, чтобы они обанкротились.

Похожая ситуация складывается сегодня и с товарными сельскохозяйственными культурами: бананами, кофе, соей или пшеницей. Их выращивают не для внутреннего потребления, которым из-за них, наоборот, пренебрегают, а на экспорт. При этом высокопродуктивные сорта лучше всего служат цели получения максимального урожая в кратчайшие сроки. К сожалению, они не всегда оказываются самыми устойчивыми перед лицом изменения климата, но выясняется, что других уже просто не существует.

Принципиальная разница между системами, созданными человеком, и теми, которые существовали в природе, заключается в том, что для последних характерны высокое разнообразие и цикличность. В естественной системе нет никого, кто бы что-то забирал, не возвращая

потом долг в другой пригодной для использования форме. Отходы одного — пища другого. Современный человек вмешался в эту отлаженную систему и превратил круговорот в ленту конвейера, двигающуюся только в одном направлении. Здесь все ломают, часть используют, а позади оставляют отходы, которыми никто не может питаться. Отходы сжигают, закапывают, сваливают в кучи или даже сбрасывают в моря или реки.

Природные системы созданы для длительного существования, искусственные — только на краткий момент. Природные системы живут за счет многообразия, обладают способностью к саморегуляции и самовосстановлению. Именно поэтому они устойчивы и продуктивны. Они ориентированы на эффективное использование энергии и не растрачивают безрассудно свои ресурсы. Современные системы, созданные людьми, используют отдельные процессы — вспомните о ленте конвейера, — и их экономическая эффективность основана на принципе: то, что меньше стоит, в конечном счете выгодно. В результате в искусственных системах сокращается разнообразие, их структура становится однородной, а значит, более хрупкой и уязвимой. Вместо того чтобы перенять у живых систем образцы успешной эволюции, современный человек пытается превратить все, до чего дотрагивается, в высокопроизводительную машину, не обращая внимания на то, что окружает эту машину.

И так он обходится не только с природой.

Попробуйте пройти по центру немецкого города и посчитать, сколько там осталось маленьких магазинчиков. И сколько филиалов международных сетей, продающих точно такие же товары в других городах, странах или континентах. Например, одежду, из-за которой каждый год образуется 92 млн тонн отходов. И частью этих отходов становятся вполне пригодные для использования вещи. Их обычно сжигают, потому что так проще всего от них избавиться [5]. А жители Земли уже рвутся приобрести товары из новой коллекции массового производства, вместо того чтобы заняться переработкой предыдущей.

А может быть, вы вообще больше не ходите в центр города, потому что все ваши потребности может удовлетворить Amazon? Этот гигант онлайн-торговли, который делает нашу жизнь дешевле и удобнее? Широко известно, что для этого он изучает и анализирует состояние всего общества и получает доход, продавая эту информацию другим. Как и то, что эта платформа систематически губит предприятия и бренды, которые не хотят продавать через нее свои товары. И почти не вызывает недовольства тот факт, что упаковщиков там контролируют с центрального пункта с помощью наручных сканеров, и, если они не укладываются в предписанное время, раздается специальный сигнал. С доставщиками практически никогда не вступают в живой контакт, даже при приеме на работу. Все происходит с помощью электронной почты, видео и навигаторов. Налогов Amazon старается избегать, декларируя

свои доходы только в тех уголках мира, которые предлагают корпорациям особенно привлекательные системы налогообложения. А вот инфраструктурой, созданной на деньги налогоплательщиков, и социальной системой, предназначенной для помощи тем, кто находится в сложных ситуациях, компания с удовольствием пользуется повсеместно. Даже принцип «Часть моего дохода служит обеспечению общественно значимых услуг» здесь все еще не функционирует.

Прогресс, носящий все более глобализированный характер и основанный на безудержной добыче сырья и максимизации производства, подвергает гомогенизации и оптимизации не только природу, но и культуру, и образ жизни. По всему земному шару.

Каждый месяц социальной сетью Facebook активно пользуются почти 2,5 млрд человек.

Starbucks, Zara, Primark, McDonalds, Burger King и Cola-Cola штампуют и продают свои товары по всему миру.

Мы смотрим одни и те же фильмы, слушаем одну и ту же музыку, узнаем одних и тех же звезд, едим бургеры, китайскую лапшу, пиццу.

Повсеместно.

Так какое все это имеет отношение к механическим пчелам?

В 1983 году ООН создала комиссию, которой предстояло обсудить, каким образом наше экономическое развитие сочетается с планетарными границами. Через четыре года был издан доклад, составленный под руководством тогдашнего премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд, поэтому он известен как «Доклад Брундтланд», — в нем впервые были сформулированы те принципы, на которые должна ориентироваться экономическая деятельность человека, если мы хотим сделать ее устойчивой. В основу документа была положена идея о создании простых ориентиров, необходимых для восстановления нормального хода вещей. Дело в том, что уже тогда все начало идти вкривь и вкось.

Определение, выработанное комиссией, станет краеугольным камнем всех последующих соглашений об окружающей среде. Оно очень простое: «Устойчивым является такое развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [6].

При этом были сделаны два важных уточнения: потребности бедных должны стоять на первом месте, а также необходимо следить за тем, чтобы социальное и техническое развитие не нарушало регенеративные природные циклы. Таким образом, был заложен фундамент для нового мышления.

Но в том же 1987 году американский экономист Роберт Солоу получил Нобелевскую премию за свое понимание экономического роста, которое

предполагало не только использование научно-технического прогресса как двигателя экономики, но и включало понятие взаимозаменяемости природного капитала. Звучит сложнее, чем понятие устойчивой экономики, но на самом деле здесь все очень просто. Эта теория разворачивает все попытки решить проблему в противоположном направлении. Взаимозаменяемость природного капитала означает, что можно изъять из природной системы любой отдельный элемент и заменить его искусственным. По мнению Солоу, если человек разрушает природу, то это не катастрофа и даже не ошибка, он просто должен заменить ее с помощью техники, и все будет прекрасно. Сделать зеленое серым. Так было переосмыслено второе условие «Доклада Брундтланд»: речь больше не идет о том, как включить социальные и технические процессы в естественный мир, не разрушая его восстановительных циклов. Теперь нам следует просто все больше и больше заменять природу.

Говоря сухими словами самого Солоу: «Пока природные ресурсы можно легко заменять другими факторами производства, то в принципе никакой проблемы не существует. Мир может существовать практически без природных ресурсов, поэтому их истощение — это только достижение, а не катастрофа» [7].

Когда я это в первый раз прочитала, то не могла прийти в себя.

И за это дали Нобелевскую премию?

Такие влиятельные институты, как Всемирный банк, переняли этот подход и оказывают всяческую поддержку тем странам, где благодаря эксплуатации природного капитала что-либо строится или вырабатывается. Это называется принципом «настоящей экономии», и в соответствии с ним исчезновение тропического леса больше не проблема, если только люди получают прибыль благодаря произведенным в результате товарам и услугам. Ведь единственные параметры экономики — это деньги и цена. А насколько созданный людьми заменитель сможет стать частью природного цикла — об этом судить по количеству денег невозможно. Однако вопрос о том, насколько хорошо просто разрушать все живое до тех пор, пока мы в состоянии соорудить машины для этого, очень редко обсуждается представителями якобы нейтральной экономической науки.

Хочу отметить, что взгляды Солоу представляются мне самонадеянными и в основе своей оторванными от естественнонаучных знаний, а вот взгляды, выраженные в «Докладе Брундтланд» — вполне жизнеспособными. Но что интересно, предложения Солоу и Брундтланд — как часто бывало в истории — изначально просто отражали два разных взгляда на мир. Просто два соображения о том, как строить наше будущее. Продолжать как обычно, только в еще больших масштабах. Или же что-то в корне преобразовать. Изменить свой взгляд на мир, и мир тоже изменится. Две эти идеи предоставляют нам выбор. И этот выбор все еще не сделан.

Догадываетесь, какой взгляд сильнее распространился после их столкновения в 1987 году?

Тогда мы можем вернуться к разговору о механических пчелах.

Опыление растений насекомыми можно понимать как услугу, оказываемую человеку природой. В пересчете на деньги Федеральное ведомство по охране природы Германии оценивает эту работу в 150 млрд евро в год [8]. Эта сумма превышает общую годовую прибыль компаний Apple, Google-Alphabet, Facebook и Microsoft. Другие услуги, которые экосистемы оказывают людям, включают также очистку и циркуляцию воды, снабжение воздухом и питательными веществами, защиту от штормов и наводнений и рекреационную ценность природных территорий. Денежную стоимость всех экосистемных услуг сложно оценить — это значит попытаться выяснить, какова экономическая ценность природы для нашей жизни в сравнении с изобретенными человеком способами создания ценности. Стоит, наверное, также спросить себя, насколько дорого нам обойдется выполнять все это самим. Не говоря даже о том, сможем ли мы вообще это сделать.

Сумма, полученная в результате исследования, проведенного в 2014 году группой ученых под руководством Роберта Констанцы, так огромна, что можно не обращать внимания на некоторые отклонения в ту или иную сторону: к 2007 году природа оказывала людям экосистемные услуги примерно на сумму от 125 трлн до 145 трлн долларов в год. Это очевидно больше, чем весь ВВП мира, то есть совокупная стоимость всех товаров и услуг, которые каждый год производят люди на планете. В 2018 году мировой ВВП составил 84 трлн а в 2007 году он был равен примерно 55 трлн долларов. Ущерб от потери экосистемных услуг между 1997 и 2011 годами оценивается примерно в сумму от 4,3 трлн до 20,1 трлн долларов [9]. Если мы сравним прирост ВВП и экономический эффект от разрушения экосистем, то получим отрицательный результат.

Хотя значение экосистемных услуг для устойчивого использования ресурсов, обеспечения человека всем необходимым и поддержания высокого качества жизни огромно, мы получаем их от природы практически бесплатно. Нам не надо ничего изобретать и развивать, не надо оплачивать работу людей и машин. Поэтому роль природы не вносится в бухгалтерские ведомости, а в экономике тому, что не имеет стоимости, что нельзя подсчитать, просто не придается достаточного значения. Мы оцениваем отдельные элементы, разные виды сырья, которые получаем от Земли: кубические метры древесины или граммы железа. Но никаких действующих методов оценки регенеративных и деструктивных механизмов очищения воды и воздуха, распространения пыльцы и семян, поглощения углерода и сохранения пищевых цепей и биоразнообразия, не говоря уж о понимании этих процессов, у нас нет. Вам не кажется странным противопоставление охраны природы и успешной экономики?

Треть мирового урожая сельскохозяйственных культур зависит от существования насекомых-опылителей. Но для таких компаний, как Walmart, значение имеет только возможность предлагать покупателям товары как можно дешевле, и поэтому они не обращают внимания на ущерб, который наносит окружающей среде промышленное сельское хозяйство, способное обеспечить самые низкие цены.

К счастью, все чаще начинают обращать.

В последние годы Walmart пытается соответствовать принципам устойчивого развития. Они модернизировали свой парк грузовиков, снизили энергопотребление холодильных установок, минимизировали количество упаковки и тем самым существенно сократили выбросы углекислого газа. Когда компания начала устанавливать на крышах своих огромных супермаркетов солнечные батареи, она превратилась в крупнейшего генератора солнечной энергии в США. В ассортимент были включены экологически чистые продукты, в результате чего Walmart сразу же стал крупнейшим в мире потребителем органического молока и хлопка.

Кажется, это история выдающегося успеха, правда?

Если такой гигант стремится к ответственной экономической деятельности, то, наверное, вся система поворачивается в сторону устойчивого развития. Можно подумать, что так оно и есть. Но из-за таких экономических концепций, как рост, производительность и прибыльность, о которых я буду писать и которые буду переосмысливать в этой книге, этого не произошло. Ни с самой компанией, ни с рынком молока и хлопка.

Walmart не стал самой большой сетью экологических магазинов в мире.

Вместо этого он принялся разрабатывать идею механических пчел.

Могут ли дроны действительно действовать как пчелы — эксперимент по меньшей мере рискованный. Amazon пока не может обойтись без людей, потому что роботы действуют еще недостаточно хорошо. А миниатюрная электроника не настолько устойчива, как самовоспроизводящиеся биологические пчелы. Кроме того, все эти созданные людьми механические заменители нуждаются в энергии, которая также должна быть предоставлена им людьми. А сегодня речь как раз идет о том, чтобы снизить потребление энергии и тем самым обуздать изменение климата. Пчелы генерируют собственную энергию благодаря питанию. Они питаются цветочной пыльцой и медом, который сами и делают. Растения получают свою энергию в результате фотосинтеза, функционирующего без всякого человеческого вмешательства и не наносящего никакого вреда другим услугам, оказываемым нам экосистемами.

Мне очень жаль, господин Солоу, если мы сведем все этические вопросы и нравственные решения только к выживанию «команды человека»: создание будущей экономической системы, полностью зависящей от

созданных людьми механизмов и источников энергии, — с точки зрения устойчивости это чистое безумие.

Почему бы просто не сохранить то, что даровано нам природой, которая владеет разнообразными способами самообеспечения энергией и саморегенерации? Мы уже сегодня можем понять, какие методы растениеводства ведут к уничтожению настоящих пчел. Что должно быть на повестке дня при обсуждении инноваций, способствующих поддержанию жизни? Дроны или преобразование сельскохозяйственных практик, цепей поставок и принципов землепользования?

В нашем отношении к природе проявляется вся самонадеянность человеческой экономики. Если человек подчиняет природные системы своим нуждам, они становятся более уязвимыми, их разнообразие сокращается, а стабилизация требует огромных затрат. Созданные человеком системы неустойчивы и обречены на крах, если только мы не научимся их восстанавливать.

Люди и поведение

Когда какая-либо идея становится успешной, ей очень легко добиться еще большего успеха: она оказывается встроенной в социально-политическую систему, которая поддерживает ее дальнейшее распространение. И тогда идея побеждает в тех местах и в те времена, где приносит пользу своим последователям.

Джон Роберт Макнилл, историк

Игра «Ультиматум» — это научный эксперимент для изучения поведения людей, придуманный в конце 70-х годов немецким экономистом Вернером Гютом и его коллегами. Они приглашали двух участников, выдавали одному из них некую сумму денег, после чего просили поделиться с другим игроком. При этом разрешалось предложить определенную долю всего один раз, изменить ее позже было невозможно. Если собеседник соглашался, то участники делили деньги между собой. А если отказывался, то никто из них не получал ничего. Тот, кто распоряжался деньгами, должен был точно объяснить, каким образом он их хочет разделить, чтобы партнер понимал, на что соглашается.

И тут выяснилось, что существует некий минимум, который можно предложить другому человеку, и быть уверенным, что тот согласится. Он составляет примерно 30% от всей суммы. Если у одного участника была 1000 евро, то он должен был отдать по меньшей мере 300 евро, чтобы другой не отказался.

Вас здесь ничего не удивляет?

А вот ученых-экономистов это очень удивило.

Если мы хотим переосмыслить наш сегодняшний мир, нам надо обратиться к концептуальным основам, на которых он построен. В них заложено отношение человека не только к природе, но и к самому себе. Казалось бы, про последнее человек все понимает лучше, чем про природу. Ведь самих-то себя люди должны знать? Увы, часто бывает совсем не так.

Большинство экономических теорий исходит из того, что человек — эгоист, который в любой ситуации стремится лишь к собственной выгоде. Потребитель выбирает то, что принесет ему максимальную пользу, а производитель действует тем способом, который сулит наибольшую прибыль. Чувства — ни собственные, ни других людей — никак не влияют на выбор, все определяет разум, который хладнокровно подсчитывает расходы и доходы. То понятие, с помощью которого экономисты в течение долгого времени объясняли, как и почему люди ведут себя в экономической сфере, называется *Homo oeconomicus*. Конечно, это просто большое обобщение, но оно послужило исходным пунктом для создания многих моделей.

Именно поэтому экономисты были так поражены результатами игры «Ультиматум». Если бы тот человек, с которым делились деньгами, действовал как *Homo oeconomicus*, то он должен был бы соглашаться на любое предложение. Какой ничтожно малой ни была бы эта сумма, *Homo oeconomicus* от нее все равно бы не отказался. Тот факт, что участники эксперимента предпочитали вообще отказаться от денег, которые другой игрок, с их точки зрения, делил несправедливо, выглядел абсолютно нелогичным. Он противоречил представлению экономической науки о человеке и тем моделям, которые она развивала на основе этого представления.

Почему же нашему обществу так трудно достичь устойчивого развития? Предположение, которое было у меня в молодости, может прозвучать наивным, но я верила, что людям не хватает только знания. Если бы они знали, что им надо вести себя по-другому, и понимали, как себя вести, то они бы так себя и вели — думала я и поэтому решила изучать медиа. Но, как оказалось, очень важно еще и задуматься над тем, что же такое по сути своей знание и какое знание может нам помочь.

То, что большинству из нас кажется логичным, многим из тех, кто преподает и изучает экономику в лучших университетах, представляется отклонением от пусть даже унылой, но все-таки нормы человеческого существования. Меня это очень удивило. Еще большее изумление ждало меня на занятиях по политэкономии, где я ближе познакомилась с теми теориями, которые определяют взгляды экономистов на мир, и неожиданно поняла, что эти безрадостные представления — часть иллюзорного мира. Настоящие люди вписывались в эти доктрины так же плохо, как и природа. В принципе, все в них построено на предположении, что любое предприятие постоянно стремится к получению все большей прибыли, а каждая семья — к тому, чтобы

покупать как можно больше, и поэтому экономика страны развивается все лучше.

Единственной ценностью такого мировоззрения являются деньги.

Помню, как один профессор на лекции пояснил, что люди всегда перебираются туда, где могут заработать больше, даже если для этого им приходится уехать в другую страну. Тогда я подняла руку и спросила, как велики должны быть бедность и разница в зарплате, чтобы вынуждать людей покидать свои семьи, и почему ущерб, который они несут в таком случае, не учитывается в этой модели в качестве издержек. В аудитории неожиданно наступила полная тишина.

Профессор повернулся к своей ассистентке, а все студенты уставились на меня. Наконец он сказал: «Посмотрите на нее, она говорит от всего сердца!»

Ответа на свой вопрос я так и не получила. С тех пор я регулярно размышляю о том, почему экономисты гордятся своими холодными сердцами и к чему это может привести. Но мне кажется, я совершила большой шаг на пути к пониманию того, почему нашему обществу никак не удастся достичь устойчивого развития. Я решила написать диссертацию, сосредоточившись на истории экономических теорий, и по-новому посмотреть на возникновение этого иллюзорного мира и на значение его концепций для политической и общественной жизни.

Когда экономисты оценивают хозяйственную деятельность человека, они опираются на выводы, сделанные в прошлом тремя учеными, родившимися более 200 лет назад в Великобритании. В этом нет ничего удивительного, потому что индустриальная экономика, которая основывается на описанных выше представлениях о человеке, сложилась как раз там и в то время. Теория и практика, как правило, не возникают по отдельности, а скорее отражают друг друга.

Первым из этих ученых был Адам Смит. Его книга «Исследование о природе и причинах богатства народов» (An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations)² до сих пор часто цитируется. По мнению Смита, каждый человек создает своим трудом то, что лучше всего умеет. Эти разнообразные товары продаются на свободном рынке, где цену определяют спрос и предложение. Так «невидимая рука» рынка, полагал Смит, превращает индивидуальную корысть в выгоду для всех. Этот почти магический образ занял центральное место — не столько у него, сколько в работах последователей.

Второй, Давид Рикардо, поднял идею разделения труда и обмена на уровень государств. Он выявил такую модель внешней торговли, согласно которой каждой стране оказывалось выгодно торговать с другими даже в том случае, если предлагаемые товары производились ими тоже, причем с меньшими затратами. Свою мысль он иллюстрировал примером Португалии и Великобритании, которые в то время вели торговлю сукном и вином, при том что Португалия могла

выпускать оба товара с наименьшими затратами. Но, как показал Рикардо, для обеих стран все равно имело смысл торговать друг с другом, поскольку Португалии требовалось меньше рабочей силы для производства вина, чем Британским островам для выработки сукна. Если бы Португалия специализировалась на вине, а Великобритания на сукне, то в итоге каждая из них могла бы изготовить больше, чем в том случае, когда обе страны производили и то и другое. Так называемая теория сравнительных преимуществ существует до сегодняшнего дня и по-прежнему определяет, или скорее оправдывает, ход международной торговли.

Третьим человеком, на чьих изысканиях основаны экономические модели, был не экономист, а натуралист: Чарльз Дарвин установил, что новые виды возникают благодаря генетической изменчивости организмов и естественному отбору, в результате которого у них развивается способность адаптироваться к условиям среды обитания. Уже возникшая к тому времени экономическая наука применила открытия Дарвина к своему предмету — это сделал философ и социолог Герберт Спенсер. Неожиданно экономика перестала быть наукой о том, как лучше всего организовать разделение труда между людьми и благодаря этому создавать все большее количество нужных людям товаров. На уровне отношений экономику стали понимать просто как борьбу всех против всех. Борьбу, в которой выживают только сильнейшие.

Если следовать этим трем теориям, то экономика — это не что иное, как попытки одних эгоистов выжить рядом с еще большими эгоистами, которые для этого стараются произвести и сосредоточить в своих руках как можно больше собственности, что в конце концов каким-то чудесным образом должно привести к всеобщему благосостоянию.

Как вам эти идеи?

Не кажется ли вам, что в этой истории есть некий подвох?

Тут надо вспомнить о том, что случилось с Homo oeconomicus в игре «Ультиматум». И тогда все эти спекуляции уже не будут казаться такими уж убедительными, несмотря на то, что они постоянно в разных вариантах преподносятся нам средствами массовой информации.

В середине 1970-х годов американский экономист Ричард Истерлин опубликовал статью под названием «Улучшает ли экономический рост участь человека?». В ней он сравнил сведения об экономике 19 стран за 25-летний период с результатами опросов жителей о том, насколько счастливыми они себя чувствуют. Он выяснил, что при определенном уровне дохода на душу населения удовлетворенность людей жизнью переставала расти, хотя доход продолжал увеличиваться. Часто можно было выделить определенную точку, после которой изначально ясно просматривавшаяся связь между валовым внутренним продуктом и валовым национальным счастьем на душу населения разрывалась и дальнейший рост благосостояния не вел сам по себе к улучшению

качества жизни. Эта закономерность носит название «парадокс Истерлина», хотя для неэкономистов это совсем не парадокс, потому что мы знаем, что нельзя автоматически стать счастливее, получив больше собственности: если у нас достаточно еды, питья и есть крыша над головой, то хорошее здоровье, надежные взаимоотношения, интересная работа и признание со стороны других людей, естественно, приобретают большее значение и придают большую ценность нашей жизни. И все же самые светлые умы среди экономистов ставят под вопрос концепцию Homo oeconomicus и основанные на ней сценарии развития рынка и общества. Так как до сих пор модели (включая и математические) базировались на действиях одного репрезентативного актора и прогнозы экономической динамики строились исходя исключительно из его решений, то сконструировать модель, которая была бы близка к действительности, не так уж легко. В науке мы это называем методологическим индивидуализмом. И большая часть экономистов по-прежнему придерживается именно такого метода: предметом исследования являются человеческие решения об использовании принципиально ограниченных ресурсов для достижения принципиально поставленной цели, которой, как легко догадаться, считается рост потребления. И только начинают очень медленно появляться модели, которые вводят в игру различных взаимодействующих участников, — такие системы куда сложнее предыдущих и требуют значительно больших объемов вычислений.

Конечно же, все научные теории — это грубые упрощения, иначе и быть не может. Теория — это ведь не что иное, как определенная интерпретация окружающего мира. Она опирается на определенные аспекты действительности, выбирая, какие аспекты считать более важными, а какие вообще не принимать в расчет. В таком подходе нет ничего плохого: это просто предпосылка для того, чтобы теория смогла осуществить то, ради чего она и создается, — сделать окружающий нас непонятный мир хоть сколь-нибудь понятным — до тех пор, пока его загадка не будет полностью решена какой-нибудь другой теорией, вероятно лучшей, чем первая.

Ясно, что именно для этого Адаму Смиту и понадобилась его «невидимая рука». Только мы упускаем из виду, что он наблюдал ту реальность, в которой вступали между собой в различные отношения мелкие английские ремесленники и хозяева мануфактур. Глобализации с ее гигантскими международными корпорациями в тот момент еще не было. Мы часто забываем о том, что вторая выдающаяся работа Смита называется «Теория нравственных чувств» (The Theory of Moral Sentiments) и в ней он описывает способность к сочувствию как важную человеческую черту, как и о том, что он недвусмысленно выступал в защиту законов, регулирующих экономическую деятельность, а значит, вовсе не думал, что рынок обо всем позаботится сам.

А вот Давид Рикардо — он не мог знать, что на Земле будет существовать единый финансовый рынок, обеспечивающий свободное передвижение

капитала по всему миру и больше не ограниченный рамками производства в одной стране. Сегодня речь идет не о горстке торговых партнеров с немногочисленными товарами. Современная экономика функционирует в масштабах всего мира: вступая в свободную торговлю, страна конкурирует со всеми остальными участниками. Мы массово импортируем и экспортируем одни и те же виды продукции. Разница в относительных издержках является предпосылкой международного товарообмена ничуть не в меньшей степени, чем разница в абсолютных. Стремясь обеспечить как можно более низкие цены своим товарам на мировом рынке, производители повсеместно стараются снизить издержки в ущерб социальному обеспечению или охране окружающей среды. Сравнительные преимущества выходят на передний план в борьбе за то, чтобы все повсюду сделать как можно более дешевым. Мы называем это конкурентоспособностью.

А что насчет Чарльза Дарвина? Эволюция — это процесс отбора, проб и ошибок, но ведет он к увеличению разнообразия, а не концентрации. Конечно, существуют сильные и слабые, но решающим фактором является способность адаптироваться и формировать собственную нишу. Однако если мы предполагаем, что некоторые живые существа оказываются в лучших условиях, чем другие, то следует уточнить, что «лучшие» означает «в зависимости от обстоятельств». Конкуренция в природе всегда ограничена локальными рамками, не распространяется на весь мир и не находится под влиянием монополий. Ведь в случае изменения обстановки хорошо иметь как можно больше альтернатив. Поэтому существование отдельных ниш и их обитателей очень много значит для поддержания целого и для появления нового.

Всех трех мыслителей объединяет то, что последователи вырвали их важнейшие идеи из контекста и превратили в некие мнимые универсальные законы экономики.

Почему же так важно об этом говорить?

Потому что экономическая наука — это не просто деятельность нескольких профессоров, живущих в своем собственном мире и пишущих доклады, которые никто не читает. Напротив. На их постулатах основываются расчеты, строятся бизнес-модели, разрабатываются стратегии, формируются институты; хотим мы этого или нет, они определяют наше поведение. Экономисты создают систему оценки всего вокруг на предмет рентабельности. Они формулируют определение прогресса.

Разве замечание, что нечто «неэкономично» или неэффективно, не является самым ужасающим приговором, какой только можно вынести по тому или иному поводу?

И разве поразительный взлет благосостояния после Второй мировой войны не свидетельствует о том, что нам следует полностью доверять экономической науке?

Люди уже много раз строили свою жизнь в соответствии с какими-то теориями или приобретенными в процессе мышления представлениями о так называемой действительности. И если теория не выдерживает проверки реальностью, то проблема не только в ней. Если мы слишком покорно следуем за ней, то она создает в некотором смысле собственную действительность. Или иллюзию реальности.

Именно поэтому рефлексизирующая наука должна проверять все теории на соответствие новым данным, и, если в результате выясняется, что операционная система больше не функционирует, значит, надо ее менять.

Вы же не воспитываете своих детей в соответствии с педагогическими правилами, которые были сформулированы более 200 лет назад?

Номо оесопотісус не знает никаких качественных различий между разными видами ресурсов, никаких различий между поколениями, никакого сотрудничества, никакого сострадания, никакой ответственности ни на индивидуальном уровне, ни на уровне общества, строго говоря, едва ли ему известно, что такое общество. Никто из нас не рождается Номо оесопотісус, но так как люди — социальные существа, то, воспитывая их в системе, где постоянно восхваляют поведение тех, кто поступает как Номо оесопотісус, можно создать таковых. Теория определяет практику. Мы все стараемся рассказывать о себе таким образом, чтобы наши действия выглядели благопристойными или по крайней мере допустимыми. И в таком случае эгоизм, жестокость и бессердечие оказываются не характерными для всех людей признаками, а всего лишь печальным результатом определенного воспитания, подавляющего альтруизм, умение делиться и способность заботиться о других.

Джеймс Гэмбл, в прошлом оказывавший юридические услуги крупнейшим мировым корпорациям, описывает происходящее примерно так: из-за того, что руководители компаний сосредоточены в первую очередь на стоимости акций, они просто обречены вести себя как социопаты. Отношения с сотрудниками, клиентами, регионами, где они производят или продают свою продукцию, а равно и влияние их деятельности на окружающую среду и будущие поколения — до всего этого им по большому счету нет дела [10].

Но за пределами корпораций мы видим, как экономическое мышление переключалось в те сферы, которые изначально вообще не имели ничего общего с экономикой. Забота о других людях, о больных, стариках и детях в этой логике лишается своего значения, как и образование, выбор партнера или забота о собственном теле. В мюнхенских больницах закрываются детские отделения, потому что забота о детях отнимает слишком много времени. Счет за посещение врача выставляется по фиксированному тарифу, независимо от того, как долго длится визит. Стало быть, выгоднее выслушивать, объяснять и утешать как можно меньше. Отправляясь в отпуск, мы рассчитываем, что он будет

одновременно и расслабляющим, и насыщенным, у нас ведь совсем нет свободного времени. Когда мы заводим потомство, то ожидаем, что вложенные в воспитание время и усилия не пропадут даром и дети чего-то добьются, а в существующей системе ценностей «добиться» означает получать высокий доход — как у инвестиционных банкиров, а не как у акушерки, от которой зависит качество нашей жизни. Мы включаем телевизор и видим кастинги, где кандидатов отбирают, словно товар, судьбу которого решают суровые судьи в лице зрителей. А если выгорание из-за стресса и давления заставляет нас обратиться к занятиям йогой или медитацией, то не для того, чтобы задуматься о том, как вырваться из этого колеса, в котором мы крутимся как белки, — нет, мы делаем этого для того, чтобы поскорее снова стать еще более сосредоточенными, продуктивными и привлекательными. Это называется самооптимизацией, и, похоже, скоро она будет происходить автоматически, не отнимая у нас особого времени, с помощью цифровых терминалов или имплантатов. Ведь каждый из нас, в конце концов, только крупица человеческого капитала, поэтому должен стремиться к повышению своей рыночной стоимости.

Не только в соцсетях — но там особенно — заметно, как понятия торга и конкуренции проникают в те сферы нашей жизни, где раньше внутренние ценности преобладали над законом спроса и предложения. Наверняка уже существуют люди, ощущающие себя живыми и реальными только благодаря тому, что они постоянно гуглят собственное имя и подсчитывают число своих подписчиков, лайков и запросов на дружбу.

Как же нам из этого выбраться?

Все может преобразиться, если мы изменим в теории лишь одну основополагающую предпосылку. Рассмотрим, например, отношение к работе в буддизме. В экономических моделях западного мира с его современным мышлением и представлением о прогрессе работа означает издержки для работодателей, которые они хотели бы минимизировать, а для наемных работников — потерю независимости и свободного времени, которая компенсируется зарплатой. Обе стороны представляют себе идеальный мир как тот, где работодатели не должны больше платить работникам, а те будут получать зарплату, ничего для этого не делая.

В буддизме, напротив, труд воспринимается как нечто, что дает людям возможность развивать свои способности. Он объединяет их между собой и не дает погрязнуть в эгоизме. Он создает те товары и услуги, которые необходимы для достойного человеческого существования. Идеалом в таком мире оказывается не постоянный рост производства при как можно более низких ценах, а так называемое функциональное общество всеобщего благоденствия. Не автоматизация, а человеческая деятельность, которая дополняется использованием техники, когда люди хотят облегчить себе жизнь. Существует большая разница между

инструментом, увеличивающим силу и возможности человека, и машиной, отнимающей у него работу. Для буддийского мировоззрения такая организация труда, при которой главной целью является выпуск любой ценой и с максимальной скоростью как можно большего количества товаров, — преступление, потому что при таком подходе производственные показатели оказываются важнее людей, а прибыль и товары — важнее опыта и человеческих взаимоотношений.

Понимаете, о чем я говорю?

Для того чтобы переосмыслить весь мир, иногда достаточно всего лишь взглянуть на что-то под другим углом.

Эрнст Шумахер, британский экономист немецкого происхождения, в середине 1950-х годов был советником по экономическим вопросам в Бирме и описал «буддийскую экономику». Его книга «Малое прекрасно» (*Small is Beautiful*)³, которая в Германии вышла под чудесным названием «Возвращение к человеческим размерам», стала одним из самых влиятельных трудов, посвященных устойчивому развитию, — задолго до того, как возникло само это понятие. Она вышла в начале 1970-х годов, быстро став бестселлером, и описывает такое будущее, в котором будут даны ответы на вопросы, и сегодня стоящие перед нами.

Но Нобелевскую премию он так никогда и не получил.

И даже сегодня в ведущих экономических журналах почти не встретишь статей, где ставилась бы под сомнение общепринятая картина мира. Тем большее впечатление на меня произвела конференция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Как предотвратить системный коллапс», которая состоялась в сентябре 2019 года и на которой рабочая группа по новым подходам к экономическим вызовам представила свой доклад. В нем содержался анализ эмпирических данных, говоривших о неприемлемости модели *Ното оeconomicus*, и доказывалось, что идея взаимозаменяемости капитала применительно к природе так же бесполезна, как приравнивание экономического роста к повышению уровня инклюзии, справедливости или качества жизни.

Как только рабочая группа дала свои выводы, представитель США напомнил ее руководительнице, что подобные идеологические заблуждения никак не сочетаются с основной идеей организации. По крайней мере, так считают страны-участницы, которые платят взносы и определяют мандат ОЭСР. А как отреагировали гендиректора корпораций? Предложение взять на себя юридическую ответственность за отношения с сотрудниками, клиентами, регионами, окружающую среду и жизнь будущих поколений, по словам Джеймса Гэмбла, не привело бы большинство из них в восторг.

«Я никогда не отчаиваюсь, — писал Шумахер. — Мне не под силу вызвать ветер, который принесет наш корабль в лучший мир. Но я могу по крайней мере поднять парус, чтобы поймать ветер, когда тот поднимется» [11].

Вот в ОЭСР уже поднялся небольшой ветерок — даже несмотря на упоминавшийся выше демарш США. Так или иначе, организация изменила свой прежний девиз «Лучшая политика для роста» на новый — «Лучшая политика для лучшей жизни».

Большинство представителей экономической науки все еще считают людей эгоистичными существами, которые стремятся только к собственной выгоде, что в конце концов каким-то удивительным образом должно привести к всеобщему благосостоянию. Это представление о человеке неверно, и его следует как можно скорее пересмотреть. Система, воспевающая эгоизм, порождает эгоизм. Мы нуждаемся в новых ценностях, которые поддерживают людей в их совместном существовании.

Рост и развитие

Мир сейчас переживает три экзистенциальных кризиса: климатический кризис, кризис неравенства и кризис демократии. Тем не менее общепринятые методы измерения экономического прогресса не содержат ни малейшего намека на то, что у нас проблемы.

Джозеф Стиглиц, экономист

Карстен Шванке — метеоролог и ведущий прогноза погоды на телевидении. Во время своих выступлений он еще и знакомит зрителей с интересными природными феноменами. За три-четыре минуты Шванке успевает объяснить, почему радуга изогнута или почему облака не падают с неба на землю, и даже если ты никогда раньше не задумывался над этим вопросом, то вдруг ловишь себя на том, что с нетерпением ожидаешь ответа. В последнее время, появляясь на экране, он говорит и об изменении климата. Рассказывает, почему тает лед в Антарктиде, хотя температура там никогда не поднимается выше 0 °С, или как засухи в Германии связаны с лесными пожарами в Калифорнии и с наводнениями в Италии. Посреди разговора о таком безобидном предмете, как погода, вдруг возникает тема конца света. Это раздражает почти так же сильно, как те двое, которые во время утреннего часа пик взяли и залезли на крышу поезда, когда люди просто хотели добраться до работы.

Передачи, в которых Шванке рассказывает о климатических изменениях, пользуются в соцсетях невероятным успехом. Эти записи даже через несколько месяцев после публикации набирают десятки тысяч репостов и миллионы просмотров. В ассоциацию телерадиокомпаний ARD, на чьем канале выступает Шванке, поступают вопросы зрителей о том, не появится ли отдельная программа, посвященная климату.

Как ученый, занимающийся проблемами устойчивого развития, я тоже рекомендовала создать такую передачу, чтобы каждый день привлекать внимание к этой крайне актуальной теме. С другой стороны, меня, как специалиста по политэкономии, умиляет мысль о том, что сообщения о климате будут транслироваться сразу после биржевых новостей.

От изменений курса акций к изменениям объемов выбросов CO₂.

Тогда в течение нескольких минут в прайм-тайм зрителям будут наглядно продемонстрированы климатические издержки нашей экономической системы.

Обсерватория Мауна-Лоа на Гавайях с 1958 года измеряет концентрацию углекислого газа в атмосфере Земли. Эта станция была сознательно построена вдалеке от цивилизации, на подветренном склоне вулкана, на высоте более чем 3000 м над уровнем моря и на расстоянии почти 4000 км от североамериканского материка. Никакие факторы не должны исказить измерения. Непрерывно собираемые здесь вот уже более 60 лет сведения — одни из самых ценных в мире.

Взглянув на график, составленный на основе этих данных, вы увидите, что кривая почти все время идет вверх. Есть только три периода, когда ее подъем слегка притормаживал, — в середине 1970-х, в начале 1990-х и после 2008 года кривая становится чуть более полой.

Почему так?

В середине 1970-х годов, когда арабские страны сократили добычу нефти и цены на нее моментально подскочили, разразился нефтяной кризис. В начале 1990-х годов развалился Советский Союз, а 12 лет назад финансовый коллапс во многих странах замедлил рост ВВП. Эти события, столь различные с политической точки зрения, с экономической означают одно и то же: когда люди производят, перевозят и потребляют меньше, снижаются и выбросы углекислого газа в атмосферу.

Другими словами, в период экономического спада климатические изменения замедляются, а когда в экономике наблюдается подъем — обостряются.

Можно сказать еще проще: экономический рост в его сегодняшней форме — это и есть изменение климата. И ускорение первого означает ускорение последнего.

Такова убийственная логика нашей цивилизации.

Не верите?

Тогда сравните диаграмму, составленную на Мауна-Лоа, с графиком динамики мировой экономики за последние 60 лет. Вы не только заметите, что обе линии продолжают подниматься. Еще вам станет ясно, что всего достигнутого в сфере ограничения выбросов углекислого газа недостаточно, чтобы изменить общую картину. Физик Хенрик Нордборг

в своем эссе «Призрак бродит по миру — призрак фактов» [12] отметил, что две кривые почти полностью совпадают.

Вот одно неприятное наблюдение, которое мы должны учитывать. Другое заключается в том, что все наши попытки разорвать эту связь пока что не приносят никакого заметного успеха.

Ни Киотский протокол, ни Парижское соглашение, ни развитие возобновляемых источников энергии не смогли предотвратить повышение содержания углекислого газа в атмосфере.

А как обстоит дело с добычей полезных ископаемых, обезлесением, потерей биологического разнообразия или количеством пластикового мусора? Здесь картина та же: все кривые стремятся вверх, напоминая хоккейную клюшку.

Это удручающий результат, но в принципе его нельзя назвать неожиданным. До тех пор, пока человечество придерживается убеждения, что ему необходимо обеспечивать постоянный экономический рост, любые улучшения, которых ему удастся в чем-то добиться для себя и окружающей среды, будут сводиться на нет в чем-то другом.

Может быть, это связано с тем, что в настоящее время быстро увеличивается численность населения? Да, конечно. Но в Германии, например, количество жителей уже несколько десятилетий заметно не меняется, в какие-то периоды даже уменьшалось. Нам удалось занять лидирующую позицию в борьбе против изменения климата прежде всего потому, что крах промышленности ГДР привел к резкому сокращению выбросов углекислого газа. Конечно, мы внедрились множество технологических инноваций и усовершенствовали систему переработки отходов, что положительно сказалось на энергоэффективности и ресурсоемкости: холодильник, автомобиль, отопление уже не требуют таких больших энергозатрат, как прежде. Однако с 1990 года потребность в электроэнергии выросла более чем на 10%, а расход энергии в целом снизился примерно на 3% [13].

Как вы помните, авторы доклада 1972 года «Пределы роста» пришли к следующему выводу: рост производства ограничен, потому что существует лимит того, что мы можем забрать у планеты и использовать. Тем не менее мы продолжаем оценивать экономический рост, как будто не замечая этих надвигающихся вполне реальных пределов.

Валовой внутренний продукт включает в себя только общую стоимость всех товаров и услуг, произведенных в стране в течение года. 250 лет назад, когда в Англии было сформулировано базовое представление о ВВП, оно служило для учета земельных владений, скота и государственной казны. Во время Второй мировой войны американские политики начали использовать это понятие, потому что хотели точнее понимать, насколько быстро экономика может обеспечить необходимое вооружение. С тех пор ВВП превратился в индикатор экономического

роста, а значит, и процветания. Концепция обернулась цифрами, а цифры влияют на принятие решений, определяющих, в каком направлении будет развиваться общество. Насколько велики стоящие за этими цифрами деградация и ущерб, нанесенный миру, никто не принимает во внимание.

Вам нужны примеры?

Крушение танкера, из-за которого побережье загрязняет нефть, приводит к росту ВВП, так как предприятия, ведущие очистку берега, оказывают ценные услуги. Вред, который разлив нефти наносит экосистеме, не включается в ВВП, так как природа — как мы уже видели — просто существует вокруг нас и поэтому никак не учитывается в финансовой отчетности. Отец или мать, которые после рождения ребенка какое-то время остаются дома и не выходят на работу, тем самым снижают ВВП. Ведь в него не входит благополучие ребенка и родителей, начинающих совместную жизнь [14]. Наверное, самое красочное определение этого показателя в 1968 году сформулировал Роберт Кеннеди, брат 35-го президента США: «Валовой внутренний продукт измеряет все, кроме того, ради чего стоит жить».

Большинство учебников по экономике, несмотря на это, предполагают, что балансовый отчет в итоге положительный. Это, естественно, связано с концепцией Homo economicus, который, как мы понимаем, не только эгоистичен, но еще и ненасытен. Его потребности состоят в том, чтобы потреблять все больше и работать все меньше.

Повторим еще раз: в «пустом» мире, где было много свободного места и мало людей, мало материальных благ и много природы, у человечества возникло вполне естественное ощущение, что чем выше производительность, тем лучше будет результат. В экономической системе, которую мы построили, основываясь на этом предположении, необходимо постоянно наращивать объемы производства, обеспечивая экономический рост, и инвестировать полученную прибыль в такие инновации, которые дадут возможность производить еще больше. Больше товаров — больше пользы для потребителей. Это уравнение хорошо действовало в той, как я бы ее назвала, прежней реальности, когда большей части людей приходилось удовлетворяться совсем маленьким доходом или вообще не получать ничего. Сегодня оно тоже работает в тех странах и применительно к тем людям, которые лишены нормального питания, крыши над головой, одежды, медицинского обслуживания и энергоснабжения.

Но вы же помните парадокс Истерлина?

Это правило действует до того момента, когда каждый евро и каждое новое приобретение лишаются для людей той привлекательности, какой они обладали до достижения критической точки «насыщения».

Но заточенной только под интересы экономического роста системе это совершенно безразлично. В ней не предусмотрен вопрос о том, можно ли

будет когда-либо сказать: «Достаточно!» Поэтому сегодня изначально планировавшееся обеспечение людей товарами и услугами, которые действительно им нужны, больше не является реальной целью экономики. Мы перепутали цель и средства. При этом, может быть, и не отдавая себе отчета, удивительным образом точно знаем, кто что должен делать для дальнейшего обеспечения роста. И еще к тому же ожидаем, что другие будут вести себя соответственно. Иначе все рухнет.

Разве не так?

Если я вас не убедила, то попробуйте представить, как бы отреагировал фондовый рынок, если бы компания Apple перестала регулярно выпускать новые версии айфонов, независимо от того, действительно ли они лучше предыдущих.

А что бы сказали в Apple, если вслед за этим были бы изменены налоговые правила, касающиеся сбыта мобильных телефонов? Как бы взвились инвесторы, если бы из-за этого упали продажи смартфонов? Понравилось бы сотрудникам Apple, если бы как следствие уменьшилось количество рабочих мест, потому что инвесторы в любом случае должны быть довольны? А ведь это бы означало, что уменьшится покупательная способность целевой аудитории.

Компании должны все время производить новое, покупатели — потреблять новое, инженеры — изобретать новое, которое затем с помощью рекламы выводится на рынок, и банки — выдавать кредиты, а политики — разрабатывать так называемые стратегии (которые на самом деле направлены на то, чтобы убрать все препятствия, мешающие приумножению всего, на что можно потратить деньги). Ведь кажется, что только экономический рост может обеспечить рабочие места, инвестиции и сбор налогов. Значит, каждый участник этой системы должен способствовать этому самому росту, так как каждый зависит от того, как поступают остальные.

Именно поэтому люди следят за биржевыми курсами — они считают, что смогут узнать из них что-то, касающееся экономического роста, и предсказать собственное будущее, — даже если у них нет никаких акций. Пока кривые на графиках продолжают лезть вверх, кажется, что все в порядке. А ведь на самом деле эти кривые очень слабо влияют на наше благосостояние и почти ничего не говорят нам о нашем будущем.

В прежней реальности английских отцов экономики вообще не возникал вопрос, почему надо постоянно производить что-то новое.

Представлялось, что это и есть восходящая спираль идеального развития.

Проблема только в одном: это не так.

Мы уже убедились в главе, посвященной нашим отношениям с природой, что люди организуют свою экономическую деятельность не как замкнутый круг, а как огромную, охватившую весь мир ленту конвейера, в начале которой загружают сырье и энергию, и те двигаются

по ней, превращаясь в товары, а в конце сходят с нее в виде денег с одной стороны и в виде отходов — с другой.

В прежней реальности предсказывалось, что подобная форма хозяйствования принесет «максимальное счастье максимальному количеству людей». Так сформулировал основную мысль утилитаризма еще один английский мыслитель XVIII века, Иеремия Бентам. Его учение смотрит на мир через призму этики, которая оценивает избранные средства по результату: пока все больше и больше людей достигают счастья, с экономикой все в порядке. Сам Бентам в своей книге «Введение в основания нравственности и законодательства» (*An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, 1780) определял счастье как максимально возможное количество удовольствий и минимально возможное количество страданий. Экономисты его времени считали, что счастье — или утилитарность, то есть полезность, — можно измерить в денежном эквиваленте, равном, например, стоимости товара или полученному доходу.

А о том, каким образом максимальное количество людей могут получить свою долю пользы, Адам Смит написал в первой главе «Исследования о природе и причинах богатства народов»: «Получающееся в результате разделения труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к тому всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои народа» [15].

Можно сделать обратный вывод: для того чтобы бедняки получали большой кусок пирога, надо, чтобы пироги становились все больше.

Несмотря на то что слова Смита о «надлежащим образом управляемом обществе» были направлены против короля, который, по мнению ученого, пользовался излишними привилегиями, задача ограничения власти крупных игроков применима не только к монархическому, но и к демократическому государству. Сегодня рынок по-прежнему считается лучшей организационной формой для создания экономической ценности. О четком разделении обязанностей между государством и рынком постоянно идут жаркие споры, обостряющиеся при обсуждении дефицита госбюджета, инвестиционной деятельности, размеров государственного долга и возможностей использования резервов центральных банков.

Начиная с 1970-х годов все большее влияние приобретали те экономисты, которые считали необходимым предоставить субъектам частного сектора максимально возможную свободу. А государство должно оставаться вне экономики, потому что рынки сами наиболее эффективно распределяют ресурсы и настраивают баланс между спросом и предложением — тем самым они ускоряют рост производства, получая возможность распределять еще большее количество благ. Отсюда вытекают требования не отягощать богачей высокими налогами, чтобы те могли инвестировать деньги в новые рабочие места, выплачивать

более высокие зарплаты и таким образом делиться своими доходами со всеми, вплоть до представителей низших слоев общества.

Государственное регулирование должно уступить место свободному рынку, чтобы возродить тот самый эффект перераспределения благ, о котором писал Адам Смит.

Этот эффект, получивший известность как «теория просачивания благ сверху вниз», упоминался в США в выступлениях Джона Кеннеди и Рональда Рейгана, а в Великобритании — в высказываниях Маргарет Тэтчер. С 1980-х годов во многих странах он стал считаться основанием для снижения налогов на высокий доход, собственность и наследство, приватизации государственных предприятий, либерализации финансовых рынков — то есть для ослабления контроля над ними — и для создания предпосылок к появлению беспрецедентного ассортимента финансовых «продуктов».

«Прилив поднимает все лодки» — афоризм как раз об этом типе экономической политики.

Почти 50 лет спустя пришла пора признать, что расчеты не оправдались. Конечно, разработанной в Оксфордском университете онлайн-платформой «Наш мир в цифрах» представлены впечатляющие данные, указывающие, что доля населения мира, живущего в условиях нищеты, которая в 1820 году составляла 94%, теперь сократилась до 10%. На одной из ежегодных встреч представителей экономической элиты в Давосе тогдашний глава компании Microsoft Билл Гейтс и психолог, автор научно-популярных книг Стивен Пинкер высказались с явно утилитаристских позиций, заявив, что сегодня не стоит волноваться по поводу неравномерного распределения богатства в мире, раз нынешняя модель оказалась настолько эффективной в борьбе с бедностью. А Пинкер вообще до сегодняшнего дня не позволяет увлечь себя призывами всерьез отнестись к проблеме экологического кризиса.

А вот Джейсон Хикель, антрополог, обращающийся со статистикой с дотошностью детектива, не согласен с утверждениями относительно победы над бедностью. Он пришел к выводу, что можно доверять только данным об уровне бедности в мире после 1981 года. Кроме того, по его мнению, стандарты Мирового банка, в соответствии с которыми так называемой «крайней бедности» больше не существует, выглядят довольно спорными. Например, по утвержденным в 2011 году стандартам считается, что в США для полноценного питания, содержания жилья и заботы о здоровье достаточно 1,90 доллара в день — довольно смелое предположение. Если для установления порога бедности использовать более здравые представления о достойной жизни, которых придерживаются многие ученые, то сумма вырастет уже до 7,40–15 долларов в день. И история успеха оборачивается провалом: если бедность начинается с 7,40 доллара в день, то в 2019 году 4,2 млрд человек живут за ее чертой, а это больше, чем в 1981 году [16].

За это же время мировой ВВП вырос с 28,4 трлн до 82,6 трлн долларов. Но только 5 центов из каждого добавочного доллара попали к 60% населения мира, обладающим самыми низкими доходами. А знаете ли вы, где живет большая часть людей, чье благосостояние за период после 1981 года поднялось над чертой бедности?

В Китае [17].

Если не учитывать их в статистических данных, то рыночная модель экономического роста будет еще меньше соответствовать теории просачивания благ. Сегодня за чертой бедности живет намного больше людей, чем в 1981 году, и соотношение бедноты среди разрастающегося населения мира неизменно сохраняется в пределах 60%. В индустриальных странах с 1980 года неравенство доходов и распределения собственности выросло — хотя в течение предыдущих 100 лет оно почти все время уменьшалось.

Сегодня налоги, которые платят богатые люди и корпорации, находятся на самом низком уровне за много десятилетий, а количество миллиардеров резко растет. Эти тенденции, описанные в нашумевшей книге Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» (*Le Capital au XXIe siècle*)⁴, дают повод сторонникам рыночной экономики, вроде Роберта Солоу, заговорить о появлении плутократии. В Европе рост неравенства проявляется не так очевидно, как в остальном мире, но даже в Германии все индикаторы указывают на него [18].

Вопреки ожиданиям богачи используют сэкономленные на налогах деньги не для инвестиций в производственную деятельность, а для скупки таких общественных активов, как инфраструктура или недвижимость. То, что мы называем приватизацией, привело к тому, что чистый капитал, сосредоточенный в руках частных лиц, в богатых странах за последние 50 лет вырос и в 2018 году составляет уже не 200–350% государственных доходов, как в 1970 году, а 400–700%, в то время как последние, напротив, снизились [19]. Благодаря такому экономическому росту государства явно беднеют. Использование финансового капитала из продуктивного становится непродуктивным: собственники получают доход благодаря аренде и лизингу без создания какой-либо новой ценности.

Другим популярным местом приложения излишнего капитала стала биржа, где можно, не работая, сделать из своих денег еще больше денег. За последнее десятилетие 500 крупнейших американских компаний выпустили ценных бумаг на 5 трлн долларов, в которые 450 из этих фирм инвестировали более половины своих доходов. Они получили дополнительный стимул, когда при президенте Трампе были особенно резко снижены налоги: только в 2018 году компании в США скупили собственные акции на сумму в 1 трлн долларов [20]. По сути дела перед нами не что иное, как жульничество с цифрами — количество акций на рынке уменьшается, зато цены на них растут. В самой деятельности предприятий ничего не изменилось, но они якобы оказались куда более

успешными, чем раньше. Естественно, от таких достижений премиальные руководителей корпораций тоже растут. Еще парочка симпатичных кривых, напоминающих хоккейные клюшки, и они иллюстрируют лишь небольшую часть нашей новой реальности.

В то же время бедняки перед финансовым кризисом были отягощены «выгодными» ипотечными кредитами и, когда ценовой пузырь на рынке недвижимости в конце концов лопнул, лишились своих жилищ, а государство использовало деньги налогоплательщиков для спасения кредиторов. Таким образом, доходы от этой рискованной игры были приватизированы, попав в немногочисленные частные руки, а убытки — социализированы, то есть возложены на общество.

Похоже, что шикарные яхты прилив поднимает намного быстрее, чем рыбацкие лодочки. А так как во время кризиса 2008 года центральные банки наводнили финансовые рынки дешевыми деньгами, то доходы и имущество, принадлежащие богатейшим людям, которые составляют 1% населения Земли, резко увеличились.

Затея с бесконечным ростом всеобщего потребления провалилась как с экологической, так и с социальной точки зрения. Шаг за шагом, за головокружительными цифрами постепенно сформировалась система, которая разрушает нашу планету, разворачивает отношения собственности обратно в сторону феодализма и при этом еще испытывает необходимость постоянно разрастаться, чтобы не рухнуть под грузом собственной нестабильности.

Настоящей целью существующей сегодня системы, вопреки всем заверениям в обратном, является беспрестанный рост продаж, прибылей и собственности — причем любой ценой.

При этом иногда ситуация оказывается уже за гранью разумного. Я никогда не забуду, как летом 2019 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке обсуждался вопрос о том, где же взять 39 млрд долларов, которых ежегодно недостает для обеспечения всех детей мира начальным образованием. Одновременно в паре кварталов оттуда банк JPMorgan Chase объявил, что в течение года выплатит своим акционерам 40 млрд евро, потому что уже не может придумать, что еще делать со своими деньгами [21].

Так что задача не в том, чтобы продолжать наращивать производство, пока не будет получено достаточно денег, чтобы осчастливить как можно больше бедных людей. Нам не хватает экономической и политической воли, чтобы тесно связать мультипликацию денег с созданием ценности и воспрепятствовать накоплению незаслуженных доходов.

Что я этим хочу сказать?

Рассуждая об экономическом росте, нам следует задать себе три важных вопроса:

Как образуются товары и услуги?

Как они попадают к потребителям?

Что происходит с доходом, получаемым от этих процессов?

Ясно одно: в этом задействовано множество субъектов, которые хотят что-то получить за свой вклад. А что произойдет, если все участники этого процесса будут преследовать только собственную выгоду и учитывать в своих расчетах исключительно денежные показатели? Этим вопросом экономист Мариана Маццукато задалась в своей книге «Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике»⁵. Она много занималась историей экономических идей и показала, как различные мыслители рассматривали создание ценности и накопление богатства.

До XIX века, и даже еще во времена Адама Смита и Давида Рикардо, существовали объективные факторы, определяющие создаваемую ценность. Это были земля и сырье, необходимые инструменты и технические приспособления, а также затраченное время и качество работы. Ценность оказывалась результатом продуктивного сочетания этих ресурсов. Даже если не находилось никого, кто хотел или мог заплатить запрошенную цену за продукт, его ценность от этого не уменьшалась. Цены тогда были результатом обмена, в котором учитывались различные интересы, властные отношения и политические условия. Товары и услуги могут иметь огромную ценность для человеческой жизни, даже если они ничего не стоят. Смит продемонстрировал этот парадокс на примере воды и алмазов.

Но помимо продуктивных видов человеческой деятельности существовали и непродуктивные, когда нечто уже созданное просто перемещается туда-сюда, — например торговля или распределение денежных средств. За них была предусмотрена определенная плата, но речи о созидании ценности не шло. Смит, кстати говоря, считал, что вознаграждение за такие труды — вопреки усилиям финансистов — должно быть довольно низким [22].

Разделение понятий ценности и цены было потеряно утилитаристами и теми, кто подходит к экономике с математической точки зрения: стремящийся к максимальной выгоде Homo economicus отдаст за товар ровно столько, сколько пользы тот ему принесет. Ценность вещей определяется их ценой на рынке и оказывается никак не связанной с их содержанием или качеством. Цена становится ценностью. Субъективные предпочтения (покупателей) побеждают объективные ресурсы, меновая стоимость отделяется от потребительной ценности.

Таким образом, становится возможным создание ценности простым назначением. А это, по мнению Маццукато, предоставило широкое поле для получения скрытого незаслуженного дохода в виде непропорциональных высоких комиссионных при перетасовке денежных средств. Вы понимаете, что это означает для утилитаризма? Конечно же: организация создания ценности, обеспечивающей

благополучие максимального количества членов общества, становится очень дорогим делом.

Маццукато показывает это на примере фарминдустрии: если кто-то готов заплатить 15 000 евро за новое лекарство от рака, значит, это лекарство того стоит и можно законно требовать у страховых компаний такую сумму. То, что новый препарат, может быть, почти не отличается от тех, которые уже давно есть на рынке, роли не играет. То, что люди, естественно, готовы отдать все ради сохранения своей жизни, тоже не важно. В данном случае цена отражает не создание ценности, а использование власти.

Попробуйте проследить за взлетом цен на лекарства после слияния различных компаний. Вы будете поражены тем, как новые собственники изменяют стоимость полученных ими активов.

Но для индикаторов, отражающих рост производства у этих компаний или вклад в ВВП, совершенно неважно, что никакой новой «ценности» вообще не создавалось. Наоборот, увеличение сумм говорит об успехе и прогрессе. И поэтому в мире, где вся экономика построена на меновой стоимости, очень сложно спорить с подобной практикой.

С точки зрения теории субъективной ценности люди, получающие большие прибыли, не только считаются особенно успешными, но еще и создают высокую общественную добавочную ценность. Это не что иное, как круговая аргументация: доход оправдан, если произведено нечто, обладающее ценностью, а ценность, в свою очередь, зависит от доходности.

...И круг замкнулся.

В этом круге нет дела до справедливого распределения благ, бережливого производства и общественной пользы.

Так что меня совершенно не удивляет, что Маццукато, как пишет *Manager Magazin*, отняла «у бизнес-элиты право гордиться собой» [23]. Например, у JPMorgan Chase — банка, который заработал 40 млрд евро с помощью высокоскоростных спекулятивных сделок, проведенных алгоритмизированной компьютерной программой, и тем самым, может быть, расшатал всю национальную экономику, — получение прибыли говорит о создании ценности. И ее производитель очень эффективно, можно сказать, заработал свой доход. Неудивительно, что векселя и акции часто называют финансовыми продуктами. Деятельность финансового сектора с 1970-х годов учитывается в ВВП, а параллельно проводится дерегулирование, из-за которого уменьшается контроль над этой сферой. Результат впечатляет. Из ничего не созидающего перераспределения ресурсов, обслуживавшего реальный сектор экономики, со временем сложился высокодоходный бизнес. Давайте еще раз повторим, как он функционирует: через ожидаемую прибыль он определяет, какие производственные процессы, систему оплаты труда и технологии применять всем остальным отраслям.

Полагаю, что в вопросе о связях между ценами и ценностью недостает прозрачности и ясности.

Нам необходимо куда более серьезное осмысление того, о чем пишет Маццукато. Ее вывод таков: целенаправленное ограничение незаслуженного присвоения благ и приведение балансовых отчетов в соответствие с объективными представлениями о ценности помогут создать намного более устойчивую экономику.

И наконец, так как модель экономического роста, основанная на ложном представлении о ценности, становится причиной нарастающих кризисных явлений глобального уровня, необходимо чуть более ответственно подойти к поискам путей прогресса и правильного экономического устройства. И тогда, может быть, мы начнем переосмысливать используемые концепции и наши представления о ценности. И по-новому посмотрим на то, какие перемены возможны и желательны.

От продукта к процессу.

От ленты конвейера к круговороту.

От отдельных частей к системе.

От эксплуатации к восстановлению.

От конкуренции к сотрудничеству.

От дисбаланса к равновесию.

От денег к ценности.

С помощью языка и его средств мы выражаем то, чего хотим добиться и что имеет для нас значение. Значит, развитие концепции или теории, помимо всего прочего, определяет границы нашего мышления. А с ними — и границы наших возможностей формирования будущего. Потому что мы формируем его каждый день. С помощью инноваций и технологий, своим поведением, решениями и правилами совместного существования, которые мы для себя определяем. А главное, целями, которые мы перед собой ставим.

Экономическая система, которая нацелена на постоянный рост в ограниченном мире с невозобновляемыми ресурсами, не является устойчивой. Необходимо пересмотреть наше понимание того, из чего сложится процветание людей послезавтрашнего дня. Для этого нужны новые понятия и принципы, которые помогли бы сформулировать то, что в будущем мы станем считать важным. Нельзя дальше называть экономическим ростом разрушение планеты. Нельзя называть созданием ценности простое мультиплицирование денег. А пределы роста должны стать преодолением экологического и социального ущерба.

Технический прогресс

Совместное воздействие индустриальной и научной революций было вдвойне разрушительным, так как оно изменило и структуру общества, и то, как люди понимают мир.

Джеремии Лент, предприниматель и писатель

Электрификация мира началась с лампы накаливания. И хотя в течение долгого времени электрическое освещение воспринималось как роскошь, предназначенная в основном для отелей, офисов и театров, однако к концу XIX века оно всё чаще стало появляться в домах состоятельных людей. Лампочка стала первым электроприбором, нашедшим применение в частных жилищах. Мощность первых лампочек была очень мала, и большая часть энергии преобразовывалась не в свет, а в тепло. Но все равно по сравнению с газовыми рожками и тем более свечами приручение электричества означало большой шаг вперед в искусственном освещении, а значит, и в формировании образа жизни, который не зависел так сильно, как раньше, от дневного света.

Прошло несколько десятилетий, и инженеры придумали заменить накалявшуюся внутри лампы угольную нить на вольфрамовую. Она не так быстро перегорала и ярче светила. Еще один шаг вперед. На этот раз в сторону большей эффективности. Для работы лампы с вольфрамовой нитью при такой же светоотдаче, как у лампы с угольной нитью, энергии требовалось в четыре раза меньше. Это стало крайне неприятной новостью для тогдашних электростанций.

Когда в начале XX века новые лампочки появились на рынке Великобритании, поставщики электроэнергии опасались, что их бизнес рухнет, и это казалось вполне логичным. Если люди могут получать столько же света, используя меньше энергии, то потребление снизится, и некоторые компании уже собирались поднять цены, чтобы заранее уберечься от будущих убытков.

Но вот что интересно — произошло прямо противоположное.

Лампочки теперь расходовали меньше электроэнергии, которой, соответственно, на рынке стало больше, из-за чего цена на нее упала, и в результате электрическое освещение оказалось доступным людям, которые раньше не могли себе его позволить. Из предмета роскоши электричество превратилось в товар массового потребления, что, конечно же, тоже было шагом вперед. Но парадоксальным образом как раз благодаря тем лампочкам, для которых требовалось меньше электроэнергии, чем раньше, ее суммарное потребление возросло. Получение более высокого результата при меньших энергозатратах, безусловно, означает рост эффективности, но в итоге приводит к большему расходу энергии.

Ученые называют этот феномен эффектом рикошета.

И это одно из самых недооцененных препятствий на пути к устойчивой экономике.

Если сегодня спросить людей, что они понимают под словом «прогресс», скорее всего, большинство заговорит о развитии техники. И это неудивительно. Мало кто обращает внимание на проявления прогресса общественного: умышленное убийство и тяжкие телесные повреждения уже не являются нормальным способом разрешения противоречий между людьми и преследуются законом; женщин больше не сжигают на кострах как ведьм, зато в большинстве стран они могут избирать и быть избранными и вообще, по крайней мере официально, имеют равные с мужчинами права; наука признана главным методом познания, а политические решения основываются на ее рекомендациях.

Относительно социального прогресса тоже наблюдается существенное расхождение во взглядах на то, какое развитие считать хорошим, а какое плохим. В большинстве случаев эта оценка имеет прямое отношение к собственной идентичности и социальному статусу. Тем не менее мы определенно приблизились к воплощению в жизнь основополагающих принципов идеального сосуществования людей, сформулированных в Декларации прав человека или в Целях устойчивого развития ООН. Случаются и неудачи, и сегодня особенно заметно, как во многих сообществах разгорается полемика по поводу того, какие меры нужно предпринять.

С точки же зрения технического прогресса история человечества воспринимается как успешный путь, прямо от каменного рубила к смартфону. Все, что люди изобретали и усовершенствовали по дороге, предоставляло им новые возможности и свидетельствовало о правильности выбранного курса.

Вы еще не забыли, о чем шла речь в главе о новой реальности?

В «пустом мире», когда людей было меньше, а ресурсов больше, технический прогресс прежде всего позволял во много раз увеличить физическую силу человека с помощью машин, приводимых в действие ископаемыми источниками энергии. Таким образом, можно было за все более короткое время вырабатывать все больше товаров все лучшего качества. Техника приводила в движение фабрики, обеспечивала массовое производство и стимулировала экономический рост.

Современное понимание развития исходит как раз из такого механистического представления о прогрессе: основной упор делается на новое, которое резко отличается от старого. Целью развития и в прошлом, и сегодня является экспансия: новое означает больше, под этим подразумеваются большие мощности, больший объем, большее производство.

В условиях «полного мира», где экономика, основанная на ископаемом топливе, уже угрожает существованию человечества, технический прогресс должен обеспечивать еще и интенсификацию: новое теперь означает получение большего из меньшего, то есть обеспечение экономического роста и дальнейшего разрастания без ущерба для окружающей среды. Повышение эффективности считается важнейшей

задачей и измеряется не только в денежном эквиваленте, но и в таких показателях, как углеродоемкость и ресурсоемкость производства. Это шаг вперед от Роберта Солоу и взаимозаменяемости природного капитала.

Если кто-либо говорит, что для решения экологических проблем — от изменения климата и вымирания видов до истощения всех природных систем — надо опираться не на государственные запреты и регулирование, а на инновации и технологические прорывы, то в принципе он имеет в виду примерно следующее.

Технический прогресс помог эксплуатировать природу ради экономического роста. Теперь он должен помочь эксплуатировать природу менее интенсивно, не мешая при этом ВВП продолжать расти. Спасти планету, не нанося удара по нашему благосостоянию. Быть устойчивым, ничем не жертвуя. Наоборот, это даже выгодно: потому что даже если цены далеки от того, чтобы отражать истинные экологические издержки, снижение потребления ресурсов в любом случае экономически оправдано. Эта идея о так называемом простом разрыве взаимосвязи долго вызывала у многих восторг, потому что казалось, что он даст возможность достичь необходимых перемен так, что люди этого даже не почувствуют.

Продолжаем как раньше — только с большей эффективностью.

И что, так получится?

Первый намек на то, что одного технического прогресса явно недостаточно, высказал еще 150 лет назад английский экономист Уильям Стэнли Джевонс. Он заметил, что потребление угля в Великобритании в начале XIX столетия резко возросло, хотя Джеймс Уатт уже настолько усовершенствовал свою паровую машину, что для нее требовалось втрое меньше угля, чем раньше. Здесь такая же ситуация, как с электрическими лампочками. Новая техника позволяла экономить ресурсы и поэтому быстро распространялась, что в целом приводило к росту потребления, которое, таким образом, уничтожало результаты экономии или даже превосходило изначальный расход.

«Совершенно неверно считать, что эффективное использование топлива означает уменьшение его потребления, — все обстоит ровно наоборот» [24] — к такому выводу, который назовут парадоксом Джевонса, а позже будут описывать как эффект рикошета, пришел ученый.

Для страны, индустриализация и головокружительный экономический подъем которой во многом зависели от внутренней добычи угля, эта закономерность имела огромное значение: более эффективные машины часто не сокращали потребление сырья — напротив, из-за них снижались цены, а значит, возрастал спрос на товары, производство которых требовало все большей энергии, — так раскручивалась спираль экономического роста. Вместо того чтобы отдалить наступление энергетического кризиса, машины его приближали.

Что же делать?

За 100 лет до того, как человечество осознало, что живет в новой реальности и хозяйствует не в пустом, а в полном мире, британцы благодаря своему углю уже столкнулись с этой проблемой.

Хотите знать, какое решение они придумали?

Никакого, потому что кое-что помешало им думать.

Что это было?

Нефть.

Прошло всего несколько десятилетий, и еще до того, как запасы сырья в колониях стали истощаться, в США начали добычу этого нового энергоносителя. Наступила эпоха, когда, казалось, человечество получило доступ к неограниченному источнику энергии. Парадокс Джевонса был забыт. Нефть стала горючим для бесконечного экономического роста, казавшегося основой всеобщего благосостояния. После Второй мировой войны большая часть западных стран не только встали на этот путь развития, но и считали его единственно правильным. А большинству незападных такая модель представлялась пределом мечтаний и примером для подражания. По этому вопросу демократии и диктатуры придерживались одинакового мнения.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах за сотню лет никто не вспомнил об эффекте рикошета. Неудивительно и то, что отношение к этому феномену резко изменилось в последнее время. Дело в том, что мечта о простом разрыве взаимосвязи кажется все менее осуществимой.

Возьмем, например, автомобили.

Средний «Фольксваген-жук» в середине 1950-х потреблял 7,5 л бензина на 100 км пути. В конце 1990-х годов его преемнику VW New Beetle требовалось примерно столько же. Между этими двумя моделями — 40 лет технического развития, работы инженеров и стремления к эффективности.

Куда все это делось?

Конечно, над новым «жуком» потрудились. У него было не 30 лошадиных сил, как у старого, а 90 или 115 — в зависимости от двигателя, — и он уже мог достигать скорости не 110, а 160 км/ч. Уменьшение расхода горючего свели на нет увеличением мощности. Не сэкономили ни энергию, ни материалы — напротив, автомобиль теперь весил не 739, а 1200 кг [25].

Это хороший пример разнообразных проявлений эффекта рикошета — один из тех товаров, при производстве которых практически любое повышение эффективности будет на каком-либо этапе сводиться к нулю, по крайней мере частично.

Такое замещение может происходить непосредственно во время пользования. Например, человек, купивший экономичную машину,

будет чаще ею пользоваться, начнет чаще ездить на прогулки за город и за покупками в гипермаркеты, а не в магазинчики в центре города, где удобнее ходить пешком. Может быть, этот человек даже найдет хорошую работу в другом городе и станет кататься туда-сюда. Отрицательный обратный эффект может быть и косвенным, если сэкономленные на бензине деньги потрачены на что-то, что раньше оставалось недоступным: новый смартфон, авиаперелет на выходных, еще одно практичное авто для другого члена семьи.

То же самое происходит и с изготовителями. Они, например, могут направить энергию, которую удалось сберечь в процессе производства, на его расширение и вывести на рынок еще больше автомобилей. Можно создать более мощный вариант «жука» или же разработать совершенно новые модели внедорожников. И тогда владельцы малолитражек начнут ощущать себя в меньшей безопасности на дорогах, или же станут завидовать владельцам более престижных моделей, или же захотят иметь более просторную машину. А чем просторнее машина, тем меньше остается пространства для пешеходов и велосипедистов или для других обитателей городских улиц, а те в какой-то момент придется расширять.

Что же тогда можно сказать об электромобилях, которые считаются дружественной природе альтернативой, так как при эксплуатации не генерируют выбросов углекислого газа? И здесь, даже с учетом использования зеленой электроэнергии, имеет место эффект рикошета. Во-первых, чтобы произвести аккумулятор, естественно, тоже необходима энергия, а еще редкие металлы, добыча которых наносит вред окружающей среде. Во-вторых, для создания сети зарядных станций также требуется энергия и сырье.

Такой электромобиль, как, например, кроссовер Audi e-tron, весит более 2,5 т, а аккумулятор, приводящий в движение эту огромную машину, — 700 кг. В данном случае транспортное средство, может быть, стало быстрее или энергоэффективнее, но очевидно, что пользы от этого мало. Одно только изготовление аккумулятора емкостью 100 кВт·ч для больших электрокаров приводит к выбросу от 15 до 20 т CO₂ — столько же, сколько автомобиль бюджетного класса, работающий на бензине или дизеле, за 200 000 км пути [26]. Если рассматривать отдельный продукт или даже один его аспект, можно упустить из виду общую картину, в рамках которой мы существуем. Нужно учитывать, что при развитии отдельных технологий меняется вся система в целом. Такой подход ученые называют системным. Мы упоминали его в главе о природе: если меняется один элемент целого, то изменяется и динамика процессов, частью которых он является. А следом и свойства других связанных с ним элементов.

Вот почему исследования трансформаций рассматривают социотехнические и социоэкологические системы. Под воздействием новых технологий преобразуются как окружающая среда, так и человеческое общество. При системном подходе становится ясно, что

изменяются своды знаний и формы коммуникаций, взаимоотношения и поведение, рабочий распорядок и повседневная жизнь — а вместе с ними интересы, власть, отношения собственности, инфраструктура и ландшафт. И наоборот, системные структуры оказывают влияние на то, какие технологии со временем покажутся наиболее рациональными, актуальными и желательными, а значит, получают наилучшие шансы на распространение.

Почему это так важно?

Наше индустриальное общество за последние 30 лет добилось огромного успеха в повышении эффективности. Для производства единицы ВВП немецкой экономике сегодня требуется меньше энергии и природных ресурсов, чем раньше. Но, к сожалению, как было показано выше, мы все еще далеки от образцового природопользования. Помните про День экологического долга? Время, за которое мы потребляем все, что Земля может воспроизвести, каждый год заканчивается на несколько недель раньше. Вдумайтесь только: в Германии в 2019 году этот день наступил в мае.

Но, как вы догадываетесь, несмотря на это, никто по-прежнему не сомневается, что нашей главной целью является неуклонный рост с помощью инноваций и прогресса. Доходность, прибыль, увеличение объемов производства и продаж остаются главными индикаторами успешных нововведений.

Мировая экономика продолжает расширяться, и при этом никто не ставит перед собой цель научиться жить в планетарных границах и сделать это, не нарушая системной эффективности природы. Эффективность с точки зрения экономической науки — это, попросту говоря, возможность купить два по цене одного.

Повторюсь, наши представления обладают способностью воздействовать на реальность. Два по цене одного — этот прием вполне способен погубить мечту о простом разрыве взаимосвязи и о том, чтобы остановить наконец рост потребления [27]. Мы все эффективнее толкаем вверх кривые выбросов углекислого газа и эксплуатации ресурсов.

И так во всех сферах жизни.

Современные системы отопления экономичны как никогда, здания оснащены теплоизоляцией, но количество квадратных метров жилья на душу населения постоянно растет, каждый отдельный человек претендует на все большее пространство, и, конечно, потребление энергии не снижается.

Такая же ситуация и с электроприборами, которые сегодня расходуют гораздо меньше энергии, чем раньше, и поэтому у нас их теперь намного больше. К тому же теперь они не такие долговечные, как прежде.

То, что вчера еще считалось роскошью, ныне воспринимается как обыденное, да еще и бесперебойно и гарантированно поставляется в любое место в любое время — таков стандарт нынешнего образа жизни.

Горячая вода в кране.

По автомобилю на каждую семью.

Стиральная машина в каждой квартире или каждом доме.

Телевизор с плоским экраном в каждой комнате.

По автомобилю на каждого человека.

Свежая клубника даже зимой.

Расфасованные кусочки манго, доставленные к нам по воздуху.

Авиатур выходного дня дважды в месяц.

Ярким примером того, как сложно человечеству остановить нескончаемую экспансию, является так называемая геоинженерия.

Геоинженерия — это методы, которые должны искусственно замедлить климатические изменения. Для поглощения углекислого газа часто предлагают проводить широкомасштабные посадки леса или повторное заболачивание. Но для проведения подобных мероприятий требуются такие территории, которые могли бы конкурировать с площадью, занимаемой нашими населенными пунктами и инфраструктурами и сельским хозяйством, и поэтому выдвигаются все новые технические решения. Так, например, высказывались мысли разместить в космосе огромное зеркало, ограничивающее попадание солнечных лучей на Землю, или же распылять с самолетов тонны двуокиси серы, чтобы она отражала солнечный свет, как при извержении вулкана. Некоторые исследователи предлагают с помощью удобрений ускорить рост морских водорослей или же раздробить горы, потому что при выветривании горная порода будет поглощать углекислый газ.

Вам все это не напоминает фильмы о Джеймсе Бонде?

Тогда имейте в виду, что почти все климатические сценарии, при которых рост температуры все-таки не превысит 2 °С, предусматривают, что в обозримом будущем человечество задействует геоинженерию, в противном случае их нельзя будет реализовать.

Вот только все эти технологии на настоящий момент недоступны. Их или еще не опробовали, или они слишком опасны, или же функционируют в малом масштабе, но неизвестно, насколько рискованным будет их использование в масштабе планетарном. Тем не менее с их помощью предполагается достичь того, что во всех прогнозах называется негативными выбросами.

А раз технологии все исправят, уже идет геополитическая борьба за право добычи углеводородов на оттаивающих тем временем просторах Арктики. Хотя проблема заключается не в том, сколько осталось в недрах Земли угля, нефти и газа, а в том, что ее атмосфера не может принять

столько углекислого газа без изменения при этом климатических условий, пригодных для жизни людей. И мы не можем развивать чистую энергетику с той же бешеной скоростью, с какой хотим все больше потреблять. Сегодня возобновляемые источники энергии уже во многих случаях оказываются дешевле, чем уголь, — это отличная новость, которая окажет огромное воздействие на долгосрочные инвестиции в производство электроэнергии. Однако это не помешало саудовскому нефтяному гиганту Агамсо сразу же после своего выхода на биржу в 2019 году превратиться в самую дорогую публичную компанию в мире. Потому что пока наша потребность в энергии столь велика, что альтернативные источники не в силах вытеснить традиционные, они только дополняют их. Так же, как 100 лет назад, нефть стала дополнением к углю.

Иными словами, если технический прогресс продолжит идти тем же путем, не выполняя никакой другой функции, кроме обеспечения дальнейшего роста производства и потребления, то мы лишь отодвинем решение проблем в будущее.

Честно говоря, у меня просто отвалилась челюсть, когда Илон Маск представил будущее поколение спортивных автомобилей — Tesla Cybertruck — с «почти несокрушимым экзоскелетом», обшивкой из «холоднокатаного листа нержавеющей стали 30X» и бронированными стеклами. Эта модель может похвастаться способностью к безумному ускорению и грузоподъемностью 1,7 т, а модель S уже способна принять 2,1 т. Где и при каких условиях, кроме автогонок, могут понадобиться такие характеристики? И какова экологическая оценка жизненного цикла этой штуки? Между тем, по словам Маска, в США уже получено 250 000 предварительных заказов [28].

А какими еще функциями, кроме почти никому не нужных вышеупомянутых, обладает такой автомобиль?

Как мы видим, подобные вопросы задают на удивление редко. Но если ими специально заняться, как это сделал социолог Филипп Штааб в своей книге «Лживые обещания. Рост в цифровом капитализме» (Falsche Versprechen: Wachstum im digitalen Kapitalismus), то становится очевидной еще одна форма простого разрыва взаимосвязи: между техническим и общественным прогрессом. Мы снова сталкиваемся с тем, что увеличение продаж и экономический рост превращаются в самоцели, а инновации служат средством для их достижения: «При покупке товаров в обществе материального изобилия редко руководствуются только их потребительной ценностью, но в основном — их отличительным потенциалом, то есть возможностью, благодаря обладанию дефицитными вещами или предметами с особыми символическими социальными коннотациями, показать свое отличие от других. С экономической точки зрения преимущество заключается в том, что потребности покупателей оказываются неисчерпаемыми и независимыми от полезных качеств товаров» [29].

Люди прекрасно умеют решать свои проблемы. Но если эти проблемы неточно сформулированы, прогресс обходит их стороной. Cybertruck меня особенно смущает, и я очень рада, что Объединение технического надзора считает невозможным его эксплуатацию в Германии. Если говорить о символикe, агрегат кажется вышедшим прямым из «Безумного Макса»: «Мне все равно, кто или что окажется у меня на пути, я проеду по нему на полном газу в крутой бронированной тачке».

Мне больше по душе практики осознанности, йога, пешие прогулки, лесное купание, цифровой детокс, самоактуализация и свобода распоряжаться своим временем. А знаете ли вы, что все эти занятия и понятия были предсказаны как проявления естественной эволюции общества, достигшего процветания благодаря техническому прогрессу?

И кто же все это предвидел?

Экономисты.

90 лет назад Джон Мейнард Кейнс, один из величайших экономистов всех времен, написал эссе под названием «Экономические возможности наших внуков» (Economic Possibilities for Our Grandchildren)⁶. В нем он размышлял о том, что произойдет с человечеством, когда оно разрешит все экономические проблемы, удовлетворит все материальные потребности и будет иметь все необходимое. Наблюдая постоянное развитие производства, Кейнс предполагал, что этот момент настанет к 2030 году. Тогда, считал он, нам будет достаточно работать только 15 часов в неделю. Этого хватит, чтобы поддерживать экономику на стабильном уровне.

Вопрос, который в связи с этим поставил ученый, звучал следующим образом: что мы будем делать со всем освободившимся временем?

Да, что же нам с ним делать?

Как вы думаете?

Конечно же, мы станем просто наслаждаться жизнью.

Кейнс тоже так решил. Он считал, что мы задумаемся о своем благополучии и постараемся полностью раскрыть свой человеческий потенциал. Будем проводить время с друзьями и родными, заниматься самообразованием и посвящать себя искусству и культуре.

Поразительно, но в Кремниевой долине тоже думают о развитии человеческого потенциала. Но, к сожалению, там все получается совсем не так, как ожидал Кейнс.

Потому что интернет, возникший как прекрасное новое средство общения, объединения, обмена знаниями и информацией, превратился в воплощение того, что экономист и архитектор Георг Франк уже в конце прошлого века назвал экономикой внимания. «Внимание других людей — это самый сильный наркотик», — утверждал он, называя его валютой, эмитируемой в ограниченных количествах [30].

Такой диагноз показался особенно интересным разработчикам цифровых продуктов, которые хотят, чтобы люди уделяли их предложениям и услугам как можно больше времени. Заходы на сайты, клики и лайки показывают, насколько им это удалось. Но под видом этого «бесплатного» сервиса прячется, как известно, прибыльный бизнес, собирающий личную информацию и получающий доходы от рекламы: индивидуализированные предложения, максимально соответствующие моему настроению, оказываются готовыми к употреблению так быстро, что легко преодолевают последние возражения против очередной покупки. То, что начиналось как цифровая валюта, с каждым кликом конвертируется в денежную. И хотя все данные создаются исключительно пользователями, корпорации собирают с них свою дань.

Такой характер технического прогресса, по мнению некоторых отщепенцев Кремниевой долины, стал причиной изменений в человеческом внимании, отношении к учебе, социальным связям и к культуре общения. Сегодня нас волнуют не только рабочие места. Вызывают беспокойство и судьба демократии, и социальное взаимопонимание, и манипулирование людьми.

Тристан Харрис, бывший специалист по этике дизайна в Google, основатель инициативы «Хорошо проведенное время» и Центра гуманных технологий, пытался сформулировать суть темной стороны цифровой революции. Он хотел найти всеобъемлющее определение, подобное такому понятию, как «экологическая деградация», которое объединяет различные феномены: изменение климата, потерю биоразнообразия, нехватку питьевой воды, опустынивание и т.д.

Теперь во время ток-шоу и интервью Харрис использует термин «упадок человечества». Он означает ослабление внимания, норм поведения, основ демократии и общественных отношений на фоне болезненной зависимости от социальных сетей [31].

Человеческий упадок, о котором говорит Харрис, свидетельствует вот о чем: технический прогресс во имя максимальных прибылей может оказывать исключительно вредное воздействие на ту систему, частью которой является.

Это угрожает инновациям?

С эмпирической точки зрения вовсе нет. Сдерживание излишней эксплуатации человека и природы может подстегнуть инновации, необходимые для создания новой реальности. Как раз ограничения заставляют людей раскрывать свои лучшие творческие способности. Они начинают бурно развивать проекты, направленные на использование только тех ресурсов, что есть в наличии. Все вполне в духе дарвиновских наблюдений за эволюцией замкнутой экосистемы.

И вот еще одна ободряющая новость: сам по себе технический прогресс не хорош и не плох. Он может и будет иметь огромное значение для

трансформации нашего противоестественного конвейера в экономику замкнутого цикла. Технологии нужны нам для перехода к полностью возобновляемой энергетике и к устойчивому транспорту. Только сначала нужно последовательно переориентировать наш идеал прогресса с мультиплицирования денег на эти цели. Иначе цель и средства снова с легкостью меняются местами. И мы как зачарованные не можем оторваться от спидометра, совершенно забыв, куда едем и сколько топлива осталось в бензобаке.

Технический прогресс — это видимый признак движения человеческого общества вперед. Но пока мы не продумаем, как вписать технологии в окружающий мир и общество, мы не поймем, куда он нас ведет. Для нормального существования в новой реальности нам следует изменить свои представления о прогрессе, иначе мы лишь отложим решение проблемы на будущее.

Потребление

Слишком много людей тратят деньги, которые не заработали, на покупку вещей, которые им не нужны, ради того, чтобы произвести впечатление на тех, кто им не нравится.

Роберт Куиллен, юморист

Одна из самых знаменитых научно-популярных книг последних лет — «Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни»¹ Мари Кондо. Сборник советов, давно ставший бестселлером на родине автора, переведен на 40 языков и опубликован миллионными тиражами по всему миру, прежде всего в западных индустриальных странах. Очевидно, на руководство по правильной организации быта есть спрос. Что неудивительно, ведь чтобы у человека возникли проблемы с уборкой жилья, он должен очень много всего накопить. Методы, предлагаемые Кондо, основываются на понимании такого простого факта, что невозможно навести настоящий порядок, если у тебя избыток вещей. В Японии, где люди не имеют возможности осваивать новые территории, жилое пространство ценится очень дорого, и поэтому мысль писательницы особенно близка тамошним жителям.

Она рекомендует не прибирать комнату за комнатой, а распределить все вещи по категориям — одежда, книги, документы, мелочи или предметы, с которыми связаны воспоминания, — сложить их в кучи, а затем сортировать в зависимости от того, вызывают ли они у хозяина радость. «Делает ли эта вещь меня счастливым, когда я держу ее в руках?»

Если нет — с ней надо расстаться.

Сегодня Кондо пропагандирует свою методику не только с помощью публикаций: она также ведет курс для тех, кто хочет овладеть искусством уборки, а в последнее время выпускает на Netflix собственные передачи, в которых помогает заваленным вещами американцам освободить их

битком набитые и служащие доказательством благосостояния шкафы, кухни, гостевые комнаты и гаражи. Кстати сказать, тех, кого она обучает расставаться со своим добром, вовсе нельзя назвать ужасающими скопидомами. И все они в конце концов чувствуют невероятное облегчение, когда мусорщики увозят горы набитых мешков.

Помните парадокс Истерлина, показавший, что люди, достигшие определенного уровня благополучия, уже не становятся счастливее от того, что приумножают свое имущество?

Можно сказать, что Мари Кондо создала его экранизацию.

Но тот вопрос, который сразу же возник у меня, как у исследовательницы устойчивой экономики, в ее программе, конечно же, не поднимается: а что, если бы люди и не покупали все эти вещи? Если бы их вообще не произвели? Ведь тогда горы набитых мусором мешков были бы намного меньше.

В отношении того, как же человечеству перейти к устойчивой экономике, не нарушающей планетарные границы, обычно высказываются два предложения. Одно из них нам уже известно — это так называемый простой разрыв взаимосвязи, при котором предполагается с помощью инноваций и технического прогресса сократить потребление природных ресурсов, не снижая при этом общий уровень благосостояния, и — вряд ли вы удивитесь — этот вариант нравится всем больше. Но, как свидетельствует эффект рикошета, таким способом человечеству пока, увы, не удалось добиться своей цели. Между тем обратный эффект сказывается на таких человеческих ресурсах, как время, внимание и деньги.

Не меньшее значение, чем те, кто делает предложение, имеет и сторона спроса, то есть потребители. Второй путь к устойчивой экономике начинается как раз с них: если сохранение, не говоря уж о регенерации, природы несовместимо с постоянным экономическим ростом, следует понизить уровень материального благосостояния. Такой вариант, конечно же, менее популярен, потому что в данном случае людям придется обходиться меньшим и от многого отказаться.

Мы уже видели в главе, посвященной природе, что ущерб, наносимый окружающей среде в результате производства или использования какого-либо продукта, не учитывается ни в каких экономических расчетах. То, что мы платим за вещь или услугу, не отражает их реальной стоимости. Это принципиальная финансовая ошибка, на которую постоянно указывают критики концепции ВВП. Тем не менее эта уловка остается самым верным способом искусственного удешевления стоимости товара. Издержки, возникающие в процессе изготовления или потребления, просто переносятся на других людей, которые не могут от этого защититься, потому что у них нет ни власти, ни голоса.

Вот, например, перелет из Франкфурта в Нью-Йорк и обратно.

Цена билета, в зависимости от сезона, обычно не превышает 300 евро. В нее, помимо всего прочего, включена плата за топливо, необходимое для доставки пассажиров. А вот стоимость удаления из атмосферы углекислого газа, который образуется в результате этого полета, — нет. Авиакомпания не включает эти затраты в цену билета, не делает этого и поставщик керосина. Пассажиры тоже воспринимают как нечто само собой разумеющееся тот факт, что в атмосферу попадет еще по 3,5 т CO₂ на каждого, кто летит этим рейсом.

Термин «внешние издержки» абсолютно некорректен. По отношению к чему они внешние, скажите, пожалуйста?

По всей видимости, к нашей ответственности — они вне ее. Мы обращаемся с атмосферой как с мусорной ямой, самыми разными способами спускаем в нее парниковые газы и при этом пытаемся всеми силами увильнуть от обязанности прибраться за собой. За это расплачиваются островные государства, которые попросту уходят под воду. Или менее обеспеченные люди, не имеющие возможности приспособиться к изменениям климата: они не могут позволить себе заново отстроить свои дома и засеять поля, уничтоженные ураганами, или переселиться в безопасные места. А еще за это будут отвечать наши дети или внуки. Им придется жить в том мире, какой мы им оставим.

Такое уклонение от ответственности получило название экстернализации.

Социолог Стефан Лессенич в своей книге «После нас хоть потоп» (Neben uns die Sintflut) объясняет, что тяжелую расплату за благосостояние западного мира мы по большей части перекладываем на других. И нас либо совершенно не интересует, сколько так еще сможет продолжаться, либо мы сознательно закрываем глаза на эту проблему. Это искусственная реальность, о которой я уже говорила. Лессенич называет такое общество экстернализированным.

«Мы не просто живем не по средствам, — пишет он, — мы живем не по средствам других людей» [32].

Мы откармливаем наших мясных коров соей, которая у нас не растет. Вывозим ее из Южной Америки, где ради выращивания сои уничтожаются влажные тропические леса и луга — чтобы мы в Германии могли иметь больше мяса, чем нам требуется, и дешево продавать его на экспорт, лишая, таким образом, южноамериканских крестьян возможности разводить скот, потому что у них нет доступа к такому количеству дешевой сои.

Преимущества в издержках производства, получаемые благодаря вреду, наносимому в одном месте, влекут за собой ущерб в другом — за границей. Причины и следствия разорваны и распределены по всему земному шару.

Другой пример — биотопливо, с помощью которого Европа в последние годы пыталась уменьшить роль транспорта в изменении климата.

Углекислый газ, выделяемый в результате сжигания биотоплива, может перерабатываться растениями, необходимыми для производства последнего. Теоретически перед нами устойчивый круговорот. Но потребность ЕС в горючем намного превышает то количество рапса и подсолнечника, которое здесь можно вырастить на доступных территориях, а значит, биотопливо надо импортировать из других частей света. Вы уже догадываетесь, к чему я веду: в Юго-Восточной Азии вырубают джунгли, чтобы разбивать на освободившемся месте пальмовые плантации, дающие сырье для производства пальмового масла, нужного европейцам для создания биоэнергии. Для этого выжигают леса, что высвобождает огромное количество углекислого газа, который был накоплен деревьями или почвой, — но это нам легко экстернализировать⁸.

Мы-то, к счастью, далеко от этого. Мы с гордостью сообщаем о стабильной или даже увеличивающейся площади лесов в Германии. Правда, к сожалению, все эти гектары однородных посадок не поддерживают биоразнообразие. И устойчивостью к климатическим изменениям такие леса тоже похвастаться не могут — это показали два последних жарких лета. И все же мы снова и снова слышим, что жителям бедных стран нужно учиться лучше обращаться с окружающей средой.

Интересно, что экономическая наука считает возможным решить и эту проблему с помощью экономического роста. Так называемая кривая Кузнецца, носящая имя нобелевского лауреата Саймона Смита Кузнецца, основана на предположении, что при росте экономики неравенство доходов в обществе сначала резко возрастает, но после определенной точки снижается: сначала у всех примерно поровну, потом много становится у единиц, а еще погодя — у всех.

Идею о «просачивании благ сверху вниз», с которой мы уже познакомились, когда речь шла об экономическом росте, приспособили и к проблеме экологической устойчивости. Догадываетесь как? Точно. Вот так: уровень загрязнения окружающей среды падает пропорционально росту дохода на душу населения.

Иными словами, чем богаче становится общество, тем более оно заинтересовано в чистой окружающей среде и тем больше средств использует для создания соответствующей инфраструктуры.

Да неужели?

Если рассматривать отдельный сбор мусора в Германии в отрыве от всего остального, то можно подумать, что все так и есть, поскольку для создания системы переработки, которая кажется самой эффективной в мире, безусловно, требуется достаточный уровень благосостояния. По некоторым оценкам ее использование обходится примерно в миллиард евро в год. Не считая времени, которое уходит на то, чтобы сортировать отходы так добросовестно, как делают жители Германии.

Что же, это пример успешного решения?

Ну как сказать. Во-первых, немцы производят больше мусора на душу населения, чем почти все остальные европейцы — за исключением датчан, люксембуржцев и киприотов. Но не весь немецкий мусор остается в стране. Утилизация отходов в Германии — экспортная отрасль. По данным исследования, проведенного Университетом прикладных наук Вюрцбург-Швайнфурт, в 2018 году в пересчете на тонны из страны было вывезено больше мусора, чем машин. Пятая часть наших пластиковых отходов отправляется за границу, в основном в Азию, в такие страны, как Малайзия, Индия или Вьетнам, где часть из них вторично используют, а остальное оказывается на свалках, в реках или в море. Каждый день 175 сломанных телевизоров отбывают из Германии в Африку — в Гану, Нигерию или Камерун, где их разбирают на части и те детали, которые невозможно перепродать, выбрасывают [33].

Видите как: мы не приносим меньше вреда окружающей среде из-за того, что стали богаче. Наоборот. Мы, разумеется, защищаем нашу собственную природу с помощью строгих правил и используем систему переработки мусора, которая со стороны кажется весьма прогрессивной. Но почти никогда не интересуемся, как там наш балансовый отчет — включает все издержки? Мы отдаем на аутсорсинг то, что нам неудобно, и прибираем к рукам то, что нам выгодно. И это касается всей Европы — части света, которая крайне нуждается в том, чтобы эксплуатировать земли других стран. Так называемый экологический след Евросоюза занимает внушительные 640 млн га, которые необходимы для обеспечения нашего образа жизни. Это примерно в полтора раза больше, чем площадь всех 28 государств, входящих в ЕС. Без Великобритании станет на 80 млн га меньше — примерно столько требуется одной Германии [34]. В то же время импортеры продукции, выращиваемой на этих землях, обычно заинтересованы прежде всего в низких ценах и куда меньше в том, чтобы сохранять устойчивую урожайность этих почв на долгосрочную перспективу. Наше благополучие и богатство, то есть наше привилегированное положение на рынке — вот что дает нам возможность так себя вести.

Все это и есть экстернализация.

Если рассматривать кривую Кузнецца отдельно по странам, то она нередко проявляется в том, что уровень жизни населения растет, а загрязнение воды и воздуха снижается. Конечно, за исключением тех случаев, когда объемами выбросов манипулируют. Однако при попытке оценить ситуацию в глобальном контексте — а большинство экологических проблем, с которыми мы сталкиваемся, существуют в нем, — знак равенства между процветанием и заботой об окружающей среде только загоразживает нам обзор. В результате мы не стремимся к сокращению потребления и не требуем учета экологических издержек, что могло бы помочь достижению этой цели. Потому что это означало бы признание необходимости запретов и самоограничения. Самоограничение — одно это слово выводит многих людей из себя.

А что оно вообще значит?

В нормальной ситуации ограничить себя можно только в чем-то, на что имеешь право. Благополучие западного мира, на уровень которого ориентируются развивающиеся страны, вообще не должно было возникнуть, если бы мы следовали правилам устойчивого развития.

Поэтому самоограничение в богатых странах — с их похожими на танки статусными внедорожниками и сборниками советов по решительному избавлению от хлама — это ни больше и ни меньше как отказ от разрушения нашей планеты и сохранение основ существования в будущем.

Это, конечно, громко сказано.

Нельзя ли подойти к этому как-то попроще?

Увы, нет.

Давайте подойдем с другой стороны: что нам обязательно нужно для того, чтобы мы могли считать себя хорошо обеспеченными?

Безопасность снабжения — под этим мы подразумеваем гарантированное и бесперебойное удовлетворение базовых потребностей человека: в еде, питьевой воде, жилище, энергии, медицинском обслуживании и образовании. Наши представления о том, что эти базовые нужды включают в себя, в течение прошедшего столетия все расширялись, а в последние несколько десятилетий совсем вышли из берегов. В пылу технического прогресса и погоне за сверхъестественными экономическими индикаторами был совершенно упущен из виду «парадокс обеспеченности»: если все родители стремятся к тому, чтобы дать детям все самое лучшее, но в какой-то момент перепутали лучшее с большим, в результате всем детям достанется худшее. Гарантированное удовлетворение потребностей растущего населения на ограниченной планете не может означать рост потребления.

Поэтому когда противники самоограничения спрашивают, как мы будем обходиться, что уменьшит боль от потерь, ответ может быть таким: мы инвестируем в мир и в уверенность в обеспечении своих нужд послезавтра. А представьте себе, что когда-нибудь африканские, латиноамериканские и азиатские страны откажутся экспортировать нам свое сырье и решат использовать свои земли для самих себя?

Для разрешения «парадокса обеспеченности» первым шагом могла бы стать корректировка экономических подсчетов и, соответственно, цен. Цены на многие товары должны вырасти — настолько, чтобы отражать все реальные затраты, связанные с их производством, транспортировкой и переработкой отходов. Учет выбросов углекислого газа при ценообразовании — это попытка двигаться в правильном направлении. Цены должны не только влиять на те решения, которые вы принимаете как потребитель, но еще и формировать преимущества в издержках для

тех инноваций, которые не создают выбросов парниковых газов. Другими словами, при формировании цен должен учитываться экологический ущерб, что приблизит нас к более объективному представлению о создании ценности. В этом могла бы помочь цифровая революция: приборы, отслеживающие CO₂, или электронная маркировка отдельных видов сырья и компонентов продукции увеличат шансы на то, чтобы рынок был способен надежно и бесперебойно удовлетворять наши потребности в будущем.

Конечно, непросто сохранять ясную голову, выбирая между «больше» и «меньше». В конце концов, мы привыкли, что вещей в нашем распоряжении все больше и больше. Лучшим символом такого отношения является смартфон: музыка, фильмы, знания, контакты, товары — все в одном девайсе, чьи вычислительные способности в 120 млн раз превышают мощность бортовых компьютеров «Аполлона-11», который 50 лет назад совершил посадку на Луну.

Социолог Хартмут Роза в одной из своих лекций назвал это непрерывным стремлением к «расширению мирового присутствия» [35]. Наше современное общество ориентировано на то, чтобы постоянно пытаться в настоящем превзойти прошлое. Мы все время ощущаем потребность в росте — не только в технологической и экономической областях, но также в социальной и пространственной сферах. Каждая мода, каждая работа, каждое удовольствие, каждый отпуск должны завтра отличаться от вчерашних. А экономика внимания с помощью рекламы, саморепрезентации и захлестывающего нас потока информации добивается того, чтобы сроки истечения годности становились все короче.

Нам предоставляется все больше вещей и возможностей, причем каждая из них — в новых и новых разновидностях. Мы просто перегружены ими, как показал несколько лет назад эксперимент, проведенный двумя американскими психологами. Они установили в одном калифорнийском магазине деликатесов два столика и предлагали посетителям джем: на одном столике шесть разных сортов, на другом — 24. Вряд ли кого-то удивит, что столик, на котором ассортимент был шире, привлек больше посетителей, хотя в итоге они купили меньше, чем у того столика, где было только шесть разновидностей. Там людям предоставили узкий выбор, но им явно было легче принять решение. Радость от принятия решения не вырастает автоматически с увеличением возможных вариантов. Психолог Барри Шварц называет это «парадоксом выбора» [36].

Но на самом деле все еще запутаннее.

Подумайте, действительно ли ухудшится качество вашей жизни, если вы откажетесь от части разнообразия при покупках? К счастью, по этому поводу тоже существуют многочисленные исследования, и все они говорят об одном и том же: больше — не обязательно лучше. Расширение

выбора не только приносит удовлетворение, но еще и вызывает беспокойство.

Но ведь тот конвейер, который превращает природу в благосостояние, приводится в действие не только нашим желанием получить больше, но и нашим страхом иметь меньше. Меньше, чем было у наших предков, меньше, чем у соседей, меньше, чем у людей, к чьему кругу мы хотим принадлежать, — именно этот страх и мешает нам поделиться с другими и ограничить себя. И чем сильнее в нашей культуре представление об успехе отождествляется с обладанием все большим количеством материальных благ — и прежде всего большим, чем у других, — тем быстрее движется лента конвейера.

Американский психолог Тим Кассер изучил последствия тотальной коммерциализации общества [37]. Исследуя влияние материалистического отношения к жизни на наше благополучие и самооценку, он выяснил, что материализм является одновременно и проявлением, и причиной нашей неуверенности и неудовлетворенности. Это происходит потому, что он апеллирует в первую очередь к сторонним, то есть поступающим извне, мотивациям и утверждениям. Тогда цена вещи или размер привлеченного мной внимания (слава, лайки, клики) отражают мою внутреннюю ценность. Как уже установила Марианна Маццукато в отношении товаров и услуг, такое понимание ценности ведет к утрате представления о том, кто является ценным членом общества. Что, если мы потеряем свою значимую работу или лишимся большого дома или же наши фолловеры неожиданно решат, что мы скучны? Вот уже наша самооценка под угрозой.

Кассер выяснил, что по мере укрепления материальной ориентации растет напряженность людей, их неуверенность, склонность к депрессиям.

Об этом же говорит юрист, педагог и многолетний президент Гарвардского университета Дерек Бок в своей книге «Политика счастья: Что правительство может извлечь из новых исследований благополучия» (The Politics of Happiness: What Government can Learn from the New Research on Well-Being): «Психологи предостерегают, что стремление к богатству связано со значительным риском того, что человек может в результате оказаться несчастным и разочарованным» [38].

Что бы сказал об этом Иеремия Бентам?

Он бы рвал на себе волосы. Потому что, сведя утилитаризм к росту потребления, экономисты объявили этот путь естественным и бесконечным, даже если не всегда делаемым нас счастливыми.

Всегда счастливыми?

Это невозможно.

Ведь люди — не механические, а биологические системы. Наш мозг занят постоянной адаптацией. Он просто не справился бы со слишком большим количеством гормонов счастья ни за один присест, ни в течение длительного времени. Живые системы — такие, как человек или природа, — нуждаются в регенеративных периодах, после которых они расцветают. Именно поэтому исследование счастья измеряет наши ощущения не кривой в виде постоянно задирающейся наверх хоккейной клюшки, а с помощью шкалы от 1 до 10.

И все равно все наши системы поощрения, организационные структуры, политические программы, финансовые рынки и экономические индикаторы преследуют одну цель: получить больше. И в результате оказывается все сложнее преодолевать условия, в которых развивается эта особая форма несчастья.

И тут мы переходим ко второму пункту, установленному Кассером.

Социальные и экологические ценности взаимодействуют с материалистическими ценностями как качели. Если одни усиливаются, другие угасают. Когда в культуре доминирует Homo oeconomicus, все в жизни людей вращается вокруг статуса, власти и денег. Одновременно ослабевают сострадание, великодушие и экологическая сознательность, а вопрос о достаточности и благополучии целого вытесняется из мировоззрения. Когда в «я» становится все меньше «мы», проблемы охватывают все общество. Но в исследовании Кассера есть и хорошие новости: качели ценностей раскачиваются в обоих направлениях. Как только социальные и экологические ценности начинают выходить на первый план, значение материальных падает. И тогда конвейерная лента может замедлить ход. Армин Фальк, специалист по поведенческой экономике из Боннского университета, предложил следующий категорический императив для эпохи климатических перемен: «Потребляй столько, сколько бы ты хотел, чтобы потребляли другие» [39].

Теперь все кажется простым, правда?

Тот, кто меньше покупает, замедляет реализацию товаров. А это, как вы помните, при нынешней структуре инвестирования, налогообложения и рефинансирования порождает рецессию. Поэтому мы должны помнить о своей роли не только как потребителей, но и как граждан. Нам нужны политические перемены, в результате которых мы перестанем воспринимать устойчивость как возможный побочный продукт экономического роста, а прямо поставим перед собой цель достигнуть устойчивого потребления, производства и капиталовложения. Хотите краткую и четкую формулу? Она существует, и вам доводилось ее слышать. Она звучит следующим образом: рост — это средство, а не абсолютная цель.

Выберемся из парадокса Истерлина, парадокса Джевонса и «парадокса обеспеченности». И войдем в новый общественный договор,

направленный на обеспечение высокого уровня жизни при ничтожно малом экологическом следе. Это возможно.

Вещизм богатых западных стран возможен только за счет экстернализации издержек. Он не приносит счастья, потому что делает мерилом нашей самооценки собственность и статус. Социальная роль потребления и его характер должны измениться — это важный фактор, способствующий достижению устойчивости. Нам следует сосредоточить внимание на том, чтобы объединить социальные и экологические цели.

Рынок, государство и общее благо

Комплексный подход показывает, что экономика, как сад, никогда не находится в идеальном равновесии или стагнации, она всегда одновременно и растет, и увядает. И точно так же как заброшенный сад, экономика, предоставленная самой себе, будет развиваться в направлении нездорового неравенства.

Эрик Лю и Ник Ханауэр, экономисты

Итака — маленький городок в американском штате Нью-Йорк, известный своим университетом, откуда вышли многие нобелевские лауреаты. До середины 1950-х годов надежнее и дешевле всего добираться туда было поездом. Конечно, существовали и дороги, по которым можно было доехать на автобусе и автомобиле, а кроме того, в Итаке был и свой собственный аэропорт. Однако железнодорожное сообщение осуществлялось круглый год, независимо от погоды. Позже, во второй половине столетия, все больше людей уже могли позволить себе приобрести машину. Теперь они садились на поезд только в том случае, если дороги были покрыты льдом и снегом и другим транспортом попасть в город было нельзя. В конце 1950-х железнодорожная компания прекратила пассажирские перевозки в Итаку. Они были признаны экономически невыгодными.

Через несколько лет экономист Альфред Кан, который в то время преподавал в Корнеллском университете, написал эссе о судьбе этой железнодорожной ветки. Название его статьи стало крылатым выражением для обозначения процессов, которые приводят к результатам, изначально не являвшимся ни желательными, ни оптимальными: «тирания малых решений».

Все те, кто добирался до Итаки не на поезде, а на машине, автобусе или самолете, исходя из своих личных интересов действовали вполне резонно, но, сами того не осознавая, они запустили ход событий, закончившийся исчезновением железной дороги. Отдельные разумные решения в сумме дали эффект, который не был никем запланирован.

Как это могло произойти? Как же получилось, что свободный рынок, который всегда предоставляет всем максимальные преимущества, при

условии, что каждый поступает исходя из рациональных решений, направленных на извлечение максимальной для себя пользы, в данном случае, когда каждый думал только о себе, — создал всем неудобство?

А вообще, может ли рыночная экономика дать сбой?

Суть вопроса в следующем: если производители свободны производить что хотят и могут, а потребители — потреблять что хотят и могут, означает ли это, что создаются и распределяются те блага, которые нужны обществу? То есть в определенном смысле рынок играет роль центрального координатора? Тогда почему у него плохо получается? Неудивительно, что дискуссии о том, в чем же заключаются задачи государства в отношении рынка, велись, ведутся и будут вестись еще долго.

После распада социалистической системы казалось, что ответы на важнейшие вопросы о том, как добиться правосудия, равноправия, участия общественности в принятии решений и что для этого должно делать государство, уже найдены. Политика отыграла свою роль направляющей силы, и государство превратилось в ночного сторожа, отвечающего только за безопасность. Американский политолог Фрэнсис Фукуяма уже заявил о «конце истории», в 1989 году был сформулирован Вашингтонский консенсус о пользе экономической глобализации, а в 1994 году основана Всемирная торговая организация (ВТО).

Всего несколько лет спустя в мексиканском Канкуне я вместе с сотнями других демонстрантов стояла перед заграждениями, за которыми на конференции ВТО встретились министры 146 стран, чтобы, в частности, обсудить последствия глобализации для торговли сельскохозяйственной продукцией. В качестве представителя Союза охраны окружающей среды и природы Германии я приехала, чтобы выразить свой протест, потому что, как и многие другие, видела, что глобализация в том виде, в каком она до сих пор осуществлялась, наносила большой ущерб окружающей среде. Она была весьма полезна большим корпорациям из северной части мира, но губительна для мелких производителей. Жители Юга ощущали вред куда сильнее, чем фермеры Севера, которых поддерживали субсидии. Во время самого массового из сопровождавших конференцию протестов всего в нескольких метрах от меня один из демонстрантов залез на ограждение и на глазах у всех воткнул себе в грудь нож.

Мы все испытали шок.

Как я позже узнала, этого человека звали Ли Кён-хэ, он был 56-летним фермером из Южной Кореи, где его считали кем-то вроде гуру устойчивого сельского хозяйства. На своей образцовой ферме он разводил в основном крупный рогатый скот и преподавал студентам дружественное природе животноводство, пока южнокорейское правительство не открыло границы для импорта говядины и рынок не оказался завален дешевым австралийским мясом. С ним Ли Кён-хэ конкурировать не мог. Банк забрал его ферму и землю — как и у многих

других его соотечественников. Ли Кён-хэ снова и снова пытался привлечь внимание к происходящему, и вот он приехал в Мексику, чтобы ухватиться за то, что казалось ему последней возможностью продемонстрировать последствия такой политики.

И что же произошло?

Что эта история может рассказать о нашей современной жизни, о взаимосвязи государства, рынка и общего блага?

За те 30 лет, что прошли после распада Советского Союза, мир изменился сильнее, чем когда-либо раньше. Для достижения стратегических целей глобализации национальное законодательство многих стран подверглось изменениям, и были созданы новые международные механизмы обеспечения безопасности для инвестиций и транзакций. Возникли глобальные цепочки создания ценности, которыми управляет горстка гигантских концернов. Например, сейчас в сфере торговли сельхозпродукцией пять компаний контролируют около 70% импорта и экспорта [40]. Рыночная стоимость этой пятерки превышает ВВП многих стран [41]. Больше всего стоят цифровые корпорации, которым особенно легко перенести свой административный центр туда, где их ждут самые благоприятные условия — не только удобная инфраструктура, но прежде всего низкие налоги и высокие субсидии. Мы уже отмечали это в главе «Люди и поведение»: конкурентоспособность, которая сначала воспринималась как инструмент сравнения фирм между собой, теперь используется ими для оценки стран. Компании, которые могут себе это позволить, сравнивают трудовые нормы, социальные отчисления, нормативные акты и экологические стандарты, имеющиеся в разных концах света. Теперь есть юридические фирмы, специализирующиеся на подаче от имени частных компаний жалоб на государственную экологическую или социальную политику, которая мешает им получать доход, запланированный при принятии инвестиционных решений.

Олигополисты — лидеры рынка, разделившие с несколькими немногими конкурентами сферу предложения, — действуют в международных масштабах, а государства вынуждены ограничиваться национальным уровнем и защищать разместившиеся в них корпорации, ибо не могут позволить себе потерпеть крах. Они «слишком велики, чтобы разориться». В последний раз в этом можно было убедиться в 2008 году, когда во время финансового кризиса крупные банки спасали за счет миллионов налогоплательщиков, потому что в противном случае обрушилась бы вся глобальная финансовая система. Тирания малых решений превратилась в тиранию больших игроков.

Как могло государство, которое в идеале является представителем интересов своих граждан и гарантом общего блага, занять такую оборонительную позицию?

При изучении того, как рынки создают баланс между спросом и предложением, в основных современных политэкономических моделях

учитываются только два участника: производители, то есть компании, и потребители, то есть домохозяйства. Государство здесь вообще не фигурирует — или же только как покупатель. А между тем правила и стимулы, с помощью которых государство организует или может организовать производство товаров и услуг, оказывают на предложение по меньшей мере такое же сильное влияние, как и спрос. Удивительно, но эта урезанная картина формирует и текущую политическую дискуссию о том, кто и как уполномочен действовать. В этих обсуждениях постоянно всплывают три утверждения, которые в действительности представляют собой всего лишь предположения или даже предрассудки.

Вот они:

Государственное регулирование (которое также называют регуляторной политикой) сдерживает внедрение инноваций, а значит, и прогресс.

Рынок и частные предприятия всегда находят лучшие решения, чем государство, и поэтому их деятельность нельзя ограничивать.

Запреты ограничивают свободу участников рынка, в частности потребителей.

Давайте рассмотрим эти допущения по порядку.

Мариана Маццукато, о которой мы уже говорили в связи с историей идей, лежащих в основе понятия ценности, несколько лет назад в своей удивительной книге «Государство-предприниматель: Развенчание мифов о противостоянии государственного и частного секторов» (The Entrepreneurial State: Debunking public vs. private sector myths) изучила взаимосвязь между государством и рынком в области значимых инноваций. Автор показала на примере Apple, одной из самых дорогих компаний в мире, что многие технологии, на которых основывается успех ее важнейшего продукта, айфона, — интернет, GPS, сенсорный экран, мощный аккумулятор или голосовая система Siri, — появились в результате фундаментальных исследований, проведенных на государственные средства. Легендарный глава компании Стив Джобс мог быть гением маркетинга, а его сотрудники — титанами дизайна. Но в сфере технологий они прежде всего просто объединили те вещи, которые уже существовали, потому что государство активно поддерживало их создание. «Отважный инициатор нововведений» — вот как Маццукато называет государство.

«Большинство радикальных новшеств, способствовавших развитию капитализма, — пишет она, ссылаясь на железные дороги, полеты в космос, атомные электростанции, компьютеры, интернет, нанотехнологии или фармацевтические разработки, — самые первые, самые смелые, самые капиталоемкие инвестиции получало от государства» [42].

Критики этой идеи могут возразить, что обычно двигателем служат интересы военной промышленности. Но это не меняет вышеупомянутого вывода о роли государства в крупных технологических инновациях.

Корпорации вроде Apple предпочитают не упоминать о том, что их фантастический экономический успех достигнут благодаря государственной поддержке, и еще меньше они хотят признавать тот факт, что уже по одной этой причине они обязаны платить государству налоги по крайней мере в таких объемах, в каких оно требует.

По оценке британской организации Fair Tax Mark, большая шестерка Кремниевой долины — Apple, Amazon, Facebook, Google, Microsoft и Netflix — в период с 2010 по 2019 год уклонилась от уплаты налогов на общую сумму примерно 100 млрд долларов [43]. Одной только компании Amazon в 2018 году, заработавшей более 11 млрд долларов, удалось получить в США налоговый вычет размером 120 млн долларов. Многие годы ставка, по которой фирма платила налоги, составляла около 3% [44].

Такие компании, как Airbnb, часто используют в своей бизнес-модели финансовые структуры, не принимая на себя никакой части ответственности за их поддержание. Человеку, живущему в привлекательном для туристов городе, особенно если туда можно добраться с помощью бюджетной авиакомпании, может сначала показаться хорошей идея сдавать свое жилье приезжим через эту платформу. Может быть, даже арендовать или купить для этого еще одну квартиру. А потом оказывается, что этот бизнес привлек слишком многих, а в любимых районах уже почти нет местных, потому что им теперь не по карману жить там. И вот уже в этих кварталах нет ничего аутентичного, кроме фасадов, и туристы почему-то перестают стремиться туда.

В этом проблема тирании малых решений: для нее не существует никакой вышестоящей инстанции, которая бы со своего более широкого обзора проверяла, приводит ли на самом деле совокупность отдельных интересов к всеобщей пользе. Той инстанции, которая ставила бы благополучие группы выше возможностей ее отдельных членов, стремящихся к максимизации собственной выгоды. И которая в долгосрочной перспективе в большинстве случаев все равно защищает благополучие каждого. Это-то и называется гарантией общего блага — она требует дальновидности и является первоочередной задачей государства.

«Легко можно себе представить спонтанно возникающий порядок, в котором люди словно невидимой рукой подталкиваются к извращенным и неприятным результатам, — пишет профессор Карен Вон, которая преподает в Университете Джорджа Мейсона в рамках программы имени Фридриха фон Хайека, что само по себе говорит о том, что ее нельзя заподозрить во враждебности к свободному рынку. — Востребованность порядка, возникающего как непредвиденное последствие человеческой

деятельности, в конечном счете зависит от того, какие правила и институты определяют эту деятельность, а также от реально существующих альтернатив».

Джон Мейнард Кейнс пришел к следующему заключению о роли государства: «Важнейшими обязанностями государства являются не те формы деятельности, которые уже выполняют частные лица, а те функции и решения, которые не возьмет на себя никто, кроме государства» [45].

Кроме того, он считал, что государственное вмешательство в рыночную экономику должно быть не исключением из правил, а нормальным состоянием, с помощью которого поддерживается баланс между спросом и предложением. И не только на рынке товаров и услуг, но и на рынке труда, валютном рынке, в соотношении экспорта и импорта или определении объема денежной массы. А также, добавлю я, в том случае, когда природа или будущие поколения не могут сами справиться с чрезмерной эксплуатацией и с причиняемым им ущербом.

Вопрос в следующем: понимает ли это сегодня государство?

А если да, готово ли оно заниматься этим?

Давайте рассмотрим наглядный пример из повседневной жизни: возврат онлайн-покупки.

Исследовательская группа из Бамбергского университета подсчитала [46], что в 2018 году немцы отменяли каждый шестой заказ [47], сделанный в интернет-магазине: полученная вещь не соответствовала ожиданиям, не подошел размер, нашли тот же товар дешевле или просто хотели сначала посмотреть на него. За год количество возвращенных посылок составило 280 млн. По мнению 139 опрошенных продавцов, сбор в размере до 3 евро за каждый возврат дал бы возможность сократить их количество до 80 млн. Только за счет сэкономленного таким образом топлива можно было бы избежать выброса в атмосферу 40 000 т углекислого газа — примерно столько выдыхают в течение года 4000 жителей Германии. Небольшая плата сделала бы их абсолютно климатически нейтральными. Некоторые продавцы уже ввели такой сбор — в основном мелкие или средние фирмы. Они не фиксируют почти никакого снижения товарооборота. Ни в одной из них не упала прибыль, потому что затраты на возврат товаров сегодня не так уж велики. Большинство из опрошенных мелких и средних коммерсантов с удовольствием ввели бы пеню за возвращение товара, но опасаются оказаться в невыгодном положении по отношению к конкурентам. Рынок сам по себе не сможет решить этот вопрос. В данном случае необходимо государственное регулирование.

Крупные торговые площадки, такие как Amazon или Zalando, возможно, не поддержат эту идею, потому что им удобнее смириться с большими объемами отказов, но зато тем самым затруднить мелким продавцам выход на рынок.

Людам, которые любят делать покупки онлайн, и, соответственно, чаще возвращают их, это тоже может не понравиться, потому что тогда придется гораздо больше думать, проверять и сравнивать прежде, чем сделать заказ.

Но это не отменяет целесообразности такой платы. Она служит охране окружающей среды, ее поддерживают большинство торговцев, и она не ставит никого конкретно в невыгодное положение, потому что применима ко всем. Государству остается только принять решение и ввести ее. Потому что кроме него — именно это имел в виду Кейнс — некому.

А знаете, кто это понял? Франклин Рузвельт, президент США, который в 1933 году начал проводить политику «Нового курса», направленную на преодоление тяжелого экономического кризиса. В своем обращении к нации он сказал: «10% нечестных производят товары так дешево, что честные 90% вынуждены принимать нечестные условия. И тут в игру вступает государство. Государство должно и будет иметь право, изучив и спланировав развитие отрасли и получив поддержку подавляющего большинства производителей в этой отрасли, запретить бесчестную практику и использовать свою власть для того, чтобы обеспечить выполнение этого запрета» [48].

Интересно, не правда ли? Государство и участники рынка выступают как единая команда, чтобы выработать четкие правила, подталкивающие развитие отрасли в правильном направлении.

В классической экономической теории государства и рынка политическая свобода и индивидуальная ответственность выступают рука об руку. Представители ордолиберализма сказали бы, что возможность принимать решения и необходимость нести за них ответственность неразрывно связаны. Наша Конституция гласит, что собственность налагает обязанности. Но в глобализованном, финансиализованном и цифровизованном современном мире эта зависимость становится все слабее. Специалист по экономической этике Томас Бешорнер в своей книге «В головокружительном обществе» (In schwindelerregender Gesellschaft: Gleichgewichtsstörungen der modernen Welt) называет это «дисбалансом современного мира», а положение, при котором государство и рынок больше не способны выполнять дополняющие друг друга роли, — «половинчатым либерализмом». По мнению Бешорнера, установление регулирующих рамок для деятельности рынка является не только экономической, но и этической задачей. Должны быть созданы стимулы для сдерживания поведения, направленного на удовлетворение собственных интересов, и поощрения деятельности, продиктованной нравственными соображениями [49].

Государство и рынок неразделимы. Нет никакого господина Рынка, который что-то от нас требует и которому мы должны подчиняться. Я с ним, во всяком случае, не знакома. А вы?

И все же половинчатый либерализм уже в течение многих лет перекладывает на плечи отдельных граждан задачу по предотвращению гибели планеты, и выполнять эту задачу они должны с помощью своих покупательских решений. Тот, кто хочет каким-то образом помочь сохранению окружающей среды, должен следовать принципам устойчивого потребления. Это ни больше ни меньше как приватизация защиты природы. Отличная идея для бизнеса, ведь теперь ответственным потребителям можно предлагать новые товары с соответствующими этикетками, которые успокоят их совесть. Удобно и политикам, потому что таким образом они избегают неприятных обязанностей — преодолевать сопротивление, налагать ограничения, а то и запрещать что-либо.

И как далеко мы уже зашли по этому пути?

Несмотря на то что число биомаркетов растет, а органические продукты теперь тоже продаются со скидками, их доля на продовольственном рынке в Германии пока что составляет меньше 10%. С экологически чистым мясом все обстоит еще печальнее, его доля составляет максимум 2%, а по отдельным сортам в большинстве случаев — около 1% [50].

То есть в одной из самых богатых индустриальных стран мира от силы 10% населения может позволить себе покупать органические продукты, а органическое мясо — и того меньше?

Я этому не верю.

Причина в том, что рынок сельскохозяйственной продукции в его сегодняшнем виде не только не поддерживает ответственное покупательское поведение, но даже осложняет его. Как мы уже видели в главе о поведении потребителей, цены на многие товары больше не отражают реальные затраты на их производство, — это касается и продуктов питания.

Догадываетесь, что это значит?

Вот именно.

Дело не в том, что продукты экологического земледелия и животноводства такие уж дорогие.

Это продукты, полученные промышленными методами интенсивного сельского хозяйства, слишком дешевы. А потребление мяса слишком велико. Для здоровья человека, животных и всей планеты — оно просто чрезмерно [51].

Знаете, что нам тут может помочь?

Реформа системы дотаций сельскому хозяйству. Это немедленно сократило бы разницу в ценах между «обычной» продукцией пищевого сектора и биопродуктами.

Как обычно, полезно взглянуть с другой точки зрения: потому что, хотя мы и не стали меньше есть, мы теперь меньше тратим на еду. Часть

бюджета немецкого домохозяйства, которая уходит на питание, за прошедшие 50 лет сократилась с 25 до 14%. И напротив, затраты на жилье с 1993 года выросли почти у всех, за исключением 20% населения, к которым относятся самые богатые: у них статья расходов на жилье уменьшилась на 9%. А у 20% на другом конце шкалы, самых бедных, — увеличилась с 27 до 39%. Это зависит от того, снимают люди жилье или оно им принадлежит: цены на аренду за последние 10 лет невероятно подскочили — при том, что нижняя планка доходов в реальном выражении за это же время очень сильно упала [52]. Прощай, эффект просачивания благ! Добро пожаловать в мир, где соотношение расходов людей обратно пропорционально. Кому-то не хватает на еду, а у кого-то деньги лежат мертвым грузом.

Выходит, органические продукты, выращенные с сохранением биоразнообразия, на здоровых почвах, с низкими выбросами CO₂ и без загрязнения грунтовых вод, слишком дороги? А жилье вообще скоро станет роскошью? Или, может быть, нам нужна новая сельскохозяйственная политика, другой уровень минимальной заработной платы и такая жилищная политика, которая сможет что-то противопоставить раздувающемуся с 2010 года пузырю цен на землю, аренду и покупку жилья? Где служащая общему благу финансовая политика, которая воздействовала бы на все эти три сферы одновременно? Вы же понимаете разницу между созданием ценности и амортизацией?

Поэтому, пожалуйста, еще раз задайтесь вопросом о том, из чего складываются денежная стоимость и цена. Это не просто сухие цифры. Любое превращение явления или предмета в число — это не что иное, как ценностное суждение. И каждое ценностное суждение определяет, на что мы обращаем наше внимание, на какие соображения опираемся при принятии решений, как оцениваем политику и ее справедливость — а политика всегда имеет отношение к формированию цен.

Поэтому вопрос не в том, следует ли создавать стимулы, вводить запреты и повышать цены или нет. Вопрос в том, какие из этих мер в новой реальности больше не функционируют или неверно сформулированы и поэтому мешают достижению столь важной цели, как устойчивый образ жизни. Рынок — это не свободное от ограничений пространство, он возник прежде всего благодаря определенным правилам. Эти правила устанавливают, какими свободами мы обладаем, а какими нет, что нам запрещено, а что нет, и какие инновации действительно возможны, а какие нет.

В противном случае крайне прибыльное рабство так и не было бы отменено, а право на восьмичасовой рабочий день и выходные оставалось бы несбыточной мечтой.

Американский лингвист Джордж Лакофф в своей книге «Чья свобода?» (Whose Freedom?: The Battle over America's Most Important Idea) заметил, что существует ведь не только свобода от, но еще и свобода на и что

история начиная с эпохи Просвещения может предложить различные примеры того, как эти свободы внедрялись именно вмешательством государства. Благодаря установленным государством правилам стали возможными свобода научного творчества и исследования, создание университетов, система здравоохранения, свобода слова, мысли и собраний, равенство всех граждан перед законом. Государственное регулирование создало многие свободы. Финансовый рынок тоже был бы немислим без государственного контроля и гарантий.

Почему вдруг кто-то должен отдавать вам свой дом в обмен на какие-то бумажки, на которых написано, что с вашего счета каждый месяц будут списываться несколько знаков?

Потому что государство не только карает за нарушение договора, но еще и гарантирует притязания на эти цифры.

Именно поэтому на банкнотах, выпускаемых Банком Англии, содержится определенная надпись. На пятифунтовой банкноте она гласит: «Я обязуюсь выплатить ее обладателю сумму в пять фунтов».

Все честно: признавая правила уличного движения, каждый человек принимает тот факт, что его свобода имеет определенные границы, которые начинаются там, где она угрожает свободе, безопасности и здоровью другого человека, и что для четкого определения рамок нашей свободы необходимо государственное регулирование.

Почему же на нашем пути к устойчивой экономике должно быть по-другому?

В 1968 году американский эколог Гаррет Хардин ввел термин «трагедия общественных ресурсов», то есть общих благ, объяснив его на примере общинного пастбища, где крестьяне пасут своих коров. Так как это пастбище не принадлежит никому в отдельности, то никого нельзя лишить права пользоваться им. Поэтому на нем позволяют пастись всем коровам столько, сколько они хотят, и они могут оставаться там столько, сколько хотят. Все ставят свою краткосрочную выгоду выше общей пользы. В результате происходит чрезмерный выпас, и травы начинают не хватать на всех. Хищническая эксплуатация каждым отдельным человеком в ущерб всем — это классический результат потребления ресурса в пространстве, свободном от правил, где каждый человек действует как *Homo oeconomicus*. С этой точки зрения скорее удивительно, когда рынку все-таки удается справляться со своими функциями: обычно он работает без сбоев только при классическом обмене товарами.

По крайней мере, относительно общего блага почти все экономисты считают, что чрезмерный вылов рыбы, избыточное удобрение полей или незаконная вырубка тропических лесов делают необходимыми государственное вмешательство и регулирование пользования. Самый актуальный и, возможно, самый важный пример — это использование

атмосферы Земли в качестве сточной канавы для выбросов углекислого газа.

Невозможно владеть частью атмосферы и точно так же невозможно лишить кого-то права пользоваться атмосферой. Углекислый газ, который выбрасывает в воздух каждый человек, каждая компания, каждая страна, усугубляет изменение климата, сказывающееся на всех. Государство как раз существует для того, чтобы принять превентивные меры и поднять цену на углекислый газ на такой уровень, который ограничивал бы, а через некоторое время вообще остановил бы бесчестную практику. Поэтому важно не только поддерживать честные компании. Сегодня нужен еще один «Новый курс», благодаря которому мы перестанем как загипнотизированные следить, не приводят ли какие-то отдельные мероприятия к повышению отдельных статей бюджета, а будем способны видеть в целом всю смету на создание фундамента хорошей жизни.

Когда наступает дефицит товаров, рынок всех проблем не решит. А государство не только ограничивает свободы, но часто еще и создает возможность для их реализации. Для того чтобы разрешить проблемы новой реальности, нам необходимо освободиться от половинчатого шаблонного мышления. Глобальный дефицит, то есть ограниченность имеющихся на нашей планете ресурсов, вынуждает найти глобальные же подходы, какой бы трудной ни казалась эта задача.

Справедливость

Мы много говорим о том, что надо больше отдавать. Но не говорим о том, что надо меньше брать. Мы много говорим о том, чего надо делать больше. Но не говорим о том, чего нам надо делать меньше.

Ананд Гиридрадас, журналист и писатель

Несколько лет назад специалисту по устойчивому туризму Стефану Гёсслингу пришла в голову мысль изучить, как знаменитости пользуются воздушным транспортом [53]. Он хотел выяснить, какую роль играют такие люди в изменении климата. Интересно, что до него никто этим не занимался. В нашем обществе звездами считаются те, кто, как принято говорить, пробился. Мы смотрим на них снизу вверх, считаем примером для подражания. Это художники, актеры, спортсмены, руководители крупных предприятий или политики, а еще все чаще — те, кто стал известным не благодаря своей работе, но чья работа как раз состоит в том, чтобы быть известным. Этим так называемым инфлюенсерам платят за то, что они воздействуют на общество, рекламируя те или иные торговые марки.

Гёсслинг проанализировал авиаперелеты, совершенные в течение 2017 года десятью такими людьми, включая основателя Microsoft Билла Гейтса, главу Facebook Марка Цукерберга, певицу Дженнифер Лопес,

наследницу сети отелей Пэрис Хилтон, ведущую ток-шоу Опру Уинфри и модельера Карла Лагерфельда. Он нашел на их официальных страницах в соцсетях ту информацию, которая, казалось бы, должна держаться в секрете. Ведь знаменитости сообщают в Twitter, Instagram или Facebook, когда, куда и зачем они отправляются. Некоторые из них формируют таким образом свой имидж. Они демонстрируют определенный стиль жизни, доказывающий, что они супербогаты, из чего можно заключить, что каждый супербогатый человек живет так, как они, — как будто не существует других вариантов того, как можно заработать деньги и что с ними делать.

Только в Instagram, платформе для обмена фотографиями и видеозаписями, на эти 10 знаменитостей подписаны более 170 млн человек, жаждущих приобщиться к их жизни.

«Воспринимать частые перелеты как роскошную социальную норму, формируемую знаменитостями, могут прежде всего молодые люди», — отмечается в исследовании.

Список регулярно летающих возглавляет Билл Гейтс, который в 2017 году провел в воздухе по меньшей мере 350 часов, и так как он чаще всего пользуется частным самолетом, из-за его поездок в атмосферу было выброшено более 1600 т углекислого газа. Пэрис Хилтон и Дженнифер Лопес занимают второе и третье места и тоже редко летают регулярными рейсами: на их долю приходится 1200 и 1000 т углекислого газа соответственно.

Какое это имеет отношение к справедливости?

В прошлом можно было легко поверить, что образ жизни богатой части человечества никак не связан с тем, как существуют бедные и нищие люди. Одни были богаты, а другие бедны, и для того, чтобы изменить эту ситуацию, бедняки должны были просто попытаться тоже стать богачами.

Но теперь наука не только знакома с механизмом изменения климата, но еще и дает точные прогнозы о том, насколько повысит среднюю температуру у поверхности Земли определенный объем углекислого газа, выброшенного в атмосферу, и какие именно последствия такое повышение температуры будет иметь для нашей планеты, причем в числовом выражении.

В 2015 году на конференции по изменению климата в Париже почти все государства мира приняли совместное решение не допустить, чтобы глобальная температура выросла более чем на 2 °C по сравнению с доиндустриальным временем. Если потепление не превысит 1,5 °C, то, утверждают ученые, климатические изменения будут менее драматичными, а расходы на преодоление их последствий — не столь высокими. Подсчеты, сделанные в конце 2017 года, указывали, что мы сможем удержаться в рамках 1,5 °C, если дополнительная эмиссия парниковых газов составит не более 420 Гт. Так как в год в атмосферу

попадает до 42 Гт, то на начало 2020 года нам остается менее восьми лет до того момента, когда углеродный бюджет будет полностью израсходован [54]. После этого мы должны будем жить, практически не оказывая влияния на климат, то есть объем производимых нами выбросов не должен превышать тот, который способны поглотить растения и океан. Осталось менее восьми лет на то, чтобы провести, быть может, самую большую экономическую, техническую и социальную перестройку в истории человечества.

Это, мягко говоря, очень, очень сжатые сроки.

В пересчете на душу населения это означает, что для того, чтобы средняя температура на Земле поднялась не больше чем на 1,5 °С, с начала 2020 года от каждого человека в атмосферу может поступить примерно 42 т углекислого газа.

Это возвращает нас к Биллу Гейтсу.

Получается, что человек, который, по сведениям журнала Forbes, обладает состоянием примерно 108 млрд долларов и является одним из трех богатейших людей в мире [55], за один год израсходовал квоту по выбросам углекислого газа на 38 персон — весь тот объем, что они могли позволить себе произвести за счет отопления, передвижений и потребления без риска превышения порога в 1,5 °С. Один человек. Потратил только на себя. Только на те перелеты, о которых сообщил в социальных сетях. За один год.

В то же время сегодня некоторые люди не расходуют весь свой эмиссионный бюджет, а значит, их доли могут воспользоваться другие. Конечно, разные профессии предполагают разный характер деятельности, а у кого-то родственники живут на другом конце мира. Тут непросто вывести справедливую формулу. Это всегда непросто.

Но явно несправедливо, что почти никто из тех, кто ответственен за экстремальные объемы выбросов, не сомневается в своем праве на подобный образ жизни. А единственным основанием этого права является тот факт, что они располагают достаточными финансовыми средствами, чтобы позволить себе его. Теми самыми средствами, благодаря которым они могут делать все то, что недоступно людям, чью квоту на выбросы они тратят: приспособливаться к климатическим изменениям, лететь туда, где сейчас все еще хорошо, платить цену, которая все выше, за продукты питания, которых все меньше, и позволять страховым компаниям разрушать свои дома. А если учесть еще те эмиссии, которые произошли по их вине за предыдущие 30–40 лет, когда о климатических изменениях и их причинах уже было известно, то результаты окажутся еще более ошеломительными. Очевидно, что за все время своей жизни эти люди сильно превысили лимит, ежегодно становясь причиной такого же количества выбросов CO₂, сколько средний житель Земли создаст примерно к 2050 году.

Вам это кажется справедливым?

Тогда признайте, что зависимость существует.

Как я уже говорила в предыдущих главах, сегодня мы живем в «полном» мире, и мы должны постоянно учитывать ограниченные возможности нашей планеты. Но осознание этих пределов все еще не проникло в наш образ мыслей и не определяет наш образ действий: большинство попыток каким-то образом свернуть на новый путь не увенчались успехом.

Мне кажется, это происходит по очень простой причине: тот, кто признает существование границ, должен признать и то, что права на материальные блага и загрязнение природы также не бесконечны. Если пирог не становится все больше, автоматически возникает вопрос, как его разделить. Если экологическая система создает только определенное количество ресурсов и может принять только определенный объем отходов и вредных газов, автоматически возникает вопрос, кто сколько может потреблять и кто сколько выбрасывать. Проблемы окружающей среды всегда связаны с проблемами распределения, а проблемы распределения — с проблемами справедливости.

Вот несколько аргументов, которые обычно в публичных дискуссиях приводят в ответ на вопросы о справедливости:

Экономический рост обеспечит справедливость.

Более эффективная техника обеспечит справедливость.

Устойчивое потребление обеспечит справедливость.

Но, как мы уже выяснили, все эти аргументы при более пристальном рассмотрении оказываются одной и той же сказкой, в которой пирог умеет расти, и именно поэтому понятно, что перед нами не решающие никаких проблем удобные выдумки из иллюзорной реальности, от которых мы все же не хотим отказаться. Если те, кто рассказывает или рассказывал эти сказки раньше, не имели в виду ничего дурного, то можно предположить, что эти люди ошибаются. Но факт остается фактом: именно из-за этих сказок вопросы о том, как справедливо распределить ресурсы нашей планеты с учетом их ограниченности, не ставятся ребром, а отодвигаются в будущее. Понятно также, что это выгодно той части человечества, которая из эксплуатации ресурсов нашей планеты извлекает больше прибыли, чем другие.

И все равно приходится снова и снова слышать, что экологические цели противоречат социальным.

Как часто мне доводилось принимать участие в панельных дискуссиях, где восклицали об этой «глубоко укорененной несовместимости целей», как будто эти слова приносят облегчение и позволяют и дальше продолжать размышлять о том, как все сложно. Ну еще бы, ведь с этим ничего нельзя сделать. В таких мероприятиях редко бывают представлены по-настоящему бедные страны и люди, для которых экологическая катастрофа является крупнейшим социальным и

гуманитарным кризисом. И поэтому разговоры об обездоленных позволяют странам, практикующим сверхпотребление, и дальше представлять свое бездействие как социальную ответственность. Мне кажется, что политики, главы корпораций и даже профсоюзные активисты в начале 2019 года были невероятно благодарны «желтым жилетам» за их демонстрации против повышения налога на топливо, что предусмотрено новой энергетической политикой Германии. Можно сделать вывод, что население страны совершенно не заинтересовано в реализации климатической политики.

А кто-нибудь спрашивал, какую климатическую политику хочет население? И как ее можно объединить с перспективами общественного и научно-технического развития и превратить якобы существующий конфликт социальных и экологических целей в их союз? Где осознание того, что к социальной справедливости надо двигаться и с другой стороны — сверху? Как убедить людей в необходимости колоссальных изменений, которые потребуются для перехода к устойчивой экономике, если нам не могут гарантировать, что эти изменения коснутся всех? Когда французское правительство снижает налог на собственность, уверенность во всеобщности трансформации по меньшей мере ослабевает.

Другими словами, как мы можем разрешить экологические проблемы, если не считаем их социальными?

Американец Джон Ролз, один из крупнейших представителей политической философии прошлого столетия, в начале 1970-х годов предложил новый взгляд на проблему распределения. Он считал, что фундаментальное препятствие состоит в том, что лица, принимающие решения, обладающие богатством и могуществом, не видят для себя никакой выгоды в том, чтобы как-то перестраивать существующую схему распределения власти и ресурсов. Влияние же тех, кто считает по-другому, кому выгодна другая форма распределения, то есть бедных и безвластных, ничтожно или совсем отсутствует, и поэтому они ничего не могут изменить. В результате дилемма справедливости растет и оказывается в принципе неразрешимой.

Для того чтобы наглядно объяснить ее суть, Ролз предложил мысленно «накинуть на себя занавес неведения». Под ним вы способны мыслить рационально, при этом не зная, как мы не знаем до своего рождения, в каком положении окажетесь после появления на свет. Понятия не имея, какого цвета будет у нас кожа, какой пол, в какой стране мы родимся, в какой семье и — я бы еще добавила — в каком поколении. Человек может оказаться ребенком Билла Гейтса или крестьянина, вкалывающего на рисовых полях в Бангладеш. Конечно, в этом мысленном эксперименте шанс явиться миру отпрыском одного из самых обеспеченных на свете людей мала, а вероятность родиться в нищете — куда выше. Ведь на свете по-прежнему на удивление больше бедных, чем богатых.

Вопрос, ответ на который Ролз хотел найти с помощью этой интеллектуальной головоломки, звучит так: каким бы вы хотели видеть устройство нашего мира, если бы не знали, каким будет ваше место в нем?

Оценивая ситуацию с этой точки зрения, вы используете системный подход. А он позволяет разрабатывать целевые диапазоны и комплексы мер, а не взвешивать каждую из них по отдельности. Потому что, считал Ролз, мы все интуитивно чувствуем, что справедливо, а что несправедливо. А наука теперь может подтвердить эти ощущения цифрами.

В 2011 году психолог и поведенческий экономист Дэн Ариели вместе со своим коллегой Майклом Нортоном опросил тысячи американцев о том, как, по мнению тех, должно распределяться благосостояние в обществе и как оно распределяется в реальности [56]. Разделив население на пять групп, респондентам предлагали указать, какая доля материальных ценностей должна принадлежать каждой из них. Опрошенные видели идеальное распределение следующим образом: у богатейшей пятой части общества — добрые 30% всех благ, у беднейшей — не менее 10%. Ответы принципиально не различались в зависимости от пола участников или от того, голосовали ли они за демократов или республиканцев. Также респондентов попросили высказать предположение, каким образом богатство на самом деле распределено в обществе: по их версии получилось, что самые состоятельные владеют более чем 60%, а самые неимущие — менее чем 5%.

На самом же деле в момент опроса в распоряжении самого преуспевающего сегмента находилось более 85% благ, а бедная и беднейшая части вместе имели доступ менее чем к 1%.

Иными словами, американское общество в действительности куда более несправедливо, чем предполагают его члены.

А за время, прошедшее после этого опроса, неравномерность распределения усугубилась настолько, что во всех новых исследованиях выделяют 1%, находящийся на самом вершине. И в руках у него сосредоточено 40% всей частной собственности в США [57].

В остальном мире все выглядит примерно так же.

В 2018 году Лаборатория мирового неравенства опубликовала результат работы более сотни исследователей из разных стран. Из подготовленного ими доклада следует, что с 1980 года неравенство между бедными и богатыми увеличивалось повсеместно на земном шаре [58]. «Золотой процент» за это время смог присвоить более четверти прироста мировых благ. А богатейшая 0,1% населения Земли за прошедшие 40 лет увеличила свое состояние на такую же сумму, как 50% человечества, находящиеся внизу пирамиды, вместе взятые.

Как ни крути, а достигнутое благодаря экономическому росту в эпоху глобализации благосостояние распределилось так: многочисленные

бедняки получили что-то, крайне немногочисленные богачи — очень много, а обширный средний слой — почти ничего.

А еще доклад о неравенстве в мире показывает, что в странах, проводящих активную политику перераспределения доходов и социальной защиты, разрыв оказывается не таким сильным. Это значит, что бедность можно искоренить быстрее, если действительно поставить такую политическую цель, а не просто ждать спонтанного «просачивания благ сверху вниз», при котором прилив гипотетически поднимет все лодки [59]. А что, если мы откажемся от дальнейшего роста ради уменьшения неравенства? Если попытаемся так организовать распределение товаров, ресурсов и возможностей, чтобы они оказались как можно ближе к предполагаемому идеалу?

Для начала можно было бы, например, направить 10% мирового ВВП на создание доступных для людей с низкой покупательной способностью системы здравоохранения, образовательных учреждений, устойчивого сельского хозяйства и возобновляемых источников энергии.

Это составило бы 8,2 трлн долларов.

Слишком много?

Откуда их взять?

А это, по оценке экономиста Габриэля Цукмана, как раз та сумма, которую богачи всего мира припрятали в налоговом раю [60]. Налоги обычно понижают для того, чтобы денежный поток был инвестирован в общее благо, не так ли? Представим себе, что с этой суммы будет выплачен налог, который когда-то считался нормальным во многих странах, — примерно 30%, — тогда государственный сектор получит около 2,7 трлн долларов. Такой бюджет, как это продемонстрировал Цукман в своей книге «Скрытое богатство народов» (*La richesse cachée des Nations*), позволил бы странам сделать ощутимые инвестиции в жизнеобеспечение своих граждан.

Как же преодолеть этот дисбаланс и вернуться к равновесию? Может быть, начать поиск возможного решения проблемы следовало бы с того, чтобы откровенно обсудить само существование этого неравенства?

Посмотрим еще раз на людей вроде Билла Гейтса. На его примере можно рассмотреть те трудности, которые возникают при попытке вылечить симптомы неисправной системы вместо того, чтобы заменить саму систему. Гейтс не унаследовал свое состояние, он его создал с помощью своих предпринимательских способностей — мало кто в мире не слышал о продуктах компании Microsoft или не пользовался ими. Его фонд с капиталом более 30 млрд долларов, крупнейший частный благотворительный фонд в мире, уже много лет способствует разработке вакцин против таких болезней, как СПИД, туберкулез и малярия, и улучшению обеспечения продовольствием в Африке. Он тратит на медицинские, образовательные проекты и программы по борьбе с

голодом столько же денег, сколько многие демократически избранные правительства.

Может быть, углекислый газ, который Гейтс ежегодно выбрасывает в атмосферу, летая на своем частном самолете, служит благому делу? Разве не важнее тот факт, что он занимается вопросами, которые не могут разрешить правительства всего мира?

Конечно, замечательно, что кто-то занимается этими вопросами. Но если правительство находится под контролем оппозиции, судов и избирателей, то фонд Билла Гейтса сам решает, за что браться и с кем сотрудничать. Он сам устанавливает процедуры для своей деятельности и способы взаимодействия. То, что он, по мнению организации «Глобальная справедливость сейчас», прокладывает дорогу на африканские рынки такой биотехнологической корпорации, как Monsanto, или такому продовольственному гиганту, как Cargill, и к тому же владеет частью пакета акций таких компаний, как Monsanto или McDonalds, — это опять же его дело [61].

Американский журналист Ананд Гиридхарадас в вышедшей в 2018 году книге «Победители получают все» (Winners Take All: The Elite Charade of Changing the World) подчеркивает, что подобная форма филантропии превратилась в нечто вроде покупки индульгенций и не приближает ни реальных изменений политического курса, ни перераспределения богатства или привилегий.

«Победителям нашего времени не нравится мысль, что кому-то из них на самом деле придется проиграть и пойти на какие-то жертвы во имя равенства, — пишет автор. — Не часто приходится слышать от таких людей, что их привилегированное положение несправедливо и что им следует отказаться от своего статуса и положения ради справедливости. Они не против делать добро, когда об этом попросят, а потом еще и поблагодарят. Но не готовы к тому, чтобы от них потребовали приносить меньше вреда» [62].

Благотворительность — это ведь далеко не справедливость.

Можно подумать, что перераспределение — это когда одни должны отдать что-то, им принадлежащее, в то время как с другими, якобы менее успешными, менее умными и предприимчивыми, чем первые, надо обходиться покровительственно. Но трудно себе представить, что с 1980 года руководители предприятий в среднем стали на 1000% умнее, трудолюбивее и предприимчивее, а рядовые сотрудники улучшили свои качества только на 12%. Ведь распределение доходов американских компаний изменилось за это время именно в таком соотношении [63]. Тома Пикетти в своем масштабном исследовании «Капитал в XXI веке» усмотрел причину прогрессирующего неравенства не столько в ударном росте продуктивности топ-менеджеров, сколько в государственном налоговом законодательстве. Кроме того, он обратил внимание на тот факт, что самые высокооплачиваемые сотрудники одной компании

обычно сидят в совете директоров другой и поэтому выдают вознаграждения друг другу.

Но справедливость — это не только честное распределение благ, а еще и равный доступ к возможностям. Одинаковый шанс не только на жизнь в человеческих условиях, но еще и на участие в создании условий, необходимых для достижения такой жизни.

И этот принцип также можно применить к государствам.

Институт мировых ресурсов несколько лет назад опубликовал график, отражающий распределение выбросов углекислого газа по странам с начала индустриальной эпохи [64]. На нем видно, что США ответственны за 27% общемировых эмиссий, произведенных с 1850 по 2011 год, затем следуют государства Евросоюза, включая Великобританию, на долю которых приходится 25%. Такие страны, как Китай, Россия или Индия, идут за ними с большим отставанием. Естественно, это наводит на мысль о том, что все, что мы на глобальном Севере делаем или, по крайней мере, пытаемся делать для борьбы с изменением климата, будет все равно сведено на нет энергетическим голодом других стран.

Как показывает этот график, мы уже в течение долгого времени финансируем свое мощное развитие благодаря кредиту, полученному у глобальной климатической системы, и человечеству придется еще долго расплачиваться за эту ипотеку. И если мы не собираемся прийти к заключению, что единственный способ достичь справедливость — это позволить тем странам выбрасывать в атмосферу по крайней мере столько же углекислого газа, как США, — а США при этом не прекратят внезапно жить как прежде, — то, значит, необходимо найти другие способы установить равновесие между государствами.

Как могло бы выглядеть такое равновесие?

Возьмем, к примеру, тропические леса Амазонии. Анализ, выполненный в Центре исследований окружающей среды им. Гельмгольца, показывает, что ими уже накоплено 76 млрд тонн углерода, и каждый год эти леса поглощают еще по 600 млн тонн [65]. Это важный фактор в борьбе с изменением климата, и существование этих лесов значимо для всего мирового сообщества. Поэтому, с одной стороны, неудивительно, что французский президент Эммануэль Макрон выразил свою озабоченность, когда в 2019 году тысячи лесных пожаров уничтожили часть этих зеленых легких Земли [66]. Но с другой стороны, большая часть этих лесов находится на территории Бразилии, и ее президент Жаир Болсонару считает вмешательством во внутренние дела его страны все проявления озабоченности, высказанные главами иностранных правительств относительно того, что Бразилии следует бороться с лесными пожарами быстрее и решительнее.

Перед нами классический конфликт.

Бразилия хочет, чтобы экономическое развитие позволило ей войти в число индустриальных стран с высочайшим ВВП. Страны с таким доходом на душу населения, как в Бразилии, на международной арене называются странами с пороговой экономикой, они уже близки к вступлению в клуб высокоразвитых стран. И для этого южноамериканское государство намерено использовать тропические леса: их древесину и любые виды сырья, которые они способны дать, не в последнюю очередь сельскохозяйственные площади на месте вырубок, которые используются сначала как пастбища для крупного рогатого скота и затем — как поля для выращивания сои. Бразилия — крупнейший экспортер говядины в мире [67] и на втором месте по экспорту сои [68], которой, как уже говорилось выше, мы в Германии откармливаем коров и свиней. Евросоюз как раз заключил с латиноамериканским торгово-экономическим союзом Меркосур соглашение, упрощающее торговлю.

Может ли Европа с помощью нравоучений и угроз стать сильной — или скорее смешной?

Можем ли мы ставить Бразилии в вину ее планы?

Такие страны, как Германия или Великобритания, тоже использовали ресурсы на своих территориях так, как им хотелось, и никто из-за границы не мог им ничего указывать. Если бы они, допустим, оставили свои запасы угля под землей, то сегодня в атмосфере было бы меньше углекислого газа.

Южнокорейский экономист Ха-Джун Чанг в 2002 году в книге «Отбрасывая лестницу: Стратегия развития в исторической перспективе» (Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective) описал, как индустриальные государства глобального Севера запрещают развивающимся странам применять как раз те методы, которые они сами использовали для обеспечения своего расцвета: высокие таможенные пошлины, защищающие национальную экономику, производство контрафактной продукции или концентрация на ключевых отраслях — как это когда-то делали США, Великобритания, Германия или Япония — и как они и сегодня делают это, стремясь к дальнейшему экономическому росту.

«Тот, кто забрался на вершину власти, — пишет автор, — достаточно умен, чтобы оттолкнуть лестницу, по которой он поднялся наверх» [69].

Почему мы наперегонки мчимся к разрушению мира? Как нам прийти к такому пониманию справедливости, которое позволило бы нам действовать не друг против друга, а совместно и помогло бы объединить социальные и экологические цели?

Для меня ответ заключается в том, чтобы думать о будущем. Причем системно. Как мы увидели из-за «занавеса неведения» Джона Ролза, наши индивидуальные представления о справедливом распределении

относительно близки, если мы откажемся от того, чтобы постоянно сравнивать себя с окружающими.

Попробуем использовать идеальные представления американцев, по мнению которых 10% мирового ВВП должны принадлежать беднейшим 20% населения мира, — это 8,2 трлн долларов, которые лежат в налоговом раю. Более 10 000 долларов на человека в год. Или 27 долларов в день. Тогда уже не будет казаться такой нелепой мыслью о том, чтобы установить границу крайней бедности на уровне 7,40 или даже 15 долларов в день, как я предлагала в главе «Люди и поведение». Скорее таковой кажется установленная Всемирным банком величина в 1,90 доллара в день. Система, которая вообще способна достичь нижней планки дохода в размере 1,90 доллара в день при том, какова верхняя, может считаться законной, как согласился бы Ролз, только теми, кто сидит на вершине.

Глобальные цели устойчивого развития направлены на то, чтобы «не оставить никого позади». На планете с ограниченными ресурсами стоит ввести и обратное правило: «Не давать никому вырваться вперед».

С этой формулой мы можем уже приблизиться к тем условиям, при которых «невидимая рука» позволит добиться хороших и долгосрочных результатов для многих. Потому что, как пишут Оливер Рихтерс и Андреас Зимонайт в книге «Как исправить рыночную экономику» (Marktwirtschaft reparieren): «Собственность гарантирует ответственность и противодействует небрежности. Эти функции правильны и важны. Но собственность не должна быть неограниченной, так как она предназначена для выполнения прежде всего социальной, а не индивидуальной задачи: обеспечивать разделение труда между людьми, а не накопление. Собственности должны быть положены границы там, где она ограничивает свободу других, то есть ведет к чрезмерной аккумуляции власти и неизбежно облегчает возможность пожинать то, что не сеял» [70].

Мысль о том, что установление верхних границ может помочь тем, кто наверху, оказывается не такой уж абсурдной. К этому выводу пришли многие представители социальных наук за последние годы, и они подтверждают то, что Тим Кассер описывал как психологический эффект материализма: общество отказывается от равенства возможностей и начинает выражать ценность только в деньгах, собственности или славе. Когда такая ситуация возникает в обществе, где и так уже плохо организовано распределение возможностей и благосостояния, это порождает большой стресс даже в зажиточных слоях общества.

В 2019 году сразу у двух авторов — Дэниела Марковица и Майкла Сэндела — вышли книги о том, почему подобная меритократия наносит вред всем, и чем те, кого мы считаем по-настоящему преуспевающими, расплачиваются за свои высокие доходы и возможность вести элитный потребительский образ жизни: они жертвуют ни больше ни меньше, чем всё свое здоровье, а бывает, что и жизнь. История разрушения

начинается еще в детстве, когда их записывают в элитные учебные заведения. У учащихся привилегированных учреждений отмечается в три раза более высокий уровень стресса, чем у их ровесников в обычных школах. В Кремниевой долине доля студентов с признаками депрессии достигает 54%, а со средними или сильными признаками перенапряжения — более 80% [71]. Рабочий день банкира продолжается с 9:00 до 5:00 — то есть с 9 часов утра одного дня до 5 утра следующего. Смысл в такой работе теряется так же, как и то время, которое можно было бы посвятить семье, друзьям или здоровью. Но если вскарабкался «наверх» и хочешь там удержаться, нельзя позволить себе упустить доход.

Знаете, как установить верхний предел?

С помощью прогрессивного налогообложения и разумного антимонопольного законодательства.

Тогда справедливость окажется не только социальной целью, но еще и способом обеспечения достойного уровня жизни и согласия в обществе.

А какое отношение имеет видение более здоровой социальной системы к проблемам окружающей среды?

В ситуации с тропическими лесами Амазонии можно привести пример соглашения, которое довольно широко обсуждалось правительством Эквадора при президенте Рафаэле Корреа. Предполагалось создание фонда, куда богатые страны должны были вносить деньги для того, чтобы Эквадор оставил в покое нефтяное месторождение в национальном парке Ясуни. В конце концов эта идея разбилась о недоверие: никто не мог быть уверен, что, используя средства фонда, там не начнут все-таки добывать нефть. Но здесь все дело в политической воле и хороших структурах: напрашивается мысль о перманентных переводах, обеспеченных такими новыми технологиями, как блокчейн. Здесь нет конфликта интересов между социальными и экологическими целями, совсем наоборот.

Другим примером движения в этом направлении может быть идея глобального атмосферного фонда, предложенная специалистом по экологической экономике и нобелевским лауреатом Элином Остром [72]. Тот, кто превысит свою квоту на выбросы CO₂, должен внести плату в фонд. Часть полученных денег выплачивается как безусловный доход. Остальные средства инвестируются в создание чистой энергетической системы или в другие проекты по защите климата. Бедные люди производят меньше выбросов углекислого газа, значит, они от этого выиграют. В Германии высказано похожее предложение, касающееся введения цен на углерод [73], и то, что парламент в течение долгого времени отклонял его, вызывало серьезное непонимание у экономистов всех направлений.

Но все же разработанный в ЕС механизм «распределения усилий», направленный на сокращение эмиссий, строится именно на этой модели

— и Германии придется выплачивать соседним странам штрафы до 60 млрд евро, если наша климатическая политика в ближайшее время не изменится [74].

Все это может сегодня показаться вам чем-то необычным, но я совершенно убеждена, что нам надо как можно шире использовать подобные инструменты. Перспектива на будущее для меня заключается в следующем: те, кто, благодаря ресурсоемкому развитию в прошлом, сегодня обладает богатством и возможностями сделать больше других, обязаны сделать как можно больше. Потому что для остальных этот гладкий путь, основанный на бесконечной добыче сырья, уже недоступен. И тогда мы получим справедливость, а не благотворительность.

Мы живем в кризисные времена, а в кризисные времена имеет смысл перестать размышлять над тем, чего каждый из нас по отдельности может лишиться. Лучше сосредоточиться на том, что можно предпринять совместными усилиями с имеющимися ресурсами. Как, например, при наводнении на Эльбе несколько лет назад: оценили ситуацию, обдумали различные варианты действий, и каждый дал то, что у него было: мешки с песком, тракторы, грузовики, жилье, физическую силу, информацию, деньги, кофе, чай и бутерброды — кто что мог.

А что мы делаем сегодня?

Ругаемся, что мешок слишком большой, трактор слишком маленький, грузовик слишком зеленый, квартиру предоставить очень сложно, информация еще не проверена на 120%, полученная компенсация не соответствует близости дома к реке, а кофе слишком жидкий. К сожалению, таким образом мало чего можно добиться, а вода между тем продолжает прибывать.

Можем же лучше.

Справедливость, если она будет функционировать в глобальном масштабе, — это ключ к устойчивой экономике. Только таким образом мы можем не допустить, чтобы экологические вопросы противопоставлялись социальным. Их невозможно решить по отдельности, только вместе. Для создания нового вида справедливости нам нужно принести в жертву священную корову экономического роста. Тогда мы сможем справиться и с его нарастающими побочными эффектами.

Думать и действовать

Хотя некоторые утверждают, что для нашего времени характерна «грандиозная мечта обменять деньги на смысл», но все равно остается твердое и неприятное ощущение, что наше навязчивое желание оптимизировать все созидательные процессы и максимизировать

производительность приводит к тому, что мы разучились по-настоящему участвовать в радостном таинстве жизни.

Мария Попова, писатель

Несколько лет назад в Вуппертальском институте, где я тогда работала, мы проводили ряд семинаров, посвященных тому, как можно перестроить энергетическую систему и сделать ее более устойчивой. В качестве участников мы приглашали молодых руководителей со всей Европы, которые в своих компаниях, органах городского самоуправления, правительствах и общественных организациях сталкиваются с задачей способствовать этой трансформации. Мы хотели обратить их внимание на тот простой факт, что мы принимаем решения в определенных условиях. Эти условия определяют то, что мы считаем реалистичным, возможным или желательным. Они образуют рамки, в которых мы находимся, когда думаем и действуем в своей повседневной жизни. Когда речь идет о нововведениях, очень полезно не только выглянуть за пределы этих рамок, чтобы обрести новые идеи, приводящие к небольшим изменениям. Имеет смысл также выйти из рамок достаточно далеко, чтобы иметь возможность взглянуть на них со стороны. Может быть, нам захочется изменить сами рамки?

Целью наших семинаров было познакомить участников с научными данными и показать новые перспективы. Мы хотели помочь им обрести лучшее понимание того, как умело стимулировать масштабные изменения, а затем терпеливо их стабилизировать. Как мне показалось, к концу семинаров большинство участников горели желанием поскорее вернуться на работу, чтобы применить новые идеи.

И в этот момент мы рассказывали им о «гнусном понедельнике».

«Гнусным понедельником» мы назвали тот феномен, который знаком каждому из нас, когда мы, окрыленные, возвращаемся с какого-то мероприятия или лекции, вдохновленные, полные идей о том, как все обновить и переделать. А потом мы попадаем в свою организацию, перед которой стоят все те же цели, идут все те же процессы, разговоры и совещания, и все остается таким же, как всегда. Мы хотели подготовить участников семинара к этому моменту.

К нему же я хочу подготовить и вас.

Если то, чего я хотела достичь, когда писала эту книгу, всё же получилось, значит, вы на мгновение вышли за рамки. Может быть, вы по-новому посмотрели на окружающий мир. Может быть, потеряли веру в определенный нарратив, открыли для себя прежде не очевидные взаимосвязи и усомнились в некоторых утверждениях, с которыми раньше были согласны. Если мне это удалось, на что я очень надеюсь, то, возможно, вам пришли в голову мысли о том, какие шаги надо предпринять на пути к устойчивому будущему. Будущему, в котором человек и природа придут к согласию. Будущему, где будут укрощены все те движущие силы, большие и малые, которые завели нас на путь, не

приносящий сегодня большинству из нас счастья и не позволяющий возродить те основы жизни, от которых зависит наше счастье. То будущее, в котором мы научимся делиться как следует и радоваться тому, что имеем.

А потом вы оглянетесь вокруг, а мир остался прежним. Люди, с которыми вам надо тем или иным способом взаимодействовать, тоже не менялись и, может быть, даже хотят, чтобы все осталось как есть.

Вот это и есть ваш «гнусный понедельник».

Как же нам изменить мир?

Я надеюсь, что, прочитав книгу, вы согласитесь со мной, что мир надо изменить. Нельзя продолжать жить так же, как раньше, потому что это приведет к очень неприятным последствиям. Потому что даже если мы ничего не изменим, то многое изменится само — но только не к лучшему. Наша экономическая система не стоит на месте и не станет ждать, пока мы будем спорить еще 30 лет и наконец договоримся о том, какие минимальные изменения хотим внести при условии, что они не подорвут наш слепой экономический рост. Мы все являемся частью сложной взаимосвязанной системы, в которой ничто не остается без последствий, хотим мы этого или нет, делаем мы что-то по-другому или нет. Но это означает и то, что у нас есть возможность сознательно направить изменения в определенном направлении. Точнее, не только возможность, но и обязанность сделать это. Все мы можем каждый день участвовать в тех изменениях, которые нам хочется видеть в мире, даже если сначала они покажутся маленькими и незначительными.

Конечно, мир не изменится только от того, что вы прочитали эту книгу. Не изменится он от того, что я ее написала. Я, как, наверное, и вы, — не глава правительства большой индустриальной страны и не председатель правления межнациональной корпорации. Но даже если бы была, этих власти и влияния самих по себе было бы недостаточно, чтобы оздоровить нашу систему. Потому что приходится слышать, что люди, обладающие властью и влиянием, сами находятся в поиске таких обязательных для всех правил, которые, с одной стороны, могут привести к принципиальному перелому в использовании инноваций и инвестиций, а с другой — вызывают доверие к своей долгосрочной эффективности. В этой книге я назвала такие правила общественным договором. Мы, как граждане республики, должны потребовать введения ориентированной на будущее ответственности за общее благо — и возложить ее на себя.

Ведь демократия означает, что не обязательно кто-то должен встать у руля, прежде чем мы сможем начать плыть в нужном направлении. Как показала практика, быть главой правительства или председателем правления корпорации не всегда означает делать что-то. Что-то можно сделать, только когда много людей хочет этого, а значит, успех зависит от каждого из нас. Все начинается с того, чтобы хорошенько рассмотреть вышеупомянутые рамки и обдумать, что имеет смысл и какие доктрины,

шаблоны и модели использовать для выбора следующего шага из множества возможных.

Напомнив в главе о новой реальности о том, как астронавт сделал первую фотографию нашей планеты из космоса, я показала, насколько важно то, как мы, люди, представляем себе ту или иную вещь. Этим определяется, как мы к ней относимся и как с ней обращаемся. Наши представления о Земле, о природе, о самих себе, о справедливости, о том, чему служит прогресс, как использовать технологии, дают нам право интерпретировать то, что возможно, а что нет.

Я пригласила вас подвергнуть сомнению некоторые из этих представлений.

Для меня возможность переосмыслить наш мир — это как освобождение. Хотя и нельзя мгновенно остановить ленту конвейера, бесконечно потребляющего сырье, потому что это привело бы к слишком резким и нежелательным изменениям, мы тем не менее можем развивать в себе ясность, креативность, мужество и уверенность в том, что мы хотим превратить одностороннее движение конвейера в регенеративный цикл. Этого не сделает горстка власть имущих — каждый из нас может внести свой вклад. Именно поэтому в моей книге так много предложений со словом «мы».

Даже если вы во многом со мной не согласны, то ведь все равно мы все, с нашими противоречащими друг другу мнениями, являемся частями одной взаимосвязанной системы. Мы можем орать, злиться и оскорблять оппонентов. Эту тенденцию мы и видим повсюду. Или же мы можем решить учиться друг у друга, быть честными в том, что для нас действительно важно, чем мы готовы поделиться, что именно подразумеваем под определенными понятиями. Вам это может показаться глупым, но ведь это именно то, чему учат малышей в детском саду. Речь не о том, чтобы вообще перестать спорить. Речь о том, чтобы в «мы» снова стало немного меньше «я».

Чем громче кто-то заявляет, что ничему нет альтернативы, тем внимательнее стоит оценить это утверждение. В буквальном смысле внимательнее. Не позволяйте отделяться от вас с помощью готовых ответов, нагромождения цифр, непонятных аббревиатур и профессионального жаргона. Или репликами вроде «она говорит от всего сердца». Ваши вопросы создают обратную связь, вызывают раздражение, дают повод к размышлению и не остаются без последствий. А в зависимости от того, как действует обратная связь в нашем обществе, изменяется и направление его развития. Даже если вы не получили сразу удовлетворительного ответа, вы все равно оказали определенное воздействие на ход событий. Мы можем влиять таким образом, мы все должны это понять и использовать осознанно.

В кризисные времена переосмысление тех рамок, в которых мы мыслим и действуем, дает осознание того, какие их части могли бы выглядеть по-

другому. И чем сильнее трещат рамки, тем больше это подхлестывает новое мышление. А это то, что нам очень нужно сегодня.

В демократичном обществе мы зависим не только от смелости политиков, но и от смелости всех тех, кто их поддержит. Это колоссальная задача: порвать с привычкой все и вся исчислять в деньгах и низвести их с трона в нашей системе ценностей. Если есть что-то, чему уделяется слишком мало внимания при обсуждении фундаментальных факторов, определяющих неустойчивое развитие, то это финансиализация нашего мира и отношений людей друг с другом. Существует так много других способов организации и разделения труда, сотрудничества, создания ценности и выражения благодарности. Культурная гомогенизация ставит нас в еще более уязвимое положение. Поэтому важнейшие задачи создания устойчивого общества лежат не столько в сфере окружающей среды, развития или социального обеспечения, сколько в сфере финансов и экономики. А в конечном счете власть над теми цифрами и понятиями, из которых созданы пресловутые рамки.

Потребителям нужна смелость для принятия таких покупательских решений, которые дали бы компаниям, развивающим и внедряющим необходимые для завтрашнего дня инновации, возможность добиться успеха. СМИ необходима смелость, чтобы сменить угол зрения при освещении целей и последствий законов, а также аспектов экономического развития. Корпорациям необходима смелость, чтобы включать в свои сметы социальные и экологические издержки, а инвесторам — чтобы учитывать в первую очередь именно их. Местным властям нужна смелость, чтобы планировать развитие своих городов вместе с горожанами, и, наконец, она нужна министрам образования и учителям для включения в школьные программы и учебники информации, способствующей формированию того мужества и тех компетенций, которые необходимы в XXI веке.

Лучшим средством для перехода от реактивной обороны к активной выработке решений в кризисной ситуации является вера в собственную эффективность. И если наша самоэффективность проявится в сочетании с пониманием и сотрудничеством, то и другие эффективные люди раскачаются быстрее, чем вы сейчас можете мечтать.

Расставаясь с участниками наших семинаров, мы всегда давали три совета, которые им понадобятся, когда они вернутся к своей старой работе и захотят ее изменить.

Оставайтесь доброжелательными и терпеливыми, но не отступайте. Если застряли, сделайте шаг назад, снова взгляните на рамки и подумайте, нельзя ли применить другой подход. Есть много точек входа, которые могут подтолкнуть изменения: концепции, язык, цифры, стимулы, процессы, оформление офиса или культура сплоченности. Прекрасными способами воздействия могут оказаться также лекции приглашенных

экспертов, примеры успешных первопроходцев и заключение новых союзов.

Найдите единомышленников. Уверена, что их окажется куда больше, чем вы думаете. Найдите нужные слова и соответствующий способ общения или создайте новые организационные формы, которые помогут вам выразить, чего вы хотите. Чем больше наша повседневная жизнь будет освобождаться от устаревших понятий, тем яснее станут новые цели. Будут открываться все новые пути, и при полной трансформации найдется дело для многих героев. Признавать различные способности и вклад в общее дело не менее важно, чем делиться историями и протянуть руку помощи, если дела пойдут плохо.

И не поддавайтесь «понедельничному» настроению. В неделе много дней, не только этот. Вот почему так важно быть добрым к самому себе и не забывать о результатах исследований психологии и счастья: наш личный внутренний стимул — это более надежный двигатель, чем утверждения или одобрение со стороны. Если осознание обществом проблемы еще не слишком распространено и недостаточно сильно, то сначала одобрение наших действий будет слабым, особенно если мы хотим фундаментальных и всеобъемлющих изменений. Мне очень хорошо знакомо это чувство. Сосредоточьтесь на том, что в ваших силах, и не слишком переживайте из-за того, что вам неподвластно — включая то, что говорят о ваших действиях окружающие. Не забывайте о своем изначальном устремлении. Вы не можете нести ответственность за большее, уже вполне достаточно этой. И в заключение самое главное: сохраняйте чувство юмора и смейтесь, не давайте смеху умолкнуть. Ведь работа во имя будущего — это и есть наша жизнь!

И конечно же, никто не может сказать, как именно будет выглядеть тот мир, который возникнет, когда мы откажемся от устаревших понятий и догм. Но если мы, принимая решения, подкрепим здоровую дозу эгоизма заботой о здоровье целого, то тирания малых решений быстро сменится совсем другой историей: целое больше, чем сумма его частей.

Благодарности

Книга, которая так сильно связана с личными убеждениями, нуждается и в личной поддержке. Уве Шнайдевинд и Томас Хёлцль неизменно поощряли и ободряли меня. Чудесные и неутомимые Мария Баранков и Юлия Козицки из издательства Ullstein Verlag постоянно были рядом. Я очень признательна всем вам. Еще я хотела бы поблагодарить свою команду из Научного совета по глобальным изменениям окружающей среды при правительстве Германии за снисходительность к моему нерегулярному рабочему графику. Выражаю особую благодарность Джонатану Барту, который вместе со мной внимательно изучил главу об экономическом росте. Таня Ружицка оказалась не только великолепным

редактором со светлой головой и сердечной улыбкой, но и никогда не теряющим спокойствия компаньоном. Ей полагается приз за позитивное психологическое воздействие!

А самое большое спасибо я хочу сказать своей матери, которая всегда готова прийти на помощь, когда наваливается слишком много задач одновременно. Мой отец также оказал мне в 2019 году невероятно доброжелательную и щедрую поддержку. Вы замечательные!

Библиография

1. Vgl. Apollo Flight Journal, <https://goo.su/512J> (дата обращения 06.01.2020).
2. Roger Revelle, Hans E. Suess, »Carbon Dioxide Exchange Between Atmosphere and Ocean and the Question of an Increase of Atmospheric CO₂ during the Past Decades«, in: Tellus. Informa UK Limited, 9 (1): S. 18–27.
3. Carbon Dioxide Information Analysis Center: »Seit 1751 wurden aus dem Verbrauch fossiler Brennstoffe und der Zementherstellung etwas mehr als 400 Milliarden Tonnen Kohlenstoff in die Atmosphäre freigesetzt. Die Hälfte dieser CO₂-Emissionen aus fossilen Brennstoffen ist seit Ende der 1980er-Jahre entstanden.«
4. Vgl. etwa »Kein Mensch will Tiere am ersten Tag töten«, in: Tagesspiegel, 31.03.2015, <https://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/gegenkuekenschreddern-kein-mensch-will-tiere-am-ersten-tag-toeten/11578688.html> oder auch »Das Gemetzel geht weiter«, in: Süddeutsche, 29.02.2018, <https://goo.su/5Ysz>.
5. Siehe »Burning Deadstock? Sadly, ›Waste is nothing new in fashion‹« (Toten Lagerbestand verbrennen? Leider ist ›Abfall nichts Neues in der Mode‹), Fashion United, 19.10.2017.
6. Unsere gemeinsame Zukunft. Der Brundtland-Bericht der Weltkommission für Umwelt und Entwicklung, hrsg. von Volker Hauff, Greven 1987, https://www.nachhaltigkeit.info/artikel/brundtland_report_563.htm?s_id=pvfd56tpehme3l8t9vfn4do4r2 (дата обращения 06.01.2020).
7. Robert Solow, »The Economics of Resources or the Resources of Economics« (Die Ökonomie der Ressourcen oder die Ressourcen der Ökonomie), in: American Economic Review, 1974, 64 (2), S. 1–14, hier S. 11.
8. Siehe Bundesamt für Naturschutz (Hrsg.), »Bestäubung als Ökodienstleistung«, <https://www.bfn.de/themen/natura-2000/eu-undinternationales/schutz-der-bluetenbestaeuber/bestaeubung-alsoekosystemdienstleistung.html> (дата обращения 06.01.2020).
9. Robert Costanza, Rudolf de Groot, Paul Sutton, Sander van der Ploeg, Sharolyn J. Anderson, Ida Kubiszewski, Stephen Farber, R. Kerry Turner, »Changes in the global value of ecosystem services«, in: Global Environmental Change, Vol. 26, 2014, S. 152–158.

10. Vgl. James Gamble, »The Most Important Problem in the World« (Das wichtigste Problem der Welt), in: Medium, 13.03.2019, <https://medium.com/@jgg4553542/the-most-important-problem-in-theworld-ad22ade0ccfe> (дата обращения 06.01.2020).
11. Das Zitat stammt aus Ernst Friedrich Schumachers Buch »Good Work« (1979), das auf Deutsch unter dem Titel »Das Ende unserer Epoche« (Reinbek 1980) erschienen ist. Das Originalzitat finden Sie auf der Homepage des Schumacher-Instituts: <https://www.schumacherinstitute.org.uk/about-us/> (дата обращения 16.01.2020).
12. Henrik Nordborg, »Ein Gespenst geht um auf der Welt — das Gespenst der Fakten«, <https://nordborg.ch/wp-content/uploads/2019/05/Das-Gespenst-der-Fakten.pdf> (дата обращения 06.01.2020).
13. Vgl. Umweltbundesamt (Hrsg.), »Stromverbrauch«, 03.01.2020, <https://www.umweltbundesamt.de/daten/energie/stromverbrauch> sowie Umweltbundesamt (Hrsg.), »Energieverbrauch nach Energieträgern, Sektoren und Anwendungen«, 03.01.2020, <https://www.umweltbundesamt.de/daten/energie/energieverbrauch-nach-energietraegern-sektoren> (дата обращения 06.01.2020).
14. Vgl. Ernst Ulrich von Weizsäcker, Andus Wijkman u. a., Wir sind dran, Gütersloh 2018.
15. Zitiert nach Heinz D. Kurz, »Eigenliebe tut gut«, in: Die Zeit, 01/1993, <https://www.zeit.de/1993/01/eigenliebe-tut-gut/komplettansicht> (дата обращения 16.01.2020).
16. Vgl. Jason Hickel, »Bill Gates says poverty is decreasing. He couldn't be more wrong«, (Bill Gates sagt, Armut ginge zurück. Er könnte nicht falscher liegen) in: The Guardian, 29.01.19, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jan/29/bill-gates-davos-globalpoverty-infographic-neoliberal> (дата обращения 06.01.2020).
17. David Woodward, »Incrementum ad Absurdum: Global Growth, Inequality and Poverty Eradication in a Carbon-Constrained World«, in: World Social and Economic Review 2015, No. 4.
18. Jan Göbel, Peter Krause, »Einkommensentwicklung — Verteilung, Angleichung, Armut und Dynamik«, in: Destatis Datenreport 2018, S. 239–253, https://www.destatis.de/DE/Service/Statistik-Campus/Datenreport/Downloads/datenreport-2018-kap-6.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 06.12.2020).
19. World Inequality Lab, Bericht zur weltweiten Ungleichheit 2018, deutsche Fassung, S. 11, <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-german.pdf> (дата обращения 06.12.2019).
20. Gabor Steingart, »Konzerne manipulieren nach Belieben die Aktien — und der Staat schaut einfach zu«, in: Finanzen100 von Focus Online,

08.11.2019, https://www.finanzen100.de/finanznachrichten/boerse/konzerne-manipulieren-nach-belieben-die-aktienkurse-und-derstaat-schaut-einfach-zu_H1907961083_11325544/ (дата обращения 16.01.2020).

21. Tagesschau, »Milliarden für die Aktionäre: Geldmaschine JPMorgan«, in: boerse.ard.de,

16.07.2019, <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/boerse/jpmorgan-gewinne-101.html> (дата обращения 16.01.2020).

22. Linsey McGoey, »Capitalism's Case for Abolishing Billionaires«, in: Evonomics, 27.12.2019, <https://evonomics.com/capitalism-case-forabolishing-billionaires/> (дата обращения 16.01.2020).

23. »Neue Wert-Schöpferin«, in: Manager Magazin, 08/2018 <https://heft.manager-magazin.de/MM/2018/8/158462586/index.html> (дата обращения 06.01.2020).

24. Das von Jevons in seinem Buch »The Coal Question« (London 1865) beschriebene Paradoxon (siehe <https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.224624/2015.224624.The-Coal#page/n123/mode/2up>) ist hier zitiert nach: Marcel Hänggi, »Das Problem mit dem Rebound«, in: heise online, 05.12.2008 <https://www.heise.de/tr/artikel/Das-Problem-mit-dem-Rebound-275858.html>).

25. Vgl. Uwe Schneidewind, Die Große Transformation, Frankfurt am Main 2018, S. 58.

26. Greenpeace (Hrsg.), »Wie steht's mit dem E-Auto?«, <https://www.greenpeace.de/themen/energiewende/mobilitaet/wie-stehts-mitdem-e-auto> (дата обращения 06.01.2020).

27. Tim Jackson, Peter A. Victor, »Unraveling the claims for (and against) green growth« (Die Forderungen für (und gegen) grünes Wachstum sortieren), in: Science Magazine, 22.11.2019, https://www.sciencemagazinedigital.org/sciencemagazine/22_november_2019/MobilePagedArticle.action?articleId=1540189#articleId1540189 (дата обращения 06.01.2020).

28. Holger Holzer, »Tesla Cybertruck in Europa möglicherweise nicht zulassungsfähig«, in: Handelsblatt, 16.12.2019, <https://www.handelsblatt.com/auto/nachrichten/elektro-pickup-tesla-cybertruck-in-europamoglicherweise-nicht-zulassungsfahig/25338516.html?ticket=ST-40888407-bktnHY7WE6wW5UKdJ6o-ar6> (дата обращения 06.01.2020).

29. Philipp Staab, Falsche Versprechen, Hamburg 2016, S. 75–76.

30. Georg Franck, Ökonomie der Aufmerksamkeit, München 1998.

31. Vgl. Douglas Rushkoff, »We shouldn't blame Silicon Valley for technology's problems — we should blame capitalism« (Wir sollten die Schuld für die Technologie-Probleme nicht im Silicon-Valley, sondern im

Kapitalismus suchen), in: Quartz, 24. 01. 2019, <https://qz.com/1529476/we-shouldnt-blame-silicon-valley-for-technologysproblems-we-should-blame-capitalism/sowie>: The Associated Press, »Ex-Google exec Harris on how tech downgrades humans« (Ex-Google-Chef Harris darüber, wie Tech den Menschen downgradet), in: sentinel, 11.08.2019, <https://sentinelcolorado.com/sentinel-magazine/qa-ex-google-exec-harris-on-how-tech-downgrades-humans/> (дата обращения 06.01.2020).

32. Stefan Lessenich, Neben uns die Sintflut, München 2016, S. 196.

33. Vgl. <https://www.aeb.com/media/docs/press-de/2019-10-02-pressemeldung-aeb-esd-abfallexporte.pdf> (дата обращения 16.01. 2020) sowie: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/handel-konsumgueter/abfall-deutschland-exportiert-mehr-muell-als-maschinen/25078510.html?ticket=ST-383546-smOR3FsRzOKKBvflTbnN-ar2> (дата обращения 16.01.2020).

34. Vgl. Heinrich-Böll-Stiftung, Institute for Advanced Sustainability Studies, Bund für Umwelt- und Naturschutz Deutschland und Le Monde diplomatique (Hrsg.), Bodenatlas 2015: Daten und Fakten über Acker, Land und Erde, <http://www.slu-boell.de/sites/default/files/bodenatlas2015.pdf> (дата обращения 06.01.2020).

35. Siehe auch Hartmut Rosa, Unverfügbarkeit, Wien und Salzburg 2018.

36. Barry Schwartz, Anleitung zur Unzufriedenheit, Berlin 2004.

37. Tim Kasser, The High Price of Materialism (Der hohe Preis des Materialismus), Cambridge 2002.

38. Derek Curtis Bok, The Politics of Happiness: What Government Can Learn from the New Research on Well-Being. Princeton, N. J. 2010, S. 15.

39. Armin Falk, »Ich und das Klima«, in: Die Zeit, 21. 11. 2019, <https://www.econ.uni-bonn.de/Pressemitteilungen/der-klimawandel-verhaltensoekonomisch-betrachtet-von-armin-falk> (дата обращения 06.01.2020).

40. Vgl. Heinrich Böll Stiftung (Hrsg.), »Fünf Konzerne beherrschen den Weltmarkt«, https://www.boell.de/de/2017/01/10/fuenf-agrarkonzerne-beherrschen-den-weltmarkt?dimension1=ds_konzernatlas (дата обращения 06. 01. 2020).

41. Vgl. die BIP-Werte auf den Seiten der World Bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=map> und die Markt-werte bei Statista unter <https://www.statista.com/statistics/263264/top-companies-in-the-world-by-market-value/> (дата обращения: 06.01.2020).

42. Mariana Mazzucato, Das Kapital des Staates: Eine andere Geschichte von Innovation und Wachstum, München 2014, Einleitung.

43. Vgl. »The Silicon Six«, в: Fairtaxmark, Dezember 2019 <https://fairtaxmark.net/wp-content8./uploads/2019/12/Silicon-Six-Report-5-12-19.pdf> (дата обращения: 06.01.2020).
44. Vgl. »AmazoninitsPrime«, Institute on Taxation and Economic Policy (ITEP), 13.02.2019, <https://itep.org/amazon-in-its-prime-doubles-profits-pays-0-in-federal-income-taxes/> (дата обращения: 06.01.2020).
45. Vaughn: Karen Vaughn, Invisible Hand (Die unsichtbare Hand), London 1983, S. 997 ff.; Keynes: John Maynard Keynes, Das Ende des Laissez-Faire, München und Leipzig 1926, S. 35.
46. Universität Bamberg (Hrsg), »Präventives Retourenmanagement und Rücksendegebuehren — Neue Studienergebnisse«, in: [retourenforschung.de](http://www.retourenforschung.de), Pressemitteilung vom 11. 02. 2019, <http://www.retourenforschung.de/info-praeventives-retourenmanagement-und-ruecksendegebuehren-neue-studienergebnisse.html> (дата обращения: 06.01.2020).
47. Vgl. HenningJauernig, KatjaBraun,»DieRetourenrepublik«, in: Spiegel, 12. 06. 2019, <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/amazon-zalando-otto-die-retouren-republik-deutschland-a-1271975.html> (дата обращения: 06.01.2020).
48. Die Rede finden Sie online unter <https://teachingamericanhistory.org/library/document/fireside-chat-on-the-new-deal/> (дата обращения: 06.01.2020).
49. Thomas Beschorner, In schwindelerregender Gesellschaft, Hamburg 2019.
50. Für den Marktanteil von Bio-Lebensmitteln siehe, <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/360581/umfrage/markt-anteil-von-biolebensmitteln-in-deutschland/>. Für den Anteil von Bio-Fleisch siehe, <https://www.fleischwirtschaft.de/wirtschaft/nachrichten/Bio-Markt-Der-Umsatz-waechst-38580?crefresh=1> (дата обращения 06.01.2020).
51. The Lancet Planetary Health (Hrsg.), »More than a Diet«, Februar 2019, Vol. 3, Iss. 2, <https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196%2819%2930023-3/fulltext> (дата обращения 16.01.2020).
52. Für die Lebensmittelausgaben siehe, <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/75719/umfrage/ausgaben-fuer-nahrungsmittel-in-deutschland-seit-1900/>; für die Veränderung der Wohnausgaben siehe <https://makronom.de/wie-die-veraenderung-der-wohnausgaben-die-ungleichheit-erhoeht-hat-28291> (дата обращения 16.01.2020).
53. Stefan Gössling, »Celebrities, air travel, and social norms« в: ScienceDirect, Nr. 79, November 2019, <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S016073831930132X> (дата обращения: 06.01.2020).
54. Der aktuelle Stand der sogenannten CO2-Uhr lässt sich hier prüfen: <https://www.mcc-berlin.net/de/forschung/co2-budget.html> (дата обращения: 06 01.2020).

55. Die Forbes-Liste finden Sie unter <https://www.forbes.com/billionaires/#36ccf2b9251c> (дата обращения: 06.01.2020).

56. Vgl. die Ergebnisse der Studie in: Dan Ariely, »Americans Want to Live in a Much More Equal Country« в: The Atlantic, 02. 08. 2018, <https://www.theatlantic.com/business/archive/2012/08/americans-want-to-live-in-a-much-more-equal-country-they-just-dont-realize-it/260639/>; <http://danariely.com/2010/09/30/wealth-inequality/> (дата обращения 06.01.2020).

57. Diese Zahlen stammen von dem Ökonomen und Ungleichheitsforscher Gabriel Zucman, zusammengefasst in: Pedro da Costa, »Wealth Inequality Is Way Worse Than You Think, And Tax Havens Play A Big Role«, в: Forbes, 12.02.2019, <https://www.forbes.com/sites/pedrodacosta/2019/02/12/wealth-inequality-is-way-worse-than-you-think-and-tax-havens-play-a-big-role/#1672b3ceeac8> (дата обращения 06.01.2020).

58. Die deutsche Kurzfassung des Berichts findet sich unter, <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-german.pdf> (дата обращения 06.01.2020).

59. Ebd.

60. Vgl. die Darstellung bei Forbes unter: <https://www.forbes.com/sites/pedrodacosta/2019/02/12/wealth-inequality-is-way-worse-than-you-think-and-tax-havens-play-a-big-role/#1672b3ceeac8> (дата обращения 06 01.2020).

61. Vgl. Mark Curtis, »Gated Development: Is the Gates Foundation Always a Force for Good?«, Global Justice Now (Hrsg.), Juni 2016, https://www.globaljustice.org.uk/sites/default/files/files/resources/gjn_gates_report_june_2016_web_final_version_2.pdf. Eine deutsche Zusammenfassung der Studie finden Sie unter <https://www.heise.de/tp/features/Bill-Gates-zwischen-Schein-und-Sein-3378037.html> (дата обращения 06.01.2020).

62. Siehe Giridharadas' Vortrag vor dem AspenInstitute's Action Forum, 29. Juli 2015: Anand Giridharadas, »The Thriving World, the Wilting World, and You«, in: [Medium.com](https://medium.com/@AnandWrites/the-thriving-world-the-wilting-world-and-you-209ffc24ab90), 01.08.2015, <https://medium.com/@AnandWrites/the-thriving-world-the-wilting-world-and-you-209ffc24ab90> (дата обращения 06.01.2020).

63. Jeff Cox, »CEOs see pay grow 1,000% in the last 40 years, now make 278 times the average worker« in: CBNC, 16. 08. 2019 <https://www.cnbc.com/2019/08/16/ceos-see-pay-grow-1000percent-and-now-make-278-times-the-average-worker.html> (дата обращения 06.01.2020).

64. World Resources Institute (изд), Cumulative CO2-Emissions 1850–2011 (% of World Total), Kumulierte CO2-Emissionen 1850–2011 (% der

- Weltgesamtmenge), https://wriorg.s3.amazonaws.com/s3fs-public/uploads/historical_emissions.png (дата обращения 06.01.2020).
65. Vgl. Helmholtz Zentrum für Umweltforschung (изд.), »Kohlen-stoffbilanz im tropischen Regenwald des Amazonas«, 08. 11. 2019, https://www.ufz.de/index.php?de=36336&webc_pm=48/2019 (дата обращения 06.01.2020).
66. Claudia Krapp, »Waldbrändemit<ungewöhnlichen<Folgen«, в: Forschung und Lehre, 15.10.2019, <https://www.forschung-und-lehre.de/forschung/waldbraende-mit-ungewoehnlichen-folgen-2213/> (дата обращения 06.01.2020).
67. Vgl. Philipp Henrich, »Exportmenge der führenden Exportländer von Rindfleisch weltweit in den Jahren 2015 bis 2020«, в: Statista 18.10.2019, <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/245664/umfrage/-fuehrende-exportlaender-von-rindfleisch-weltweit/> (дата обращения 06 01.2020).
68. Vgl. »Infografiken Sojawelten: Die Zahlen«, в: transgen, letzte Aktualisierung 20.03.2019, <https://www.transgen.de/lebensmittel/2626 soja-welt-zahlen.html> (дата обращения 06.01.2020).
69. Ha-Joon Chang, Kicking away the Ladder. Development Strategy in Historical Perspective, London 2002, S. 129.
70. Oliver Richters, Andreas Siemoneit, Marktwirtschaft reparieren, München 2019, S. 158.
71. Daniel Marcovitz, »How Life Became an Endless, Terrible Competition« (Wie das Leben zu einem endlosen, schrecklichen Wettkampf wurde), in: The Atlantic, September 2019, <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/09/meritocracys-miserable-winners/594760/> (дата обращения 06.01.2020).
72. Peter Barnes et al., »Creating an Earth Atmospheric Trust«, in: Science, Nr. 319, 08.02.2008, S. 724–726. Der Artikel ist kostenpflichtig einsehbar unter: <https://science.sciencemag.org/content/319/5864/724.2> (дата обращения 06.01.2020).
73. Michael Sauga, »Forscher halten Systemwechsel für nötig«, in: Spiegel, 12.07.2019, <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/klimasteuer-der-co2-preis-soll-nicht-die-staatskasse-fuellen-a-1276939.html> (дата обращения 06.01.2020).
74. Agora Energiewende und Agora Verkehrswende, »Die Kosten von unterlassenem Klimaschutz für den Bundeshaushalt 2018«, https://www.stiftung-mercator.de/media/downloads/3_Publikationen/2018/Oktober/142_Nicht-ETS-Papier_WEB.pdf (дата обращения 06.01.2020).

Источники эпиграфов

Приглашение: Volker Hauff et al. (изд.), Unsere gemeinsame Zukunft: [der Brundtland-Bericht der Weltkommission für Umwelt und Entwicklung]. Barbara von Bechtolsheim (Übers.), Greven 1987, S. 302.

Новая реальность: Rachel Carson in ihrer Dankesrede für den National Book Award 1952, vgl. American Chemical Society (Hrsg.), Legacy of Rachel Carson's Silent Spring, 26.10.2012, <https://www.acs.org/content/acs/en/education/whatischemistry/landmarks/rachel-carson-silent-spring.html> (дата обращения: 16.01.2020).

Природа и жизнь: Joseph Stiglitz, »It's time to retire metrics like GDP. They don't measure everything that matters«, in: The Guardian, 24.11.2019, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/nov/24/metrics-gdp-economic-performance-social-progress> (дата обращения 16.01.2020).

Люди и поведение: Joseph A. Tainter, The Collapse of Complex Societies, Cambridge 1988, S. 50.

Рост и развитие: John Robert McNeill zitiert in: Jeremy Lent, The Patterning Instinct, Amherst 2017, S. 398.

Технический прогресс: Jeremy Lent, The Patterning Instinct, Amherst 2017, S. 378.

Потребление: Der Humorist Robert Quillen beschrieb damit in seiner Zeitungskolumne den »Amerikanismus«. Robert Quillen, »Paragraphs«, in: The Detroit Free Press, 04.06.1928.

Рынок, государство и общее благо: Eric Liu und Nick Hanauer, »Complexity Economics Shows Us Why Laissez-Faire Economics Always Fails«, in: Evonomics, 21.02.2016, <https://evonomics.com/complexity-economics-shows-us-that-laissez-faire-fail-nickhanauer/> (дата обращения 21.01.2020).

Думать и действовать: Maria Popova, »How We Spend Our Days Is How We Spend Our Lives: Annie Dillard on Choosing Presence Over Productivity«, in: Brainpickings, 07.06.2013, <https://www.brainpickings.org/2013/06/07/annie-dillard-the-writing-life-1/> (дата обращения 16.01.2020).

Несмотря на приложенные большие усилия, оказалось невозможным связаться со всеми правообладателями процитированных отрывков. Просим их все-таки связаться с издательством.

Для тех, кто хочет большего

Ниже вы найдете небольшую подборку публикаций, с помощью которых вы сможете принять активное участие в инициативах или получить дополнительную информацию. Я постаралась охватить разные области, потому что у каждого из нас свои сферы деятельности и склонности. В

основном здесь собраны сведения о больших платформах, а не об отдельных инициативах, опять же чтобы вам было из чего выбирать.

Думать дальше

1. Tim Jackson, Wohlstand ohne Wachstum — das Update, München 2017.

Новаторский труд, уже ставший классикой. Сегодня Тим Джексон со своими коллегами из Центра изучения устойчивого процветания (CUSP) в Сассекском университете, Великобритания, продолжает развивать высказанные здесь идеи.

<https://www.cusp.ac.uk/>

2. Kate Raworth, Die Donut-Ökonomie: Endlich ein Wirtschaftsmodell, das den Planeten nicht zerstört, München 2018.

Образ пончика, символизирующего планетарные верхние и нижние социальные границы, в 2012 году совершил прорыв во время обсуждений зеленой экономики в ООН, а Кейт Раворт в своей книге предложила взгляд на новую экономику как на коридор между двумя этими границами.

www.doughnuteconomics.org

3. Pavan Sukhdev, Corporation 2020: Warum wir Wirtschaft neu denken müssen, München 2013.

Паван Сухдев — бывший экономист Deutsche Bank, а ныне президент Всемирного фонда дикой природы, руководил исследованием экономики экосистемных услуг и биоразнообразия, проводившимся под эгидой ООН (ТЕЕВ), и затем сосредоточил свое внимание на реформе корпоративных структур для устойчивого предпринимательства.

4. John Fullerton, Finance for a Regenerative World, Capital Institute 2019–2021.

Этот бывший инвестиционный банкир основал исследовательский центр по применению регенеративных принципов биологических систем в разработке экономических решений, в частности при реформе финансовой системы.

<https://capitalinstitute.org/regenerative-finance-2/>

5. Maja Göpel, The Great Mindshift. How Sustainability Transformations and a New Economic Paradigm Go Hand in Hand, Heidelberg 2016.

Научное исследование связи изучения трансформаций с понятиями устойчивой экономики и методика обучения в Лаборатории системных инноваций 2016.

www.greatmindshift.org

6. Das Handbuch aus dem Lab

<https://epub.wupperinst.org/frontdoor/index/index/docId/6538>

7. Wellbeing Economy Alliance

Всемирная сеть организаций и частных лиц, занимающихся экономикой, поставленной на службу природе и людям. Здесь исследуют, экспериментируют, готовят публикации, объединяются и общаются. Появились уже первые страны, которые серьезно отнеслись к альтернативной форме измерения благосостояния и стали членами сети.

www.wellbeingeconomy.org

8. Forum for a New Economy

Платформа, разрабатывающая новый лейтмотив экономики.

<https://newforum.org>

9. Evonomics (интернет-журнал)

Следующий виток эволюции экономики.

www.evonomics.com

Действовать дальше

Потребление и повседневность

Экологически чистые продукты:

- Utopia — руководство по покупкам и справочные статьи об основах устойчивой жизни.

www.utopia.de

- Avocadostore — торговая онлайн-площадка, где представлены экологичные бренды.

www.avocadostore.de

- Greenpeace — информация о сельскохозяйственных практиках и политике в этой сфере.

<https://www.greenpeace.de/themen/landwirtschaft>

Деньги как средство:

- Fair Finance Guide — информация о банковской деятельности.

www.fairfinanceguide.de

- Forum Nachhaltige Geldanlage — информация об инвестициях.

www.forum-ng.org

- Finanzwende — для граждан, заинтересованных в изменении инвестиционного цикла.

www.finanzwende.de

Устойчивые путешествия:

- Forum Anders Reisen — предложения эко-путешествий.

www.forumandersreisen.de

- Atmosfair — о компенсации выбросов CO₂.

www.atmosfair.de

Компании и организации

Улучшение финансовой отчетности:

- Экономика общего блага.

www.ecogood.org

- Benefit Corporations

www.bcorporation.eu

- Global Compact — гид по целям устойчивого развития.

www.sdgcompass.org

Новые организационные формы:

- Regionalwert AG — гражданское акционерное общество для связи инвесторов с устойчивыми предприятиями региональной экономики по всей Германии.

www.regionalwert-treuhand.de

- Purpose Stiftung — социально ответственная собственность как правовая форма предприятия, ориентированная на сотрудников.

www.purpose-economy.org

www.entrepreneurs4future.de

Политическая ответственность:

- Stiftung 2 Grad — компании за политическое урегулирование защиты климата.

www.stiftung2grad.de

- Global Alliance for Banking on Values — что банки делают с вашими деньгами.

www.bankingonvalues.org

Мультипликаторы

Образование:

- Global Goals Curriculum — развитие компетенций, необходимых для достижения глобальных целей устойчивого развития, в сотрудничестве с программой «Учебный компас 2030» ОЭСР.

www.ggc2030.org

www.oecd.org/education/2030-project

СМИ:

- Perspective Daily — помогает разобраться в джунглях новостей.

www.perspective-daily.de

- Enorm — журнал, посвященный социальной ответственности.

www.enorm-magazin.de

- Neue Narrative — журнал, посвященный новым видам работы.

www.neuenarrative.de

Дальнейшая реструктуризация

Последовательное проведение экономики замкнутого цикла

- Ellen McArthur Foundation

www.ellenmacarthurfoundation.org

- Cradle to Cradle

www.c2c-ev.de

Политический сдвиг на местном уровне

- German Zero — движение за закон о климате с учетом повышения температуры не более чем на 1,5 °C и местные климатические решения.

www.germanzero.de

- Ecovillages — глобальная сеть, объединяющая представителей различных стратегий самоуправления, способствующих регенеративному развитию.

www.ecovillage.org

- Solidarische Landwirtschaft — частные хозяйства, содержащие сельскохозяйственные угодья.

www.solidarische-landwirtschaft.org

- Transition Towns — международная сеть муниципалитетов на пути к устойчивости.

www.transitionnetwork.org

- C40 Cities — сеть, объединяющая усилия больших городов по борьбе с изменениями климата.

www.c40.org

Политический сдвиг на национальном и европейском уровнях

- Deutscher Naturschutz Ring — карты социально-экологических преобразований.

<https://www.dnr.de/sozial-oekologische-transformation/?L=46>

- Стратегия устойчивого развития Германии.

www.dieglorreichen17.de

- Диалог Gut Leben in Deutschland.

www.gutlebenindeutschland.de

- SDG Watch — общественный мониторинг достижения целей устойчивого развития в Европе.

www.sdgwatcheurope.org

- European Progressives — Доклад по экологическому равенству 2019–2024.

<https://www.progressivesociety.eu/publication/report-independent-commission-sustainable-equality-2019-2024>

- Римский клуб — планетарный аварийный план.

<https://www.clubofrome.org/2019/09/23/planetary-emergency-plan/>

- WWWforEurope — исследовательский проект «Благосостояние, богатство и работа в Европе», в котором высказываются мысли о новой конкурентоспособности и трансформации.

<https://www.wifo.ac.at/forschung/forschungsprojekte/wwwforeurope>

Разработка общественно значимых инноваций

- Progressives Zentrum — конференция Innocracy.

<https://www.progressives-zentrum.org/innocracy2019/>

- Фонд инноваций Nesta, Лондон.

www.nesta.org.uk

Об авторе

Профессор, доктор экономических наук Майя Гёпель родилась в 1976 году, изучает политэкономии и устойчивое развитие на стыке науки, политики и общественной деятельности. Занимала должность генерального секретаря Научного совета по глобальным изменениям окружающей среды при федеральном правительстве (WBGU), является членом Римского клуба, «Всемирного совета будущего», Balaton Group и Das Progressive Zentrum. В марте 2019 года на федеральной пресс-конференции она представила инициативу «Ученые ради будущего» — призыв более 26 000 ученых признать законными требования студенческих протестов о необходимости более решительных мер по защите климата и окружающей среды.

1. В данном случае я привожу пример мирного гражданского протеста. Я дистанцируюсь от некоторых действий основателей этого движения в Великобритании. — Прим. авт.

2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2016.
3. Шумахер Э. Малое прекрасно: Экономика, в которой люди имеют значение. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М.: Ad Marginem, 2016.
5. Маццукато М. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021.
6. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков (послесловие Д. Шестакова) // Вопросы экономики. 2009. №6. С. 60–69.
7. Кондо М. Магическая уборка: Японское искусство наведения порядка дома и в жизни. — М.: ОДРИ, 2017.
8. Экстернализация — один из механизмов защиты, проявляющийся в стремлении человека воспринимать внутрипсихические процессы, силы и конфликты, как протекающие вне его и являющиеся внешними по отношению к нему. Автор книги использует термин, введенный немецко-американским психоаналитиком Карен Хорни (1885–1952) для описания тенденции ухода человека от реального «я» и возложения ответственности за собственные трудности на внешние факторы и обстоятельства жизни. — Прим. ред.

Переводчик Тамара Эйдельман

Редактор Галина Рагузина

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта О. Равданис

Корректоры Т. Редькина, Е. Чудинова

Компьютерная верстка К. Свищёв

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Иллюстрация на обложке [gettyimages.com](https://www.gettyimages.com)

© By Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.

Published in 2020 by Ullstein Verlag

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2021

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2021

Гёпель М.

Мир после нас: Как не дать планете погибнуть / Майя Гёпель; Пер. с нем.
— М.: Альпина Паблшер, 2021.

ISBN 978-5-9614-7430-5